This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

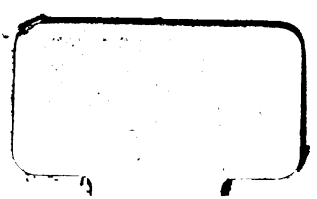
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



X 47594
8383

no trim

X 47594
8383

This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965

В. А. Богородицкій,
профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета.

Bogoroditskiĭ, Vasiliĭ Alekseevich,
X 47594
OP 8383

ОБЩІЙ КУРСЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

(Изъ университетскихъ чтеній).

Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1907.

891.705
B68
1907a

520492-172

Предисловіе ко 2-му изданію.

Первое изданіе этой книги разошлось быстрѣе, чѣмъ я предполагалъ; этимъ объясняется, что въ настоящее изданіе я не успѣлъ ввести весь матеріалъ, предназначавшійся для него. Все-таки въ это новое изданіе, кромѣ частныхъ исправленій и дополненій, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги, введена совершенно новая глава по важному вопросу о словообразованіи въ области именъ существительныхъ, а также прибавленъ сравнительный отдѣлъ въ изложеніе консонантизма и значительно расширена глава о нарѣчіяхъ; наконецъ, я переработалъ и дополнилъ синтаксисъ особенно въ ученіи о сложномъ предложеніи. Что же касается главъ по діалектологіи и исторіи языка, включая сюда и вопросъ о заимствованныхъ словахъ, то онѣ откладываются для слѣдующаго изданія. Характеръ изложенія во всѣхъ дополненіяхъ удержанъ прежній, т. е. научность изложенія соединена съ возможною доступностью, ибо, какъ я уже указывалъ въ предисловіи къ первому изданію, своимъ трудомъ я имѣлъ въ виду принести посильную пользу преподавателямъ средней школы, давъ популярно-научное пособіе по грамматикѣ отечественнаго языка.

Авторъ.

101558

Оглавленіе.

стр.

Введеніе. 1

I. Физіологія звуковъ русскаго языка. 7

II. Принципы русскаго правописанія 24

III. Фонетика. Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики 31

IV. Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія 47

V. Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны; разъясненія сравнительно-грамматическія. . 81

VI. Морфологія. Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ 102

VII. Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія. 126

VIII. Имя существительное со стороны словообразованія. Такъ называемыя корневыя существительныя; существительныя первообразныя и производныя. 152

IX. Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи 179

X. Глаголъ въ отношеніи семазіологическомъ: понятіе о залогѣ, видѣ и проч. Классификація спряженій и удареніе въ нихъ 187

XI. О нарѣчіи и частицахъ 225

XII. Синтаксисъ. Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи и его объемѣ. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы 235

XIII. Распространеніе простаго предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи 254

Введеніе.

Исходнымъ пунктомъ при нашихъ занятіяхъ грамматикою русскаго языка будетъ служить современный литературный языкъ, какъ онъ является въ живомъ произношеніи, а также въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Уже изъ элементарной или школьной грамматики читатель отчасти знакомъ съ послѣдней стороной изученія русской рѣчи, такъ какъ во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ въ отдѣлѣ синтаксиса въ качествѣ поясняющихъ примѣровъ приводятся выраженія изъ лучшихъ писателей. Требованія отъ научнаго изслѣдованія языка разумѣется большія. Научная грамматика почерпаетъ изъ произведеній писателей матеріалъ не для одного синтаксиса, но и для другихъ своихъ отдѣловъ, при чемъ она не ограничивается случайными примѣрами, но заботится о такой полнотѣ матеріала, чтобы на основаніи его можно было составить характеристику языка писателя. За послѣдніе годы появился уже рядъ изслѣдованій по языку писателей, и, дѣйствительно, нельзя не признать важности подобныхъ изслѣдованій, если принять во вниманіе, что писатели своими произведеніями способствуютъ выработкѣ и развитію литературнаго языка.

Письменный литературный языкъ слѣдуетъ изучать въ связи съ живою разговорною рѣчью, такъ какъ эта послѣдняя служитъ настоящимъ источникомъ письменнаго литературнаго

языка. Можно даже сказать, что именно разговорная рѣчь является истиннымъ объектомъ науки о языкѣ, и если изслѣдователь будетъ пренебрегать подобнымъ изученіемъ, то это отразится на его изслѣдованіяхъ также неблагопріятно, какъ отражается пренебреженіе живыми образцами въ искусствѣ. Послѣдняя четверть минувшаго столѣтія, благодаря изслѣдованіямъ именно живой разговорной рѣчи, ознаменовалась столь крупными успѣхами въ области языковѣдѣнія, что считается началомъ новаго періода въ развитіи этой науки.

Не одинъ литературный языкъ въ его устномъ и письменномъ употребленіи составляетъ предметъ изслѣдованія научной грамматики, но также и народные говоры, такъ какъ иначе изученіе живаго языка не могло бы считаться полнымъ. Да и живой литературный языкъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества не является вполнѣ одинаковымъ, но представляетъ нѣкоторыя различія, находящіяся въ соотношеніи съ мѣстными народными говорами. [1])

Далѣе надо замѣтить, что наша рѣчь, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ измѣняется во времени. Поэтому научная грамматика изучаетъ явленія языка не только въ ихъ современномъ состояніи (или иначе говоря—статически), но и въ историческомъ развитіи (динамически), пользуясь дошедшими до насъ отъ прежнихъ временъ письменными памятниками. Здѣсь умѣстно вспомнить изъ исторіи, что русскій народъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по сравненію съ народами Западной Европы въ томъ отношеніи,

---

[1]) Въ современномъ народномъ русскомъ языкѣ различаются слѣдующія главныя подраздѣленія на діалекты: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или окающіе и *южные* или акающіе; южно-великорусскіе говоры дѣлятся далѣе на *собственно южно-великорусскіе* (восточные) и *бѣлорусскіе* (западные). Въ основѣ произношенія современной русской *литературной* рѣчи лежитъ говоръ Москвы, принадлежащій къ великорусской группѣ; такое расширеніе въ употребленіи этого говора объясняется тѣмъ, что въ области московскаго нарѣчія долго сосредоточивалась государственная власть.

что никогда не былъ принужденъ признавать чуждый языкъ орудіемъ богослуженія, законодательства и литературы. Принимая христіанство, русскій народъ получилъ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, написанныя на нарѣчіи, отличавшемся сравнительно немногимъ отъ его нарѣчія. Книги эти, написанныя на старо-славянскомъ языкѣ и затѣмъ переписывавшіяся, легли въ основаніе древне-русской письменности и, соотвѣтственно своему важному значенію, вліяли на дальнѣйшій ея ходъ, а также — что вполнѣ естественно—и на устную рѣчь древне-русскихъ книжныхъ людей. Слѣды церковно-славянскаго вліянія мы въ изобиліи встрѣчаемъ и въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ, отчасти и въ народныхъ говорахъ.

Многія явленія русскаго языка ведутъ свое происхожденіе отъ временъ, предшествовавшихъ появленію у насъ письменности, восходя даже къ эпохѣ обще-славянской (основно-славянской). Это обстоятельство заставляетъ расширить область изслѣдованія сравненіемъ явленій русскаго языка съ родственными явленіями *другихъ славянскихъ языковъ* и прежде всего *старо-славянскаго*, письменность котораго отражаетъ наиболѣе древнее языковое состояніе въ сравненіи съ другими славянскими письменностями. [1])

Нѣкоторыя явленія современнаго намъ русскаго языка еще болѣе древняго происхожденія и возникли на почвѣ

---

[1]) Славянскіе языки, съ точки зрѣнія географическаго расположенія, представляютъ три обширныя области: *восточную* или область русскаго языка, *западную* или область языковъ польскаго, кашубскаго, исчезнувшаго полабскаго, обоихъ лужицкихъ и чешскаго съ словацкимъ, и *южную* или область языковъ болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго съ резьянскимъ. Южные славяне населяютъ области къ югу отъ нижняго Дуная и его притока Дравы, а западные занимаютъ области къ сѣверо-востоку отъ линіи верхняго Дуная; обширная область русскаго языка служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между западнымъ и южнымъ отдѣломъ славянства.

общe-аріо-европейской; поэтому въ изслѣдованіе наше приходитъ сравненіе явленій русскаго языка съ явленіями другихъ аріо-европейскихъ [1]) языковъ.

Въ предъидущемъ мы достаточно обозначили предметъ изученій научной грамматики русскаго языка, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о подраздѣленіи послѣдней.

Грамматику обыкновенно раздѣляютъ на *этимологію* и *синтаксисъ*. Этимологія занимается изученіемъ словъ въ отдѣльности, не въ предложеніи; въ синтаксисѣ же изслѣдуются сочетанія словъ въ предложеніи и соединеніе предложеній. Первая часть распадается на два отдѣла — *фонетику* или ученіе о звукахъ въ словахъ и *морфологію* или ученіе о формахъ словъ, объ образованіи словъ изъ знаменательныхъ [2]) частей, о производствѣ словъ однихъ отъ другихъ; при этомъ въ морфологіи обращается вниманіе на двѣ стороны—внѣшнюю или *формальную* и внутреннюю или *семазіологическую* (смысло-

---

[1]) Такъ называется то языковое семейство, къ которому принадлежитъ русскій языкъ вмѣстѣ съ славянскими и другими родственными имъ языками; въ Азіи къ названному семейству относятся вѣтви индійская, иранская и армянская, а въ Европѣ—греческая, албанская, италійско-романская, кельтская, германская, балтійская или литовская и славянская. Языки этого семейства называются также индо-европейскими, а нѣмецкіе ученые предпочитаютъ именовать ихъ индо-германскими. Всѣ языки земнаго шара учеными подраздѣляются на большее или меньшее число семействъ (пока еще не установившееся), напр. аріо-европейское, турецко-татарское, угро-финское, китайское и т. д., при чемъ доказать родство между этими отдѣльными семействами языковъ современная наука не въ состояніи. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ семействахъ и, въ частности, семействѣ аріо-европейскомъ съ принадлежащими къ нему славянскими языками читатель найдетъ въ моемъ трудѣ «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ» (1901) стр. 1—16; еще подробнѣе объ языкахъ аріо-европейскаго семейства говорится въ моей книгѣ «Курсъ сравн. грам. аріо-европейскихъ языковъ», тетрадь 1-ая (Изд. 2-е, 1904 г.), стр. 13—87.

[2]) т. е. имѣющихъ значеніе, каковы—корень, суффиксъ и пр. (см. гл. VI, начало).

вую). Вторая часть грамматики или синтаксисъ раздѣляется на синтаксисъ простаго и сложнаго предложенія. Нужно впрочемъ оговориться: въ настоящее время терминъ „этимологія“ въ указанномъ выше смыслѣ оставленъ и теперь подъ нею разумѣютъ изученіе словъ даннаго языка на почвѣ сравненія съ соотвѣтствующими словами родственныхъ языковъ. Такимъ образомъ, теперь грамматику подраздѣляютъ прямо на три части—фонетику, морфологію и синтаксисъ. Не трудно замѣтить, что названные отдѣлы грамматики слѣдуютъ одинъ за другимъ въ порядкѣ увеличивающейся сложности предмета изученія. Нельзя при этомъ забывать, что всѣ эти отдѣлы тѣсно связаны между собою, такъ какъ каждое слово нашей рѣчи представляетъ собою одновременно фактъ фонетическій, морфологическій и синтаксическій. Собственно во всѣхъ отдѣлахъ грамматики объектъ изученія — одинъ и тотъ же (именно языкъ), но по причинѣ его сложной природы разныя его стороны въ наукѣ излагаются особо.

Все вышесказанное о раздѣленіи грамматики можно дополнить слѣдующимъ табеллярнымъ представленіемъ:

А. область чистаго языковѣдѣнія	а) Грамматика (какъ литературнаго, такъ и народнаго языка въ ихъ современномъ состояніи и въ историческомъ развитіи).	1) Фонетика. 2) Морфологія (со стороны семазіологической и формальной). 3) Синтаксисъ.
	б) Лексикологія или словарь (слова и ихъ значеніе какъ литературнаго, такъ и народнаго языка, въ современномъ употребленіи и въ письменныхъ памятникахъ прошлаго).	
Б. Область приложеній языковѣдѣнія.	а) къ вопросамъ культурно-исторической жизни. б) къ вопросамъ учебно - педагогическимъ.	

Мы не можемъ пожаловаться на особенную бѣдность изслѣдованій по научной грамматикѣ русскаго языка: труды Ломоносова, Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Потебни и др. представляютъ огромное богатство по собранному матеріалу. Но, какъ я уже упомянулъ, наука о языкѣ за послѣднюю четверть столѣтія сдѣлала громадные успѣхи въ пониманіи явленій языка, уясняя ихъ физіологическую и психическую природу, а также давая имъ сравнительно-грамматическое освѣщеніе. Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ по русской грамматикѣ еще мало подвергся освѣщенію съ этихъ сторонъ, вслѣдствіе чего читатель упомянутыхъ трудовъ, не имѣя общихъ оріентирующихъ идей, долженъ самъ справляться съ матеріаломъ. Цѣль настоящаго очерка нѣсколько восполнить указанный пробѣлъ и въ возможно краткомъ, ясномъ и доступномъ изложеніи ввести читателя путемъ разъясненія явленій роднаго языка въ кругъ важнѣйшихъ идей современнаго языкознанія.

Глава I.

Физіологія звуковъ русскаго языка.

Первою частью грамматики является *фонетика* или ученіе о звукахъ. Для болѣе глубокаго пониманія фонетики необходимо предварительно ознакомиться съ *физіологіей звуковъ рѣчи*, объясняющею устройство аппарата рѣчи и дѣятельность его частей при произношеніи.

Знакомство съ физіологіей звуковъ рѣчи имѣетъ важное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно приноситъ пользу при изученіи произношенія иностранныхъ языковъ, гдѣ встрѣчаются звуки, не существующіе въ нашемъ родномъ языкѣ или же нѣсколько отличные; напр. физіологія звуковъ учитъ, что при произношеніи нѣмецкаго *s* конецъ языка дальше отстоитъ отъ верхнихъ зубовъ, чѣмъ въ русскомъ языкѣ при произношеніи звуковъ *с* и *з*, вслѣдствіе чего звукъ пріобрѣтаетъ въ нѣмецкомъ нѣкоторую шепелеватость. Благодаря этому, нѣмецкое *s* въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго словахъ передается иногда шипящимъ звукомъ; такъ напр. русск. ко*ш*ъ, польск. ko*szt*=нѣм. Ko*st*, или польск. ż*egnać*, словин. ż*egnati*=нѣм. se*gnen* и др. Физіологія звуковъ можетъ оказывать также услугу при исправленіи недостатковъ произношенія; напр. нѣкоторые не произносятъ *с*, замѣняя его черезъ *ш*, а *з* черезъ *ж*, другіе не могутъ выговаривать твердаго *л*; зная же уложеніе языка при этихъ звукахъ, можно постепенно пріучить послѣдній къ требующимся укладамъ; равнымъ образомъ физіологія звуковъ представляетъ рядъ цѣлесообразныхъ упражненій для устраненія недостатка заиканія. Физіологія звуковъ уже нѣсколько столѣтій приноситъ неоцѣненную пользу при обученіи произношенію глухонѣмыхъ, которые пріучаются понимать рѣчь другихъ черезъ наблюденіе того, какъ укладываются органы произношенія у говорящихъ, затѣмъ сами привыкаютъ къ соотвѣтствующимъ укладамъ своего аппарата рѣчи и, благодаря упражненію, начинаютъ гово-

рить. Знакомство съ физіологіею произношенія не должно считаться лишнимъ и для начальнаго учителя, нерѣдко сталкивающагося въ своей практикѣ съ тѣми или другими недостатками рѣчи учащихся; кромѣ того, и при простомъ обученіи чтенію по звуковой методѣ знакомство съ физіологіей рѣчи будетъ полезно для него: оно укажетъ ему основанія для опредѣленія порядка звуковъ при первоначальномъ ихъ прохожденіи, разъяснитъ законы сочетанія и сліянія звуковъ, можетъ пригодиться и въ разныхъ другихъ случаяхъ [1]).

Каждый звукъ нашей рѣчи является результатомъ совокупности работъ отдѣльныхъ частей говорильнаго аппарата; эти части слѣдующія: 1) дыхательный аппаратъ; 2) гортань; 3) мягкое небо; 4) аппаратъ нижней челюсти и 5) органы произношенія. [2]) Къ частному разсмотрѣнію этихъ частей и ихъ работъ мы и перейдемъ.

1. *Дыхательный аппаратъ*, дающій необходимый для произношенія токъ воздуха, образуется грудною клѣткою съ находящимися въ ней легкими. Наше дыханіе представляетъ собою двѣ фазы—*вдыханіе и выдыханіе*; когда мы произносимъ какую-нибудь фразу, то при этомъ выдыхаемъ воздухъ; во время слѣдующаго затѣмъ вдыханія воздуха происходитъ

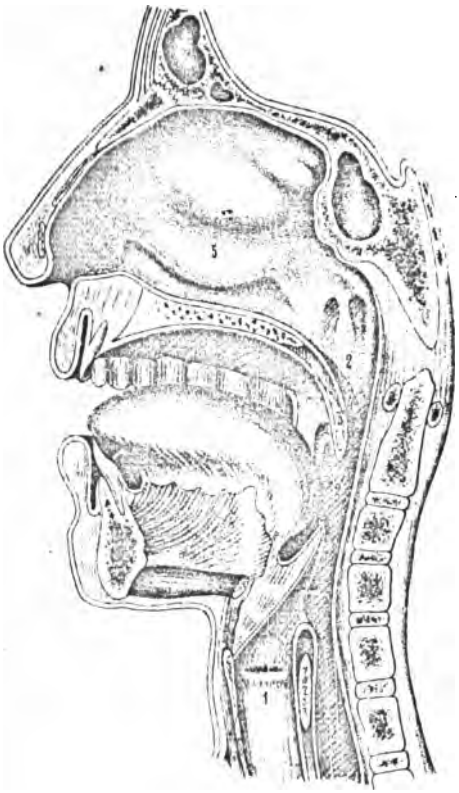
---

[1]) Напр. допустимъ, что ученикъ не можетъ припомнить произношенія буквы *р*,—тогда учитель можетъ намекнуть, что при выговариваніи этой буквы дрожитъ конецъ языка; и т. п. Само собой понятно, что при этомъ онъ долженъ избѣгать излишняго увлеченія, пользуясь своимъ знаніемъ физіологіи звуковъ рѣчи только въ случаѣ нужды.

[2]) Когда мы не говоримъ, указанныя части говорильнаго аппарата находятся въ покойномъ или «индифферентномъ» (безразличномъ) состояніи, а во время рѣчи исполняютъ требующіяся движенія или, какъ говорятъ, «артикулируютъ». Слово *артикуляція*, обозначающее въ анатоміи «сочлененіе», въ физіологіи звуковъ встрѣчается *въ двухъ значеніяхъ*: 1) обозначаетъ «укладъ» или «уложеніе», свойственное частямъ аппарата рѣчи при произведеніи того или другаго звука и 2) принятіе соотвѣтствующаго уклада частями говорильнаго аппарата для произношенія того или другаго звука. Я думаю, что, для устраненія неясности, за терминомъ «артикуляція» можно оставить только первое значеніе, а для втораго значенія воспользоваться терминами «артикулированіе», «артикулировать».

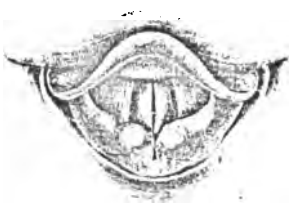
ВИДЪ ГОВОРИЛЬНАГО АППАРАТА.

в сагиттальномъ разрѣзѣ:



1. Правая голосовая связка.
2. Полость глотки.
3. Мягкое небо опущено.
4. Мягкое небо поднято и касается задней стѣнки глотки
5. Полость носа.

ВИДЪ ГОЛОСОВОЙ ЩЕЛИ:



а) при звучаніи

б) при дыханіи и глухихъ звукахъ.

в) при шепотѣ

пауза, послѣ которой, благодаря новому запасу воздуха, мы можемъ произнести новый рядъ словъ, и т. д. Здѣсь умѣстно указать на разницу между простымъ выдыханіемъ (т. е. не во время рѣчи) и фонаціоннымъ выдыханіемъ (во время рѣчи): при обыкновенномъ покойномъ дыханіи обѣ его фазы — вдыханіе и выдыханіе—приблизительно одинаковы по своей продолжительности, и каждая изъ фазъ является непрерывною; между тѣмъ во время рѣчи фазы дыханія имѣютъ неодинаковую продолжительность: за сравнительно короткимъ вдыханіемъ слѣдуетъ болѣе продолжительное выдыханіе, служащее для рѣчи и разбивающееся на участки по отдѣльнымъ словамъ и въ каждомъ словѣ по слогамъ. При этомъ слоговые участки или слоговые толчки выдыхаемаго тока воздуха представляютъ неодинаковую силу и продолжительность въ зависимости отъ положенія слога относительно ударенія слова, напр.

па́	пă	и	па	па́,
f	*p*		*mf*	*f*

а также оказываетъ на нихъ вліяніе положеніе слова въ фразѣ. Благодаря же различному строенію словъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, соотвѣтственно разнообразится въ этихъ языкахъ и регулированіе выдыхательнаго тока воздуха при произнесеніи какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и фразъ.

2. Слѣдующую часть нашего аппарата рѣчи составляетъ *гортань*. Въ ней имѣется голосовая щель, образуемая двумя голосовыми связками. Если послѣднія приближены одна къ другой и натянуты, то выдыхаемый токъ воздуха приводитъ ихъ въ дрожаніе, вызывая тѣмъ музыкальный звукъ, какъ бываетъ при произношеніи „звонкихъ“ звуковъ, т. е. при гласныхъ и такихъ согласныхъ, какъ *б*, *д*, *з* и пр. При дыханіи, а также при выговариваніи „глухихъ“ согласныхъ (*п*, *т*, *с* и пр.) голосовая щель бываетъ расширена, и воз-

духъ безшумно проходитъ черезъ нее, шумъ же при согласныхъ получается отъ дѣйствія органовъ произношенія. При звонкихъ согласныхъ музыкальный звукъ гортани соединяется съ шумомъ, происходящимъ отъ дѣйствія органовъ произношенія, между тѣмъ какъ при глухихъ согласныхъ имѣется одинъ только шумъ. Общность шума у глухихъ и соотвѣтствующихъ звонкихъ согласныхъ обусловливаетъ парность согласныхъ по звонкости и глухости, напр. звонкому *з*, соотвѣтствуетъ глухой *с*, звонкому *г*—глухой *к* и т. п. [1]). При шепотѣ глухіе звуки остаются безъ измѣненія, а звонкіе замѣняются *шепотными*, при которыхъ голосовая щель представляетъ среднее положеніе между описанными двумя.

3. Теперь скажемъ объ участіи *мягкаго неба* или *небной занавѣски* при произношеніи. Если бы надъ гортанью не лежали полости, которыя, видоизмѣняя свою величину и форму, производятъ видоизмѣненія и въ голосѣ гортани, превращая его въ тѣ или другіе звуки, тогда не было бы и соотвѣтствующаго разнообразія звуковъ нашей рѣчи, но просто гортань издавала бы музыкальные звуки подобно звукамъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Но надъ гортанью простирается мѣшковидная полость глотки, имѣющая вверху отверстіе въ *полость рта* и еще выше—въ *полость носа*. Полость носа, лежащая надъ полостью рта, отдѣляется отъ послѣдней твердымъ и мягкимъ небомъ. Когда небная занавѣска опущена, то токъ воздуха проходитъ въ полость рта и въ полость но-

---

[1]) Упомянемъ здѣсь о слѣдующихъ звуковыхъ явленіяхъ русскаго языка: 1) вмѣсто звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ произносятся парные имъ глухіе, напр. *лоп* вм. *лоб*, *рас* вм. *раз* и т. д.; 2) передъ глухими звонкіе нерѣдко замѣняются въ произношеніи глухими и, наоборотъ, глухіе передъ звонкими нерѣдко переходятъ въ звонкіе, напр. *ф*ходить вм. *в*ходить, *з*дѣлать вм. *с*дѣлать и т. п. Съ большею подробностью объ этихъ явленіяхъ будетъ говориться въ фонетикѣ.

са; такимъ образомъ звучащая воздушная струя, при томъ или другомъ уложеніи органовъ произношенія, пріобрѣтаетъ носовой резонансъ, благодаря чему звуки получаются „рто-носовые“, называемые также носовыми—*м* и *н*. Если же при произношеніи небная занавѣска, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ приближена или прижата къ задней стѣнкѣ глотки, то выдыхаемый воздухъ отражается въ полость рта, такъ что получаются звуки „ртовые“ (не-носовые, чистые), куда относятся всѣ прочіе звуки русской рѣчи: *а*, *о*...; *п*, *б*, *с*, *з*... Значитъ, въ русскомъ языкѣ при произношеніи значительно преобладаетъ поднятое положеніе мягкаго неба, могущее соединяться съ одновременнымъ какъ звонкимъ уложеніемъ гортани (*а*, *о*...; *б*, *з*...), такъ и глухимъ (*п*, *с*...); что же касается опущеннаго положенія мягкаго неба (при носовыхъ согласныхъ), то оно соединяется обычно только съ звонкимъ уложеніемъ гортани, причина чего—не физіологическая, но акустическая: если мы будемъ произносить звуки *м* и *н* простымъ выдыханіемъ, то получится почти не замѣтный для слушателя акустическій эффектъ, а потому такое выговариваніе *м* и *н*, какъ непригодное, отсутствуетъ въ рѣчи, встрѣчаясь случайно въ исключительныхъ условіяхъ, какъ напр. послѣ глухихъ согласныхъ въ концѣ словъ (срв. конечное *м* въ словѣ „драхмъ“, могущее и не имѣть звонкости, при чемъ однако трудно различить, произносится ли оно простымъ выдыханіемъ или же шепотомъ).

4. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной *ширинѣ раствора рта* или, другими словами, при разной степени *опущенія* или же *поднятія нижней челюсти* (напр. звукъ *а* произносится при широкомъ растворѣ рта, звуки *о* и *е* — при среднемъ растворѣ, остальные же звуки *у*, *і*, *ы* и всѣ согласные — при узкомъ, при чемъ, какъ увидимъ ниже, нужно допустить разницу между узкимъ растворомъ соглас-

ныхъ и узкихъ гласныхъ). Здѣсь необходимо указать одно существенное различіе между гласными и согласными звуками. При усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ усиливается приближеніе нижней челюсти къ верхней, тогда какъ при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость; такимъ образомъ, хотя согласные и узкіе гласные по-видимому одинаково произносятся при узкомъ растворѣ рта, но нужно думать, что характеръ мышечной дѣятельности при этомъ не одинъ и тотъ же. Дѣло въ томъ, что работы осажденія и подниманія нижней челюсти совершаются особыми группами мышцъ, при чемъ въ *гласныхъ* перевѣсъ въ дѣйствіи принадлежитъ группѣ мышцъ, опускающихъ нижнюю челюсть, а въ *согласныхъ*—группѣ поднимающихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія чисто-физіологической (анатомо-физіологической) гласные могутъ быть опредѣлены какъ рто-раскрыватели, а согласные какъ рто-смыкатели. Мы увидимъ далѣе, что степень опущенія или же поднятія нижней челюсти стоитъ въ связи съ дѣйствіемъ органовъ произношенія, а потому и это послѣднее мы введемъ впослѣдствіи въ нашу характеристику гласныхъ и согласныхъ; здѣсь же нужно указать, что раскрытіе рта при произнесеніи гласныхъ представляетъ три главныя степени, а именно: широкая степень раскрытія рта при произнесеніи гласнаго *а*, средняя степень—при гласныхъ *о* и *э* и узкая—при *у*, *ы*, *і*. Если для образованія слога необходимо присутствіе гласнаго звука, то съ точки зрѣнія физіологической это значитъ, что въ образованіе слога должна входить работа раскрытія рта, число же и энергичность слоговыхъ раскрытій рта при произношеніи словъ стоятъ въ соотвѣтствіи съ числомъ и силою слоговыхъ толчковъ фонаціоннаго выдыханія. Нужно прибавить однако, что въ неударяемыхъ слогахъ, слабо произносимыхъ, указанная противоположность между гласными и согласными вслѣдствіе слабости артикуляцій уменьшается, неударяемый гласный въ сво-

емъ ослабленіи стремится къ индифферентному укладу и можетъ затѣмъ даже совсѣмъ исчезнуть (значитъ, работы гласнаго раскрытія рта совсѣмъ не будетъ и слоговой составъ слова измѣнится), какъ напр. въ произношеніи „тышча“ изъ тысяча.

5. Собственно *органами произношенія* являются губы и языкъ. Это—активные органы, совершающіе разныя движенія, въ отличіе отъ пассивныхъ, т. е. зубовъ и твердаго неба; эти послѣдніе могутъ служить лишь пунктами, относительно которыхъ дѣйствуютъ органы подвижные или активные. При разсмотрѣніи работы (участія) органовъ произношенія нужно обращать вниманіе на двѣ стороны—мѣсто и способъ артикуляцій.

Относительно мѣста артикуляцій замѣтимъ слѣдующее. При участіи губъ дѣйствіе происходитъ или между обѣими губами (*п*, *б*, *м*, *о*, *у*), при чемъ при согласныхъ *п*, *б* и *м* губы по всей своей длинѣ сжимаются между собою, а при гласныхъ *о* и *у* выдвигаются впередъ, у угловъ касаясь одна другой, по серединѣ же образуя отверстіе, и это своеобразное уложеніе губъ соединяется съ одновременнымъ глубокимъ приближеніемъ задней части языка къ небу,—или же нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ (*ф*, *в*); отсюда *губные* звуки распадаются на *губно-губные* и *губно-зубные*. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба [1]): переднею частью

---

[1]) Для опредѣленія тѣхъ мѣстъ на небѣ, относительно которыхъ артикулируетъ языкъ, прекраснымъ пособіемъ можетъ служить методъ окрашиванія. Языкъ на́-сухо вытираютъ, покрываютъ густымъ слоемъ туши и артикулируютъ для произнесенія извѣстнаго звука. Затѣмъ ротъ раскрываютъ и разсматриваютъ передъ зеркаломъ. Часть неба, прилегающую къ верхнимъ рѣзцамъ, можно видѣть, введя въ ротъ край тонкаго зеркала, обращеннаго къ небу, и въ то же время имѣя передъ собою другое зеркало, на которое должно отразиться изображеніе съ перваго зеркала, — это при

(звуки *передне-язычные*, напр. *т*), среднею (звуки *средне-язычные*, напр. гласный *і* и согласный *й*, обозначаемый въ научной транскрипціи также буквою—j) и заднею (*задне-язычные*, напр. *к*); при этомъ въ дѣйствіи передней части языка различается дѣйствіе относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д*, *с*, *з*, *н* и *л*)[1]) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ или, другими словами, относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ, т. е. челюстныхъ луночекъ верхнихъ зубовъ, одѣтыхъ десною и образующихъ небольшую выпуклость надъ верхними зубами при переходѣ къ своду твердаго неба (*ш*, *ж*, *р*), дѣйствіе же задней части языка различается болѣе глубокое (при *о* и *у*) и менѣе глубокое (при гласномъ *ы* и согласныхъ *к*, *г*, *х*, *γ*[2])); такимъ образомъ передне-язычные звуки подраздѣляются на *зубные* и *альвеолярные*, а задне-язычные—на *глубокіе* и *неглубокіе*. Дѣйствіе средней части языка можетъ соединяться съ прочими артикуляціями, чѣмъ производится мягкое произношеніе звуковъ (напр. *п'*, *т'* и пр.); отсюда получается парность звуковъ по *твердости* и *мягкости* (напр. *п* || *п'*, *с* || *с'* и пр.), т. е. звуковъ „безъ участія“ и „съ участіемъ *средней части* языка“.

Что касается способа артикуляцій, то таковой, какъ мы указывали, находится въ связи съ раскрываніемъ и закрываніемъ рта, а потому мы его разсмотримъ соотвѣтственно

самонаблюденія; при наблюденіяхъ же надъ другими можно непосредственно обозрѣвать все небо. Читатель, который заинтересовался бы изученіемъ артикуляцій звуковъ общерусскаго языка посредствомъ метода окрашиванія, долженъ обратиться къ слѣдующему сочиненію: *С. И. Ершовъ* Экспериментальная фонетика. Казань (1903), стр. 62—67, 80—91; къ сочиненію присоединенъ атласъ палатограммъ звуковъ русскаго языка.

[1]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще опущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ «передне-боковое».

[2]) Такъ обозначается въ научной транскрипціи звукъ г, произносимый напр. въ словахъ: благо, Господь.

различію звуковъ гласныхъ и согласныхъ. Обратимся сначала къ разсмотрѣнію способовъ артикуляцій при произношеніи гласныхъ звуковъ.

Изъ гласныхъ самый широкій—*а* произносится при простомъ раскрытіи рта безъ замѣтнаго участія органовъ произношенія (языка и губъ); если же приблизить среднюю часть языка къ небу при узкомъ растворѣ рта, то получится узкій гласный *і*; при произношеніи узкаго гласнаго *у* губы съуживаются и выдвигаются впередъ и въ то же время происходитъ поднятіе глубокой задней части языка, опять-таки при узкомъ растворѣ рта. Средину между широкимъ гласнымъ *а* и узкимъ *і* занимаетъ гласный звукъ *э*; въ русскомъ языкѣ онъ является въ двухъ различіяхъ—открытое (называемое также широкимъ) и закрытое (называемое также узкимъ) *э*: первое обозначается въ научно фонетическихъ изслѣдованіяхъ посредствомъ начертанія æ или ä, а второе посредствомъ начертанія є; различіе же между тѣмъ и другимъ гласнымъ состоитъ въ томъ, что при æ имѣется большее удаленіе средней части языка отъ неба (при большемъ раскрытіи рта), нежели при є; широкое *э* слышится напр. въ словахъ—*ужѐ*, *мѣрка*, *мелко*, а узкое *э* въ словахъ—*мѣрить*, *мель*. Гласный звукъ *о* занимаетъ среднее положеніе между *а* и *у*: для произношенія *о* губы образуютъ съуженіе, но не столь значительное, какъ для произношенія *у*, а также происходитъ одновременно меньшее по сравненію съ *у* приближеніе глубокой задней части языка къ небу (при среднемъ растворѣ рта). Къ узкимъ гласнымъ кромѣ *і* и *у* принадлежитъ еще звукъ *ы*, образующійся приближеніемъ къ небу менѣе глубокой задней части языка. Разнообразіе гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ гораздо большее, если имѣть въ виду кромѣ ударяемыхъ гласныхъ еще и неударяемые; но эти послѣдніе будутъ разсмотрѣны нами въ фонетикѣ.

Что касается съуженныхъ или согласныхъ звуковъ, то они по способу произношенія подраздѣляются на *взрывные*

(напр. *п*, *т*...) и *придувные* (напр. *ф*, *с*...). Чтобы уяснить себѣ разницу этихъ двухъ способовъ произношенія согласныхъ, сравнимъ произношеніе звуковъ *т* и *с*. Для произнесенія звука *т* передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, а для произнесенія звука *с* только *приближается* къ нимъ. При произнесеніи звука *т* происходитъ, такъ сказать, взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе между языкомъ и небомъ; при произнесеніи же звука *с* воздухъ выдувается черезъ съуженіе между языкомъ и небомъ. Отсюда, такіе согласные, какъ *т*, называются взрывными или мгновенными, а такіе, какъ *с*—придувными (точнѣе было бы назвать выдувными) или длительными.

Ознакомившись съ произношеніемъ отдѣльныхъ звуковъ, мы можемъ представить въ своемъ воображеніи каждый звукъ подъ видомъ группы артикуляціонныхъ работъ, производящихъ его. Этимъ путемъ фонетическія явленія языка могутъ получать физіологическое разъясненіе, переставая казаться случайною смѣною буквъ. Но для этого нужно путемъ упражненія въ физіологическомъ разборѣ звуковъ достигнуть сначала умѣнья ясно представлять себѣ для каждаго звука сумму производящихъ его артикуляціонныхъ работъ. Возьмемъ напр. слово „*дыму*“ и представимъ физіологическій разборъ составляющихъ его звуковъ: 1) *д*: выдыхательная работа грудной клѣтки совершается энергично, такъ какъ данный согласный принадлежитъ ударенному слогу, голосовыя связки натянуты и сближены для приведенія ихъ въ звучаніе выдыхательнымъ токомъ воздуха; мягкое небо приподнято, благодаря чему фонаціонный токъ воздуха направляется въ полость рта; нижняя челюсть притянута къ верхней съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; изъ органовъ произношенія работаетъ только языкъ такимъ образомъ, что его передняя часть упирается въ верхніе зубы и ихъ десны и опять-таки съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; звукъ производится посредствомъ взрыва; 2) *ы*: сильная выдыхательная работа; уложеніе гортани для звучанія; мягкое

РУСС

хасн

Глухіе.	Звон ме со кон
Расши-рена.	

ме.

бо при

ф
ф'
с
с'
ш
х'
х

Придуві
о

ерій съ то

РУССКОЙ РѢЧИ.

ласные:

Глухіе.	Звонкіесъ меньшей сонорностью	Звонкіе съ наибольшей сонорностью.			Глухіе.	
Расширена.	Голосовая щель съужена для звучанія.				Расширена.	
ые.		Носовые.	Чистые.			
о при		Опущено.	поднято.			
		м				Твердые.
		м'				Мягкіе.
ф	в					Твердые.
ф'	в'					Мягкіе.
с	з	н		л	ц	Твердые.
с'	з'	н'	р'	л'	ч	Мягкіе.
ш	ж		р			Твердые.
	j					Мягкіе.
х'	γ					
х	γ					Твердые.
Придувные.		Замкнуто-придувные.	Дрожащіе	Замкнуто-придувные	Взрывные.	
о с т ы е.					Слитные.	

рій съ точки зрѣнія слуховой, а обыкновеннымъ шрифтомъ назва-

небо приподнято; нижняя челюсть осаждена съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; неглубокая артикуляція задней части языка; 3) *м*: слабая выдыхательная работа, такъ какъ согласный этотъ принадлежитъ слабому неударяемому слогу; съуженіе голосовой щели для звучанія, произведенное слабымъ напряженіемъ мышцъ; мягкое небо опущено для пропуска звучащаго тока воздуха въ носъ; нижняя челюсть слабо притянута къ верхней; губы слабо сжаты, и звукъ производится ихъ разнятіемъ при одновременномъ носовомъ резонансѣ; 4) *у*: слабая выдыхательная работа; слабая звучащая дѣятельность гортани; мягкое небо приподнято; слабое осажденіе нижней челюсти до степени узкаго раствора; узкое губное отверстіе при слабомъ напряженіи губъ и одновременно слабая артикуляція глубокой задней части языка. Изъ представленнаго нами физіологическаго разбора звуковъ не трудно замѣтить существованіе тѣсной взаимной связи артикуляціонныхъ работъ при произношеніи, при чемъ оказывается какъ бы родъ антагонизма (борьбы) между фонаціоннымъ выдыханіемъ и прочими артикуляціонными работами: напряженіе послѣднихъ пропорціонально напряженію выдыхательной дѣятельности; припомнимъ также объ упоминавшейся раньше связи между работою раствора рта и движеніями органовъ произношенія относительно степени открытости или же съуженности.

Примѣчаніе. Кромѣ *физіологическаго* или артикуляціоннаго момента, комбинированіе работъ обусловливается также *слуховымъ моментомъ*. Отчего напр. ударяемые гласные въ словахъ нашей рѣчи произносятся только звонко? Физіологической необходимости тутъ нѣтъ никакой, такъ какъ всѣ гласные въ опытѣ можно произнести и при открытой голосовой щели, т. е. глухо. Но при глухомъ произношеніи гласные являются слишкомъ мало слышными,—между тѣмъ какъ наша рѣчь, служа *посредникомъ между говорящимъ и слушающимъ*, очевидно должна содержать элементы достаточно слышные. По этой же акустической причинѣ, какъ мы уже говорили (стр. 11), изъ согласныхъ плавные и носовые тоже являются вообще только звонкими. [1])

[1]) Вполнѣ понятно, что высказанное здѣсь положеніе нуждается въ одной оговоркѣ. Дѣло въ томъ, что говорящіе даннымъ языкомъ уже не

Что касается самаго качества *сонорности* (т. е. *звучности* и отсюда происходящей *слышности*), то степень его зависитъ отъ присутствія въ произношеніи голосоваго тона гортани и отъ полноты резонанса полостей, лежащихъ надъ гортанью, особенно же—полости рта, а такъ какъ послѣднія при произнесеніи разныхъ звуковъ испытываетъ весьма существенныя перемѣны, то качество сонорности находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ характеромъ артикуляцій, а именно—наибольшая сонорность въ случаѣ участія гортани принадлежитъ наиболѣе открытымъ звукамъ, а наименьшая—наиболѣе сжатымъ; поэтому степень сонорности слѣдующимъ образомъ послѣдовательно убываетъ въ физіологическомъ ряду категорій звуковъ: 1) гласные; 2) плавные и носовые; 3) звонкіе придувные; 4) звонкіе взрывные; 5) глухіе придувные и 6) глухіе взрывные. Гласные обладаютъ наибольшею сонорностью, такъ какъ они, будучи открытыми звуками, соединяютъ звучаніе гортани съ наиболѣе полнымъ резонансомъ. Плавные и носовые согласные по своей сонорности близко стоятъ къ гласнымъ. Звонкіе взрывные менѣе сонорны по сравненію съ звонкими придувными, такъ какъ при взрывныхъ согласныхъ имѣетъ мѣсто полная замкнутость полости рта, такъ что столбъ звучащаго воздуха, напирая въ замкнутое пространство и уплотняясь, скоро долженъ прекращать свое звучаніе; срв. отдѣльное произнесеніе согласныхъ *б, д, г*. Звуки глухіе имѣютъ наименьшую сонорность, такъ какъ въ нихъ отсутствуетъ голосовой тонъ гортани, резонируется же лишь шумъ выдыхаемаго тока воздуха, происходящій отъ артикуляціонныхъ укладовъ полости рта; [1]) однако глухіе согласные становятся болѣе слышными, когда за ними слѣдуютъ наиболѣе сонорные звуки, срв. *п* въ отдѣльности и въ сочетаніяхъ *па* или *пра*.

От физіологіи звуковъ въ отдѣльности обратимся къ изученію физіологіи соединенія звуковъ въ слоги, составляю-

---

создаютъ теперь новыхъ звуковъ, но пользуются звуками, усвоенными отъ предшествующей генераціи; самое же формированіе звуковъ лежитъ внѣ предѣловъ историческаго изслѣдованія, почему и разсужденіе объ условіяхъ комбинированія артикуляціонныхъ работъ имѣетъ характеръ предположенія.

[1]) По общепринятой терминологіи «сонорными» звуками считаются лишь звуки первыхъ двухъ изъ указанныхъ категорій (гласные звуки и согласные плавные и носовые), т. е. звонкіе звуки съ minimum'омъ шума; въ противоположность имъ остальные согласные, какъ звуки съ замѣтнымъ шумомъ, называются «шумными», при чемъ какъ бы безмолвно допускается, что послѣдніе лишены всякой сонорности. Однако такое рѣзкое разграниченіе этихъ двухъ звуковыхъ отдѣловъ намъ представляется не имѣющимъ достаточнаго основанія, такъ какъ даже и глухіе звуки не вполнѣ лишены качества сонорности.

щіе слова. Произношеніе каждаго отдѣльнаго звука, какъ гласнаго, такъ и согласнаго, представляетъ собою три момента: 1) соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ своего индифферентнаго, т. е. спокойнаго, положенія двигаются къ положенію, нужному для произнесенія даннаго звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), 2) достигнувъ этого положенія, удерживаются въ немъ нѣкоторое время и 3) артикулирующія части снова переходятъ въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или возвращаются съ работы). Но если требуется произнести слогъ изъ согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ, то въ этомъ случаѣ рекурсія согласнаго совершается не къ индифферентному положенію, а сливается въ одинъ общій моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго. Извѣстный недостатокъ заиканія представляетъ собою разстройство именно въ такомъ слитіи согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ и состоитъ въ томъ, что заикающійся нерѣдко отдѣляетъ согласный отъ слѣдующаго гласнаго и тѣмъ нарушаетъ цѣлостность слога, стараясь же исправить происшедшую порчу слога, онъ заикается на данномъ согласномъ. При нормальныхъ условіяхъ указанное слитіе рекурсіи согласнаго въ одинъ моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго является актомъ вполнѣ естественнымъ, хотя при начальномъ обученіи чтенію слитіе отдѣльно данныхъ согласнаго съ гласнымъ дѣтямъ дается не такъ легко. Послѣ всего сказаннаго ясно, что любой согласный будетъ неодинаковъ по своей рекурсіи въ сочетаніи съ разными гласными (напр. *т* въ сочетаніяхъ *та*, *то* и пр.), такъ какъ его рекурсія будетъ сливаться съ неодинаковою экскурсіей разныхъ гласныхъ; въ свою очередь одинъ и тотъ же гласный послѣ разныхъ согласныхъ будетъ неодинаковъ по своей экскурсіи, напр. *а* въ сочетаніяхъ *та*, *ка* и проч.; также и послѣ согласныхъ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ одинъ и тотъ же гласный различается по своей экскурсіи. Въ общепринятомъ письмѣ различіе твердой и мягкой экскурсіи гласныхъ выражается посредствомъ примѣненія особыхъ

буквъ для гласныхъ въ томъ и другомъ случаѣ; срв. напр. *та* и *тя*, гдѣ все различіе отнесено къ начертанію гласныхъ, тогда какъ послѣднимъ принадлежитъ лишь различіе твердой и мягкой экскурсіи, основное же различіе твердости и мягкости звука принадлежитъ предшествующимъ согласнымъ (въ научномъ письмѣ орѳографическимъ написаніямъ *та* и *тя* будутъ соотвѣтствовать начертанія *та* и *т'а* и т. д.). Согласные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а→ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣдовало никакого звука, такъ что работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Но вѣдь за гласнымъ могутъ слѣдовать разные согласные того же слога, и въ этомъ случаѣ рекурсія гласнаго сливается съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат (=*орѳ.* матъ) : мат' (=*орѳ.* мать), кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ легкій палятальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*)—ма́ᵢт', ко́ᵢн' и пр. Впрочемъ разныя лица обладаютъ не въ одинаковой мѣрѣ тонкимъ слухомъ, а потому неодинаково хорошо будутъ различать указанные оттѣнки звуковъ. Всего рѣзче различіе оттѣнковъ выступаетъ при гласномъ *э* (напр. йэ́л : йэ́ᵢл'), при чемъ въ одномъ случаѣ слы-

шится широкое *э*, а въ другомъ случаѣ узкое. Слоги, оканчивающіеся согласнымъ, называются *закрытыми* въ отличіе отъ слоговъ, оканчивающихся гласнымъ, которые называются *открытыми*, напр. *то*—слогъ открытый, а *тот*—слогъ закрытый.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ физіологію звуковъ и ихъ сочетаній, покажемъ на какомъ-либо примѣрѣ способъ физіологическаго толкованія фонетическихъ явленій. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ произносится „схонно" вм. „сходно", и т. п.; посмотримъ, въ чемъ состоитъ измѣненіе сочетанія *дн* въ *нн* съ точки зрѣнія физіологической. Если мы будемъ сравнивать въ отношеніи артикуляціонныхъ работъ звуки *д* и *н*, то увидимъ, что они большею частью сходны по работамъ и лишь немного различны. Обозначая знакомъ + одинаковыя работы, имѣемъ:

		д		*н*
Дыхат. аппар.		+		+
Гортань		+		+
Мягкое небо		поднято	←	опущено
Аппаратъ нижней челюсти		+		+
Органы произн.	мѣсто	+		+
	способъ	+		+

И такъ, лишь работа мягкаго неба не сходствуетъ, но и тутъ произошло распространеніе артикуляціи мягкаго неба со слѣдующаго звука на предшествующій, и въ результатѣ получилось измѣненіе группы *дн* въ *нн* или весьма обычное въ языкѣ явленіе ассимиляціи или уподобленія звуковъ. Между

тѣмъ безъ физіологическаго анализа мы имѣли бы лишь мало понятную, какъ бы случайную смѣну буквъ. [1])

И такъ, знакомство съ физіологіей произношенія позволяетъ изслѣдователю представлять въ своемъ воображеніи перемѣны, происходящія въ говорильномъ аппаратѣ при измѣненіи звуковъ. Но, чтобы представленіе звуковыхъ явленій было болѣе полнымъ, нельзя ограничиваться однимъ внѣшнимъ говорильнымъ аппаратомъ, необходимо

---

[1]) Чтобы показать, какъ физіологія звуковъ можетъ освѣщать и другіе фонетическіе факты, объяснимъ измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* въ южновеликорусскомъ произношеніи, напр. в *а* д *а́* изъ *водá*. Для произношенія гласнаго *о* губы выдвигаются впередъ и образуютъ съуженіе такимъ образомъ, что касаются одна другой лишь по краямъ, по срединѣ же образуютъ отверстіе. Это уложеніе губъ достигается дѣйствіемъ цѣлой группы мышцъ, окружающихъ отверстіе рта: изъ нихъ прежде всего назовемъ заложенную въ губахъ круговую мышцу, при сокращеніи которой губы стягиваются; къ этой работѣ присоединяется еще при среднемъ раскрытіи рта дѣйствіе другихъ мышцъ, радіально идущихъ къ круговой мышцѣ и при своемъ сокращеніи оттягивающихъ губы, что̀ такимъ образомъ не допускаетъ ихъ до полнаго сжатія. Съ теченіемъ времени вся эта сложная работа губъ постепенно ослабляется при произнесеніи неударяемаго *о* и въ результатѣ переходитъ въ пассивное или индифферентное состояніе губъ при среднемъ раскрытіи рта, а при такомъ укладѣ получается уже другой гласный, именно—*а*. Изъ сказаннаго ясно, что измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* (черезъ посредствующую стадію *å*) произошло въ направленіи уменьшенія работъ при произношеніи, какъ это нерѣдко наблюдается въ языкахъ. Если же въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ говорахъ въ данномъ неударяемомъ положеніи сохраняется *о*, то это указываетъ на то, что въ языкѣ-предкѣ этихъ говоровъ гласный *о* имѣлъ болѣе устойчивую губную артикуляцію, чѣмъ въ языкѣ-предкѣ южно-великорусскихъ говоровъ. Въ нѣкоторыхъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ эта устойчивость оказывается столь значительною, что неударяемое *о* въ данномъ положеніи не только не обнаруживаетъ тенденціи къ измѣненію въ сторону *а*, но даже принимаетъ оттѣнокъ *у*, т. е. при удержаніи губнаго уклада уменьшается открытость рта. Мы видимъ здѣсь, какъ факты фонетики могутъ получать физіологическое толкованіе или, иначе говоря, могутъ быть переводимы на языкъ звуковой физіологіи.

имѣть въ виду также мозговую дѣятельность, дающую импульсъ артикуляціоннымъ работамъ. Какъ мы знаемъ, при произнесеніи любаго звука происходитъ одновременное участіе разныхъ частей говорильнаго аппарата, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ посредствомъ цѣлой группы составляющихъ ее мышцъ, эти же послѣднія возбуждаются къ дѣятельности импульсами, идущими по нервамъ изъ соотвѣтствующихъ центровъ головнаго мозга. Такимъ образомъ, для произнесенія даже одного звука требуется, такъ сказать, цѣлый аккордъ двигательныхъ импульсовъ изъ головнаго мозга, а кромѣ того самыя мышечныя работы сопровождаются мышечнымъ чувствомъ. Когда звукъ произнесенъ, слушающій (а также и самъ говорящій) воспринимаетъ слухомъ цѣлый аккордъ звуковыхъ волнъ, превращающійся въ сознаніи въ слуховое ощущеніе опредѣленнаго звука. Сочетаніе звуковъ представляетъ собою со стороны произношенія—послѣдовательность аккордовъ изъ двигательныхъ импульсовъ, сопровождающуюся послѣдовательнымъ выполненіемъ артикуляціонныхъ движеній, со стороны слуховой—сочетаніе звуковъ есть рядъ воспринимаемыхъ слухомъ звуковыхъ впечатлѣній.

Глава II.

Принципы русскаго правописанія.

Представивъ въ предъидущей главѣ физіологическое ученіе о звукахъ рѣчи, мы, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію фонетики, должны еще ознакомиться въ общихъ чертахъ съ основами русскаго правописанія, такъ какъ въ фонетикѣ мы будемъ пользоваться какъ научно-фонетическимъ письмомъ, такъ и обычнымъ правописаніемъ, взаимное отношеніе между которыми мы и постараемся выяснить въ настоящей главѣ, при чемъ покажемъ, въ какихъ случаяхъ орѳографическія написанія соотвѣтствуютъ произношенію и въ какихъ не соотвѣтствуютъ; мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ орѳографическихъ написаній послѣдняго рода или не-фонетическихъ могутъ давать для фонетики указанія на прежнее произношеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ на совершившіяся въ языкѣ звуковыя измѣненія.

Предварительно покажемъ необходимость строгаго *различенія между звуками и буквами.* Звуки мы произносимъ, а буквы пишемъ для обозначенія этихъ звуковъ. При этомъ не всегда произношеніе и правописаніе соотвѣтствуютъ между собою. Для примѣра остановимся на такомъ написаніи, какъ *нь*. Хотя оно содержитъ двѣ буквы, но ими обозначается только одинъ звукъ, именно—мягкій согласный *н*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ произношеніе даннаго орѳографическаго

написанія, то убѣдимся въ томъ, что каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ, и что стало быть мы произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Съ другой стороны можно указать случай, когда *одна* буква общепринятаго письма обозначаетъ *два* звука, напр: *я*=йа, *ю*=йу и пр. Чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь имѣется сочетаніе двухъ звуковъ, обратимся къ тому же пріему, т. е. протянемъ звукъ, обозначаемый данною буквою, напр. *я*: въ началѣ слышится звукъ *й* (j), а въ концѣ *а*, т. е. йа... а, слѣдовательно—два звука, а не одинъ (оставляю въ сторонѣ тотъ случай, когда разсматриваемая буква стоитъ послѣ буквы согласнаго звука, напр. *ня* и т. п.,—какъ мы уже знаемъ, въ этомъ случаѣ буквы и звуки не вполнѣ соотвѣтствуютъ порознь другъ другу). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему научная грамматика кромѣ общеупотребительныхъ орѳографическихъ написаній пользуется еще научно-фонетическими или такъ называемою фонетическою транскрипціею, заботясь о томъ, чтобы послѣдняя возможно совершеннѣе обозначала произносимые звуки живой рѣчи.

Примѣчаніе. Учебники не всегда проводятъ достаточно строго разницу между звуками и буквами и смѣшиваютъ иногда эти два разныя понятія, что очевидно неправильно. Такъ, въ нихъ обыкновенно буквы, а не звуки (какъ бы слѣдовало) раздѣляются на гласныя и пр. Въ одномъ же изъ самыхъ употребительныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ хотя и говорится совершенно резонно о дѣленіи звуковъ (а не буквъ) на гласные и согласные, а послѣднихъ на губные и пр., но тутъ же отмѣчаются случаи, когда согласный будто бы слышенъ не ясно, напр. раб*ъ*, дворня*ж*ка. Въ дѣйствительности же въ этихъ случаяхъ согласный слышится совершенно ясно, именно *п* въ словѣ раб*ъ*, *ш* въ словѣ дворня*ж*ка. Очевидно, авторъ учебника не могъ освободиться отъ традиціонной неточности, и привычка къ орѳографическому знаку помѣшала ему правильно опредѣлить звукъ.

Разъяснивъ различіе между звуками и буквами, обратимся къ обзору главныхъ принциповъ русскаго правописанія или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской орѳографіи. Эти принципы слѣдущіе: 1) фонетическій, 2) принципъ аналогіи, 3) историческій, 4) принципъ церковно-

славянскихъ написаній, 5) принципъ передачи иностранныхъ словъ и 6) принципъ дифференціаціи написаній.

I. *Фонетическія написанія.* Категорія фонетическихъ написаній, т. е. соотвѣтствующихъ произношенію, примѣняется напр. при обозначеніи ударяемыхъ гласныхъ, а затѣмъ вообще слоговъ, состоящихъ изъ твердыхъ или же мягкихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ, при чемъ своеобразная особенность такихъ написаній сравнительно съ научною транскрипціей заключается въ томъ, что твердость или же мягкость согласнаго выражается не въ буквѣ согласнаго, но въ буквѣ слѣдующаго гласнаго, вслѣдствіе чего качество твердости и мягкости согласнаго обнаруживается лишь изъ обозначенія цѣлаго слога (срв. начертанія *ня* и *на* или *дю* и *ду*); отсюда такой принципъ фонетическаго письма называется *силлабическимъ*, т. е. слоговымъ.[1]) Въ ученой или научно-фонетической транскрипціи мягкость согласнаго обозначается значкомъ ', напр. н'а=оро. *ня*, д'у=оро. *дю* и пр.

II. *Морфологическія написанія* или *написанія по аналогіи.* Морфологическій принципъ состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ словахъ обозначаются звуки не тѣ, которые въ нихъ слышатся или произносятся, но тѣ, которые имѣются въ родственныхъ словахъ и которые съ тѣмъ вмѣс-

---

[1]) Въ польскомъ письмѣ мягкость согласнаго въ сочетаніи съ гласнымъ обозначается буквою *i*, стоящею между буквами согласнаго и гласнаго, напр. *sia*, *nie* и пр. (Этотъ пріемъ обозначенія мягкости согласнаго примѣняется также въ литовскомъ письмѣ въ томъ случаѣ, когда пользуются латинскими начертаніями, болѣе обычными, срв. напр. *aŝi* «нашу» и т. п.). Если же мягкій согласный оканчиваетъ слогъ, такъ что за нимъ не слѣдуетъ гласнаго, то въ этомъ случаѣ мягкость согласнаго обозначается въ польск. посредствомъ значка ' надъ буквою согласнаго, напр. ś, ń и т. п. (pień ‖ рус. пень).

тѣ являются вообще болѣе первичными. Сюда относятся обозначенія конечныхъ глухихъ согласныхъ, затѣмъ согласныхъ въ случаяхъ ассимиляціи и, наконецъ, неударенныхъ гласныхъ. Напр. слово „го*д*ъ“ произносится *гот*, а между тѣмъ пишется въ этомъ словѣ не *т*, а *д*: это по сходству или аналогіи съ родственными словами, въ которыхъ за такимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный звукъ, напр. го*д*а, го*д*у и т. д.; въ словѣ же „пло*т*ъ“ на концѣ пишется *т* по аналогіи къ формамъ—пло*т*а, пло*т*у и т. д. Указаннымъ правиломъ руководствуются также при написаніи согласныхъ въ случаѣ измѣненій ихъ, происходящихъ отъ ассимиляціи; такъ, напр., пишутъ: *с*дѣлать (а не—*з*дѣлать) по аналогіи къ случаямъ, гдѣ за *с* въ томъ же префиксѣ имѣется гласный (срв. *с*орвать и т. п.), во*д*ка (а не во*т*ка) по аналогіи къ формамъ—во*д*а, во*д*ы и пр. Гласные звуки неударенные обозначаются такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ въ родственныхъ словахъ гласные съ удареніемъ; напр. въ словѣ „го*д*а́“ пишется послѣ *г* буква *о* (произносится же гласный *а* или близкій къ нему) — по аналогіи съ ударяемымъ гласнымъ: если мы измѣнимъ наше слово такъ, чтобы за *г* слѣдовалъ ударенный гласный, напр. го́ду и т. п., то увидимъ, что нужно писать не *г*а*д*а̀, а *г*о*д*а̀; на томъ же основаніи въ словѣ „годовой“, хотя послѣ *г* слышится слабый краткій гласный похожій на *ы*, также должны написать букву *о*. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое широкое примѣненіе въ русскомъ письмѣ имѣетъ принципъ аналогіи, что̀ и составляетъ весьма характерную особенность русской орѳографіи.

III. *Историческія написанія.* Собственно говоря, принципъ такихъ написаній обнимаетъ собою всю орѳографію, поскольку она унаслѣдована отъ предшествующаго времени, такъ что и всѣ прочіе принципы въ этомъ смыслѣ являются историческими. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческими написаніями называются такія, которыя нѣкогда были фонетиче-

скими, но съ измѣненіемъ произношенія перестали быть таковыми, сохраняясь однако въ силу традиціи. Напр. звуки *ш* и *ж* нынѣ произносятся твердо, однакожъ мы пишемъ послѣ буквъ *ш* и *ж* букву *и* (а не *ы*)—*ши*, *жи*, согласно традиціи, свидѣтельствующей о томъ, что нѣкогда эти согласные были мягкими. Впрочемъ, вопросъ объ историческихъ написаніяхъ въ нашей орѳографіи усложненъ вліяніемъ со стороны церковно-славянскаго письма, такъ что иногда трудно трактовать о собственно историческихъ написаніяхъ отдѣльно отъ церковно-славянскаго элемента. Къ историческимъ написаніямъ нужно отнести также тѣ ошибочныя написанія, которыя однакожъ укрѣпились въ нашей письменности, какъ бы освященныя силой обычая; напр. пишутъ *е* въ словахъ—п*е*сокъ, м*е*лкій и нѣк. др., хотя бы слѣдовало писать эти слова черезъ *ѣ*, какъ убѣдимся въ этомъ изъ фонетики.

IV. *Церковно-славянскія написанія.* Мы знаемъ, что русское письмо произошло изъ письма церковно-славянскихъ книгъ, почему можно сказать, что почти все оно опирается на церковно-славянскую основу; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ церковно-славянскимъ элементомъ должно считать такія написанія въ русской орѳографіи, которыя не соотвѣтствуютъ русскому произношенію и вошли въ правописаніе подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка и письма. Напр. изъ написаній жит*і*е || житье, Мар*і*я || Марья и т. под. написанія съ *і*—церковно-славянскія, а съ *ь*—чисто русскія.

V. *Иностранныя написанія.* Когда иностранныя слова переходятъ въ языкъ литературный, то нерѣдко они удерживаютъ особенности обозначенія того языка, изъ котораго заимствованы. Примѣромъ такихъ написаній можетъ служить въ русской орѳографіи написаніе *и*, а не *ы*, послѣ *ц* въ словахъ иностранныхъ, напр. принц*и*нъ, Песталоцц*и*, ц*и*фра и т. д. Укажемъ еще примѣненіе начертаній *ф* и *ѳ* въ словахъ

греческаго происхожденія соотвѣтственно обозначенію даннаго согласнаго въ греческой письменности, напр. *ф*илосо*ф*ія || Аѳины (греч. *φιλοσοφία* || *Αθῆναι*). [1])

VI. Принципъ *дифференціаціи* или различенія написаній состоитъ въ томъ, что слова одинаковыя по звукамъ, но различающіяся по значенію, получаютъ нѣкоторыя отличія и на письмѣ, напр. „миръ" и „міръ" (въ древней письменности одинаково въ обоихъ случаяхъ миръ), или *что* (союзъ) и *что̀* (мѣстоим.); также формы словъ, различающіяся удареніемъ, для устраненія недоразумѣній снабжаются знакомъ ударенія, напр. бо̀льшимъ || большимъ и т. п.

Примѣчаніе. Мы разсмотрѣли главнѣйшіе принципы русскаго правописанія; если обратимся къ другимъ письменностямъ, то аналогичные принципы встрѣтимъ и тамъ (исключая, разумѣется, принципъ церковно-славянскихъ написаній, какъ спеціально-русскій), но съ характернымъ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ. Такъ, напр., въ древне-греческой орѳографіи видимъ преобладаніе *фонетическаго* начала, срв. τρίβω || τέτριπται, τέτριφα, τέτριμμαι, ἐτρίφθην. Въ латинской орѳографіи, по сравненію съ древне-греческою, область фонетическаго принципа болѣе ограничена, обнаруживаясь при производствѣ временъ глагола, напр. scri*b*o || scri*p*si, scri*p*tum, между тѣмъ какъ во флексіи именной, гдѣ формы тѣсно связаны единствомъ склоненія, проявляется *морфологическій* принципъ, напр. urbs—urbis. Въ современномъ нѣмецкомъ правописаніи *морфологическій* принципъ

[1]) Въ латинской письменности спеціально для передачи данныхъ звуковъ въ греческихъ словахъ введены были начертанія *ph* и *th*, напр. *ph*iloso*ph*ia, A*th*enae, а изъ латинскаго такія слова съ тѣмъ же обозначеніемъ перешли въ нѣкоторые западно-европейскіе языки, сохраняя въ нихъ до сихъ поръ такое обозначеніе, срв. франц. *ph*iloso*ph*ie, A*th*ènes, англ. *ph*iloso*ph*y, A*th*ens, нѣм. *Ph*iloso*ph*ie, A*th*en, хотя и могли бы писаться согласно произношенію при помощи начертаній *f* и *t* (срв. итал. *f*iloso*f*ia, A*t*ene, польск. *f*iloso*f*ia, A*t*eny). Мы остановились на орѳографіи греческихъ словъ въ западно-европейскихъ языкахъ съ цѣлью уясненія такихъ словъ въ русскомъ языкѣ, какъ «*т*еатръ» при стар. «*ѳ*еатръ»: очевидно, греческое слово (θέατρον) въ первомъ изъ этихъ написаній вошло въ русскій языкъ чрезъ посредство западно-европейской письменности.

проведенъ шире, чѣмъ въ латинскомъ, такъ какъ мы видимъ его и въ глаголѣ—какъ во флексіи, такъ и при производствѣ временъ, срв. loben || du lobst, ich lobte; въ этомъ отношеніи нѣмецкая орѳографія приближается къ русской; затѣмъ весьма характерно въ нѣмецкомъ примѣненіе принципа написанія *иностранныхъ словъ*—особенно французскихъ и частію англійскихъ: нѣмецкая орѳографія, пользующаяся одинаковымъ съ ними алфавитомъ, воспроизводитъ въ точности орѳографію оригинала, напр. франц.—Gouverneur, Chaussée, Chignon, Vaudeville, Dejour, Bureau и мн. др.; англ.—Whist, Vauxhall и т. п. Преобладаніемъ *историческаго* принципа характеризуются письменности англійская, французская, ново-греческая. Что касается принципа дифференціаціи, то случаи его примѣненія наблюдаются во всѣхъ разсматривавшихся письменностяхъ.

ФОНЕТИКА.

Глава III.

Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики.

Звуки языка изучаются, какъ мы указывали, не только въ *фонетикѣ*, но также и въ *физіологіи рѣчи*. Разница между фонетикою и физіологіею звуковъ заключается въ слѣдующемъ. Физіологія звуковъ изслѣдуетъ, возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся въ данномъ языкѣ звуки и ихъ сочетанія какъ въ отдѣльности, такъ и въ словахъ, не разсматривая однако, въ какихъ морфологическихъ категоріяхъ (въ какой части рѣчи, въ какой части слова—корнѣ, суффиксѣ и пр.) встрѣчаются они, между тѣмъ какъ фонетика изслѣдуетъ звуковыя явленія всегда *морфологически*—въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они находятся, не игнорируя и *синтаксическій* моментъ [1]). Физіологія зву-

---

[1]) Читатель на дальнѣйшихъ страницахъ убѣдится въ правильности такого пониманія фонетики, здѣсь же мы позволимъ себѣ лишь перечислить подтверждающіе доводы. Не говоря уже объ удобствѣ для изслѣдователя, когда онъ изъ морфологіи дѣлаетъ руководящую нить при фонетическихъ разысканіяхъ, укажемъ: 1) отступленія отъ фонетическихъ законовъ въ значи-

ковъ служитъ лишь подготовкою къ болѣе глубокому пониманію фонетики (срв. сноску на стр. 22).

Такъ какъ въ фонетическихъ изслѣдованіяхъ нерѣдко говорится о „фонетическихъ“ или „звуковыхъ законахъ“, то намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Для избѣжанія неясности мы разсмотримъ вопросъ о звуковыхъ законахъ не только въ примѣненіи къ фонетикѣ, но и къ физіологіи звуковъ, такъ какъ законы въ той и другой области имѣютъ свои особенности; при этомъ мы будемъ различать законы даннаго единовременнаго состоянія и законы измѣненія во времени (другими словами—будемъ разсматривать вопросъ для той и другой области съ точки зрѣнія статической и динамико-исторической). [1]) Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть слѣдующіе частные случаи:

тельномъ числѣ объясняются вліяніемъ фактора *аналогіи*, т. е. фактора морфологическаго, дѣйствіе котораго можетъ быть обнаружено лишь при обращеніи вниманія на морфологическую сторону звуковыхъ явленій; 2) фонетическія измѣненія—какъ увидимъ—распадаются на физіологическія и акустическія, при чемъ каждое изъ нихъ проявляется при особыхъ морфологическихъ условіяхъ; 3) морфологическій моментъ играетъ также существенную роль въ чередованіяхъ звуковъ—этомъ важномъ отдѣлѣ фонетики; 4) что касается синтаксическаго момента, то на него указываютъ такіе дублеты, какъ «хотя» ‖ «хоть», и т. п., развившіеся вслѣдствіе того, что одно и то же слово находилось въ разныхъ условіяхъ въ предложеніи.

[1]) Замѣтимъ, что терминъ «законъ» въ фонетикѣ, какъ вообще въ грамматикѣ, не можетъ имѣть того смысла, какой этотъ терминъ имѣетъ въ физикѣ. Въ послѣдней понятіе закона состоитъ въ томъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ явленіе вездѣ и всегда наступаетъ въ томъ же видѣ (срв. напр. законы вибрирующихъ струнъ), а между тѣмъ въ области языка можно говорить лишь о законахъ, касающихся постоянства явленія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, но непремѣнно въ томъ же самомъ языкѣ и говорѣ и въ одну и ту же эпоху. Эта особенность лингвистическихъ законовъ объясняется тѣмъ, что явленія языка, въ отличіе отъ явленій физическихъ не остаются въ неизмѣнномъ видѣ, но развиваются во времени. Какъ мы увидимъ далѣе, сила звуковыхъ законовъ, какъ и вообще законовъ языка, основывается на силѣ памяти и привычки.

А.	Область физіологіи звуковъ.	1. Система звуковъ языка; 2. Измѣненія звуковъ.
Б.	Область фонетики.	3. Грамматическія чередованія звуковъ; 4. Измѣненія звуковыхъ чередованій.

1) *Звуковая система языка.* Говоря о звуковой системѣ языка, мы должны разумѣть подъ таковою не голую схему звуковъ даннаго языка, но живое произношеніе звуковъ и ихъ сочетаній въ томъ или иномъ положеніи въ словѣ. Имѣя же въ виду дѣйствительное, живое произношеніе, мы должны оговориться, что въ дѣйствительности не существуетъ, какъ чего-либо особаго и живаго, звуковой системы *какого-нибудь языка вообще,* въ дѣйствительности мы наблюдаемъ разнообразіе рѣчи, распредѣляющееся по *говорамъ* языка, а эти послѣдніе образуются изъ произношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Остановившись на произношеніи какого-нибудь индивидуума (добавимъ—взрослаго, какъ вполнѣ владѣющаго родною рѣчью), не трудно убѣдиться, что оно представляетъ нѣкоторое постоянное однообразіе или одинаковость, т. е. что одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ вообще одинаково, иначе говоря—его произношеніе кажется какъ бы равнымъ себѣ. Такъ, напр., если индивидуумъ относительно своего произношенія принадлежитъ къ умѣренно-акающему говору русскаго языка, т. е. произноситъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію вмѣсто гласнаго *о*, свойственнаго окающимъ говорамъ, гласный å, положимъ—въ словѣ „годà“, то онъ будетъ произносить тотъ же гласный (å) и во всѣхъ другихъ однородныхъ случаяхъ, напр. домà, плодà, столбà, тогдà и пр. И такъ, *произношеніе индивидуума однообразно,* другими словами — *одни и тѣ же звуки въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ индивидуумъ произноситъ одинаково.* Къ этому и сводится сущность разсматриваемой категоріи звуковыхъ законовъ.

Наблюденіе надъ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ рѣчи показываетъ, что указанное однообразіе произношенія индивидуума основывается на *привычкѣ*, постепенно слагающейся съ-дѣтства при перениманіи произношенія окружающихъ. Значитъ, если южно-великоруссъ умѣренно-акающаго говора произноситъ гâдá, дâмá и т. п., то это потому, что онъ съ дѣтства научился и привыкъ именно къ такому произношенію, въ устахъ же сѣверно-великорусса тѣ же слова звучатъ иначе—годá, домá и т. п., и опять-таки потому, что онъ съ дѣтства перенялъ и усвоилъ это произношеніе. Эта привычка къ родной рѣчи становится у каждаго на столько сильною, что, когда мы говоримъ, нашъ говорильный аппаратъ совершаетъ необходимыя артикуляціонныя работы совершенно безсознательно, какъ бы механически, привычка къ говорильнымъ движеніямъ пріобрѣтаетъ прочность инстинкта, а самые уклады органовъ рѣчи у индивидуумовъ, принадлежащихъ къ разнымъ говорамъ, образуютъ разныя системы.

Примѣчаніе. Мы должны сдѣлать нѣкоторыя оговорки относительно случаевъ *заимствованія словъ* изъ другаго языка. Ежели индивидуумъ заимствуетъ слово изъ другаго языка, то онъ заимствуетъ его согласно съ звуковой системой своего роднаго говора, но это—въ томъ лишь случаѣ, если у него нѣтъ привычки къ иностраннымъ языкамъ, въ частности къ данному, и, кромѣ того, если онъ не стремится сознательно къ возможно точному воспроизведенію услышаннаго произношенія. Конечно, при наблюденіи надъ заимствованіемъ словъ мы встрѣтимся и съ индивидуальнымъ разнообразіемъ, такъ какъ одни лица обладаютъ болѣе тонкимъ слухомъ, болѣе тонко развитыми органами произношенія и болѣе способны къ перениманію, другія же менѣе. Что касается лицъ знакомыхъ съ даннымъ иностраннымъ языкомъ, т. е. имѣющихъ навыкъ еще и въ этой чужой звуковой системѣ, то они могутъ позаимствовать слово съ возможно точнымъ выговоромъ иностраннаго языка, напр. слово «поэзія» произнесутъ съ гласнымъ *о*, хотя бы этотъ гласный въ ихъ родномъ говорѣ и не встрѣчался въ данномъ неударяемомъ положеніи. [1])

---

[1]) Приведу еще нѣсколько примѣровъ особенностей произношенія иностранныхъ словъ въ устахъ образованныхъ русскихъ. Въ русскомъ языкѣ

Говоря о привычкѣ къ звуковой системѣ, нужно имѣть въ виду не одну привычку къ артикуляціоннымъ укладамъ, но и къ производимымъ ими *слышимымъ* звукамъ даннаго говора, такъ какъ тѣ и другіе тѣсно связаны между собою, благодаря тому, что лицо, произносящее звуки, вмѣстѣ съ тѣмъ и слышитъ ихъ; не нужно забывать и о томъ, что звуки и произносимые и слышимые предполагаютъ соучастіе *психическаго* момента, какъ о томъ мы имѣли случай говорить при изложеніи физіологіи звуковъ (стр. 23).

2) *Измѣненія звуковъ.* Изучая теперешнее состояніе нашей рѣчи и сравнивая его съ прошлымъ, засвидѣтельствованнымъ письменными памятниками, а также съ звуковымъ состояніемъ родственныхъ языковъ, мы приходимъ къ заключенію, что звуковая сторона рѣчи измѣняется во времени. Отсюда возникаетъ вопросъ о законахъ, которымъ слѣдуютъ звуковыя измѣненія.

Прежде всего нужно различать измѣненія звуковъ, совершающіяся въ области *говорильнаго аппарата* отъ звуковыхъ перемѣнъ, обязанныхъ *органу слуха*, такъ какъ между тѣми и другими оказываются нѣкоторыя существенныя различія. Въ качествѣ примѣра звуковыхъ измѣненій въ области говорильнаго аппарата или артикуляціонныхъ можно указать на упоминавшееся измѣненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ въ å умѣренно-акающихъ говоровъ (въ говорахъ же

нѣтъ носовыхъ гласныхъ, но въ рѣчи образованнаго общества можно встрѣтить носовые гласные въ словахъ французскаго происхожденія, напр. преферансъ (préférance), пансіонъ (pension). Также нѣтъ въ русскомъ языкѣ гласныхъ ö и ü, но въ рѣчи образованныхъ русскихъ можно слышать эти гласные въ иностранныхъ словахъ, напр. бюро, Бёрне, при чемъ даже и предшествующіе согласные не смягчены; а конечное *о* французскаго слова «бюро» (bureau) получаетъ несвойственное русскому языку закрытое произношеніе. Очевидно, въ такихъ словахъ имѣетъ мѣсто прямо подстановка иностраннаго произношенія, какъ болѣе привычнаго для этихъ словъ.

вполнѣ акающихъ въ *а*), напр. „гâдá“, [1]) а примѣромъ измѣненій втораго типа могутъ служить такіе случаи простонароднаго произношенія, какъ напр. „Микита“ (м' вм. н'). Разъяснимъ на этихъ примѣрахъ главныя различія того и другаго рода звуковыхъ перемѣнъ.

Что касается произношенія â (или а) вмѣсто неударяемаго *о*, то—какъ мы уже указывали—оно имѣетъ мѣсто не въ одномъ данномъ словѣ, но во всѣхъ словахъ этого рода, напр. дâмá, рâгá, тâгдá и пр. На основаніи такого современнаго однообразія мы заключаемъ, что и самый процессъ постепеннаго измѣненія *о* въ *а* въ разсматриваемомъ положеніи (въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному) совершался во времени не спорадически, не въ отношеніи того или другаго слова въ отдѣльности, но по отношенію ко *всѣмъ* словамъ, представлявшимъ тѣ же самыя условія. Иное дѣло—такіе случаи, какъ „Микита“: замѣна слога *ни* черезъ *ми* произошла не въ отношеніи всѣхъ словъ, представлявшихъ подобное звуковое сочетаніе, но *спорадически*, напр. именно въ данномъ словѣ вмѣсто начальнаго сочетанія *ни* слухомъ подставлено сходное сочетаніе *ми*, и такое произношеніе затѣмъ вошло въ общее употребленіе (впрочемъ, явленія этого рода не всегда обязаны слуховому моменту, но могутъ происходить и отъ неточности памяти при воспроизведеніи слова). Замѣтимъ кстати, что акустическимъ или слуховымъ замѣнамъ звуковъ особенно благопріятствуютъ ускоренный темпъ рѣчи, а также то вліяніе логическаго ударенія, благодаря которому слова второстепенныя имѣютъ болѣе или менѣе ослабленное произношеніе.

Дальнѣйшее различіе между разсматриваемыми случаями: измѣненіе неударяемаго *о* въ â (а) совершалось *медленно*,

---

[1]) Это измѣненіе физіологически разъяснялось нами выше, на стр. 22 сноска.

постепенно (о.....о².....å.....а), въ теченіе быть можетъ даже не одного столѣтія, между тѣмъ какъ замѣна *н'* черезъ *м'* есть родъ ослышки (или же — неточности припоминанія), т. е. результатъ *одновременнаго акта*: вмѣсто одного звуковаго сочетанія (*ни*) подставлено сходное другое (*ми*). [1])

Третье различіе: измѣненія въ сферѣ говорильнаго аппарата, т. е. артикуляціонныя, совершаются во всякаго рода словахъ, представляющихъ одинаковыя условія произношенія даннаго звука, между тѣмъ какъ акустическія замѣны звуковъ совершаются чаще всего въ словахъ *единокихъ* и вообще *бѣдныхъ родствомъ*, напр. *Ми*кита, *не*бель и т. п., при чемъ нерѣдко къ слуховому фактору присоединяется еще участіе фактора *народной этимологіи* [2]).

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что акустическія замѣны или разнаго рода ослышки весьма нерѣдки въ нашихъ повседневныхъ разговорахъ, но обыкновенно неточно или неясно послышавшееся слово исправляется слушающимъ примѣнительно къ полученному слуховому впечатлѣнію и общему смыслу рѣчи. Но если будетъ воспринято съ ослышкой незнакомое слово, то оно можетъ утвердиться и распространиться, особенно въ народномъ говорѣ, уже въ этомъ измѣненномъ видѣ. Здѣсь для насъ становится понятнымъ нерѣдкое явленіе двоякаго произношенія заимствованныхъ словъ—болѣе точнаго (въ литературной рѣчи) и болѣе или менѣе измѣненнаго (въ народныхъ говорахъ).

---

[1]) Надо оговориться, что относительно нѣкоторыхъ измѣненій звуковъ трудно рѣшить, къ какому типу измѣненій (физіологическому или акустическому) они относятся, какъ напр. въ случаѣ *дн*→*нн* (срв. *ланно* вм. *ладно* въ нѣкоторыхъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ); физіологическую сторону этого измѣненія мы разсматривали выше, на стр. 21—22. Замѣтимъ еще, что направленіе анатомо-физіологическихъ измѣненій звуковъ опредѣляется двумя моментами—спонтаненическимъ или природою самого измѣняющагося звука и комбинаціоннымъ или природою сосѣднихъ звуковъ.

[2]) Примѣромъ послѣдняго можетъ служить простонародное произношеніе «небель», гдѣ на замѣну начальнаго слога *не* посредствомъ *не* могло вліять подведеніе этого иностраннаго слова подъ типъ природныхъ съ отрицательнымъ префиксомъ *не-*. Нерѣдки случаи акустическихъ субституцій звуковъ при участіи народной этимологіи въ иностранныхъ фамиліяхъ, напр. народное произношеніе Башкевичъ вм. Паскевичъ (въ пѣснѣ).

Установивъ различіе между физіологическими и акустическими измѣненіями звуковъ, мы остановимся теперь съ большею подробностью на первыхъ, т. е. физіологическихъ, какъ болѣе существенныхъ въ исторіи языка.

Физіологическія измѣненія звуковъ мы охарактеризовали *всеобщностью*. Правда, можно подъискать по отношенію къ этимъ измѣненіямъ *исключенія*, но исключенія эти только *кажущіяся*. Напр., если обратимъ вниманіе на такія слова, какъ „гъдâвój" (т. е. годовой), то замѣтимъ, что въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, *о* измѣнилось въ â (или въ *а*), а между тѣмъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ на мѣстѣ основнаго *о* произносится ъ (т. е. слабое, краткое ы) [1]); такое же произношеніе мы наблюдаемъ и въ другихъ однородныхъ случаяхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи, напр. дъмâвój (домовой), тъпâрá (топора) и т. п. Эта особенность произношенія обусловливается тѣмъ, что во второмъ слогѣ передъ удареніемъ гласный *о* въ своемъ измѣненіи уже прошелъ стадію *а* и теперь представляетъ дальнѣйшую стадію развитія. И такъ, здѣсь нѣтъ исключенія, но только процессъ измѣненія гласныхъ совершается *неравномѣрно* въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Соотвѣтственно этому мы должны ограничить и обобщеніе объ измѣненіи неударяемаго *о*, сказавъ, что основное русское *о* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, въ умѣренно-акающихъ говорахъ, развилось въ â, въ слогѣ же второмъ передъ удареніемъ—въ ъ (ы). Конечно, могутъ представиться новые, повидимому противорѣчащіе факты, которые поведутъ къ новому пересмотру вопроса и къ новому ограниченію обобщенія. О случаяхъ,

---

[1]) Изъ приведеннаго примѣра видимъ, что буква ъ въ научно-фонетическомъ письмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ общеупотребительной орѳографіи. Также и начертаніе ь имѣетъ въ научной транскрипціи другое значеніе, чѣмъ въ орѳографіи, обозначая неударенный слабый гласный, близкій къ і.

подобныхъ только что разсмотрѣнному, иногда выражаются, что тутъ дѣйствительныя исключенія изъ звуковыхъ законовъ, но что они объясняются *скрещеніемъ двухъ или болѣе законовъ*. Однакожъ на такіе случаи правильнѣе взглянуть не какъ на исключенія изъ закона, а какъ на указаніе, что законъ звуковаго измѣненія получилъ *у ученаго* слишкомъ общую формулировку, что требуется болѣе ограниченная, болѣе точная формула.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ вопросу, какъ примирить противорѣчіе между закономъ постоянства произношенія индивидуума и закономъ звуковой измѣнчивости языка? Постараемся выяснить, что противорѣчіе это только кажущееся и легко устраняется, если уяснить себѣ значеніе смѣны генерацій въ развитіи языка. Слѣдуетъ думать, что измѣненія звуковъ, какъ физіологическія, такъ и акустическія, совершаются у индивидуумовъ новой генераціи преимущественно въ то время, когда усваиваемое произношеніе еще не успѣло обратиться въ прочную привычку. Когда подрастающіе индивидуумы усваиваютъ родную рѣчь отъ окружающихъ, то при этомъ чувство слуха указываетъ имъ ту норму произношенія, къ которой они должны стремиться и которой постепенно достигаютъ, благодаря *упражненію*. Вполнѣ естественно, что при этомъ индивидуумы будутъ иногда переходить эту норму и тогда въ звукѣ появится новый слабый нюансъ. Замѣтивъ его и облюбовавъ, они могутъ стараться, чтобы этотъ слабый нюансъ рельефнѣе выступалъ въ произношеніи (у дѣтей можно наблюдать такія преувеличенія, когда имъ удается овладѣть какимъ-нибудь труднымъ звукомъ родной рѣчи, напр. *р*), и такимъ образомъ зародившееся звуковое явленіе путемъ подражанія можетъ распространиться и утвердиться въ этомъ поколѣніи. Точно такъ же въ сферѣ акустической нѣкоторые звуки могутъ недослышиваться въ устахъ старшей генераціи лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ (напр. при скоромъ темпѣ рѣчи и въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ въ фразѣ), а слѣдующая ге-

нерація можетъ обобщить эти случайныя недослышиванія и уже при всякихъ условіяхъ не произносить этихъ звуковъ въ данныхъ словахъ.

3. *Чередованія звуковъ.* Чередованія звуковъ происходятъ тогда, когда одна и та же морфологическая часть слова (напр. корень, суффиксъ и пр.), находясь въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ (напр. въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія), получаетъ звуковыя варіаціи; эти послѣднія, подчиненныя опредѣленнымъ законамъ, и называются звуковымъ чередованіемъ; срв.

го́дă || гâда́ || гъдâво́ј.

Приведенныя слова родственны между собою по корневой части *-год-*, которая, находясь въ разныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію, видоизмѣнилась неодинаково, благодаря чему мы теперь произносимъ въ ней въ приведенныхъ родственныхъ словахъ между звуками *г* и *д* разные гласные: *о́*, â, ъ, смѣна которыхъ и представляетъ собою одно изъ чередованій. Разные гласные и согласные въ морфологическихъ категоріяхъ языка представляютъ свои опредѣленныя чередованія, подчиняющіяся извѣстнымъ законамъ, которые разсмотримъ при изложеніи фонетики.

Но не всегда звуковыя чередованія такъ постоянны, иногда слова, первоначально относившіяся къ одному чередованію, переходятъ въ другое, благодаря дѣйствію фактора *аналогіи*, напр. вм. „ходятъ“ произносятся „ходютъ“ по аналогіи къ первому спряженію. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ возможно вліяніе аналогіи и при какихъ оно не возможно. Такъ какъ условія эти могутъ быть или звуковаго или же морфологическо-семазіологическаго характера, то и разсмотримъ эти два случая отдѣльно.

а) Возьмемъ уже извѣстное намъ чередованіе

го́ду || гâда́,

которое свойственно умѣренно-акающему говору. Въ этомъ чередованіи каждый изъ чередующихся звуковъ (*о*, å) связанъ съ своимъ опредѣленнымъ положеніемъ относительно ударенія и не возможенъ въ другомъ положеніи; такъ, гласный *о* не существуетъ въ неударенномъ положеніи, а потому не можетъ быть подставленъ по аналогіи на мѣсто гласнаго å и обратно. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ случай физіологической невозможности подстановки по аналогіи одного звука на мѣсто другаго. Но если мы теперь обратимся къ говору съ полнымъ аканьемъ, гдѣ на мѣстѣ å развилось уже чистое неударяемое *а*, то будемъ имѣть чередованіе а || о (напр. х*а*жу́ || хо́д'ўт); но такъ какъ тотъ же неударяемый гласный (а) встрѣчается и въ чередованіи съ ударяемымъ *а* (пл*а*чу́ || пл*а́*т'ўт), то вслѣдствіе такого частнаго совпаденія одного чередованія съ другимъ (т. е. х*а*жу́ и пл*а*чу́) въ этомъ говорѣ становятся возможными переходы словъ по аналогіи изъ одного чередованія въ другое, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ тамъ замѣну образованія „пл*а́*т'ўт“ посредствомъ пл*о́*т'ўт (по аналогіи къ типу „хо́д'ўт“). Этотъ переходъ по аналогіи мы можемъ выразить слѣдующею пропорціею:

х*а*жу́ : хо́д'ўт=пл*а*чу́ : *x*
x=пло́т'ўт.

б) Что касается морфологическаго момента въ дѣйствіи аналогіи, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить различіе въ одномъ и томъ же звуковомъ чередованіи въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли оно къ *флексіи* или же къ *словопроизводству*: въ первомъ случаѣ аналогія нерѣдко является съ большею легкостью, нежели во второмъ. Эта разница очень ясно видна на случаѣ чередованія задне-язычныхъ согласныхъ съ шипящими, т. е. к || ч, г || ж, х || ш. Во флексіи настоящаго времени глагола мы уже наблюдаемъ дѣйствіе аналогіи въ этихъ чередованіяхъ, напр. въ народныхъ говорахъ встрѣчаемъ формы пе*к*ёш, л*г*ёт и т. п. вмѣсто

печешь, *лжетъ* и т. п. по аналогіи къ крайнимъ лицамъ (т. е. 1 ед. и 3 мн.) того же времени (пе*ку*, *лгутъ* и т. п.). Но при словопроизводствѣ отъ существительныхъ, оканчивающихся задне-язычнымъ согласнымъ, глаголовъ на *-ить*, разсматриваемое чередованіе остается пока не затронутымъ дѣйствіемъ аналогіи, срв. проро*къ* || проро*чить*, бо*гъ* || бо*житься* и т. п. Но, конечно, и чередованія при словопроизводствѣ не гарантированы вполнѣ противъ дѣйствія аналогіи. При этомъ съ большею легкостью послѣднее вторгается въ тѣ чередованія при словопроизводствѣ, гдѣ часть рѣчи не мѣняется, напр. срв. случай производства прилагательнаго отъ прилагательнаго: су*х*ой || су*х*енькій (*х* вм. ожидаемаго *ш*); приведу еще индивидуально замѣченный случай при производствѣ существительнаго отъ существительнаго: у*х*а || у*х*ица (вм. обычнаго у*ш*ипа). Но, конечно, и въ случаѣ сохраненія части рѣчи при словопроизводствѣ звуковое чередованіе можетъ быть очень устойчиво, когда съ нимъ тѣсно соединяется различіе оттѣнка значенія; напр. такое устойчивое чередованіе въ области гласныхъ встрѣчаемъ при производствѣ отъ одного глагола другаго съ измѣненнымъ глагольнымъ видомъ, какъ напр. н*о*с*и*ть || н*а*шивать; это чередованіе даже подчинило себѣ другіе случаи, гдѣ основной гласный сопровождался удареніемъ и принадлежалъ не первичному, а производному отъ имени глаголу, при чемъ могъ даже находиться и не въ корнѣ, а въ суффиксѣ или префиксѣ; напр.: зак*о*нчить || зак*а*нчивать, успок*о*ить || успок*а*ивать (рядомъ встрѣчается и первичная форма успок*о*ивать); установ*и*ть || уста*н*авливать, раб*о*тать || разраб*а*тывать и разраб*о*тывать; заподо*з*рить || заподо*з*ривать и заподо*з*ривать; и т. п.

Разсмотрѣвъ вопросъ о чередованіяхъ звуковъ внѣшнимъ образомъ, мы должны прибавить, что съ точки зрѣнія психологической грамматическія чередованія звуковъ представляютъ собою особый родъ ассоціаціи идей, именно *ассоціаціи*

отношеній между звуками, которая съ дѣтства устанавливается въ умѣ говорящихъ и опирается на силу привычки.

4) *Измѣненія чередованій звуковъ.* Мы уже указывали, что въ рядѣ родственныхъ словъ

гóдй || гâдá || гъдâвój

между корневыми звуками *г* и *д* чередуются гласные: ó || â || ъ. Восходя къ болѣе древнему времени, мы должны предположить, что различіе гласнаго было все меньше и меньше, такъ что въ началѣ развитія гласный былъ болѣе или менѣе однородный. Такимъ образомъ законъ измѣненія чередованій состоитъ въ томъ, что *звуковое чередованіе измѣняется во времени въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ звуковъ, которые входятъ въ составъ даннаго чередованія.* Такъ какъ звуковыя измѣненія могутъ представлять особенности по говорамъ, то это будетъ соотвѣтственно отражаться и на составѣ чередованій. О перемѣнахъ въ чередованіяхъ подъ вліяніемъ *аналогіи* мы уже говорили.

Примѣчаніе. Звуковыя измѣненія, ведя къ развѣтвленію (дивергенціи) одного первоначальнаго звука на два и болѣе звуковъ (напр. *о* на *о*, *й* и *ъ* или *k* на *к* и *ч* и т. п.), порождаютъ этимъ грамматическія чередованія; но звуковыя измѣненія могутъ вести также къ совпаденію (конвергенціи) двухъ и болѣе звуковъ разнаго происхожденія въ одномъ звукѣ (напр. неударяемое *а* въ говорахъ вполнѣ акающихъ можетъ происходить не только изъ *о*, но и изъ *а*), а благодаря этому—различныя чередованія звуковъ могутъ приходить въ частное совпаденіе. Такое совпаденіе чередованій открываетъ, какъ мы видѣли, возможность проявленію дѣйствія *аналогіи* въ области чередованій. Обыкновенно бываетъ, что звукъ, развѣтвляясь на нѣсколько, вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ совпаденіе съ звуками инаго происхожденія; далѣе, общій звукъ, въ которомъ совпали разные звуки, можетъ въ свою очередь подвергнуться дивергенціи и т. д. Отсюда, задача исторіи языка по отношенію къ фонетикѣ—доискаться до опредѣленія *послѣдовательности* въ возникновеніи фонетическихъ явленій, послѣдовательности въ ходѣ звуковыхъ дивергенцій и конвергенцій въ связи съ развитіемъ чередованій.

Заканчивая вопросъ о звуковыхъ измѣненіяхъ и чередо-

ваніяхъ и ихъ законахъ, мы скомбинируемъ теперь *факторы* фонетическаго развитія языка, которые мы частію уже указали въ предъидущемъ, частію же укажемъ при самомъ изложеніи фонетики:

I) Факторы *физіологическіе*: а) удареніе слова; б) положеніе относительно ударенного слога; в) положеніе въ словѣ; г) вліяніе тѣхъ или другихъ свойствъ сосѣдняго звука, или же звука сосѣдняго слога; д) вліяніе группъ согласныхъ звуковъ; е) открытость и закрытость слога; ж) природа самихъ измѣняющихся звуковъ; з) упражненіе; и) логическое удареніе и вообще связность рѣчи;

II) факторъ *акустическій*: і) слуховыя замѣны одного звука сходнымъ другимъ; к) недослышиваніе слабыхъ звуковъ;

III) факторы *психологическіе* по преимуществу: л) морфологическая связь словъ и опрóщеніе ихъ; м) аналогія; н) дифференціація; о) народная этимологія;

IV) факторы *культурно-историческіе*: п) книжное вліяніе; р) вліяніе церковно-славянское; с) вліяніе одного говора на другой; т) вліяніе другихъ языковъ;

V) факторъ *діалектологическій*.

Укажемъ еще тѣ сокращенія и знаки, которыми будемъ пользоваться при изложеніи фонетики и вообще грамматики: [1])

---

[1]) Здѣсь умѣстно разъяснить цѣль употребленія сокращеній, знаковъ и формулъ въ лингвистическихъ сочиненіяхъ. Въ каждой наукѣ имѣется рядъ основныхъ, точно опредѣленныхъ и часто употребляющихся понятій и выражающихъ ихъ терминовъ. Съ установленіемъ же такихъ обобщающихъ терминовъ наука, ради наглядности, а также экономіи во времени и въ трудѣ, для передачи ихъ начинаетъ пользоваться краткими условными обозначеніями или формулами; такимъ образомъ формулы вмѣстѣ съ терминами служатъ показателями обобщающей мысли. Что касается области языковыхъ явленій, то она съ удобствомъ поддается такому символическому обозначенію. Уже со времени Боппа, основателя сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ, въ лингвистическихъ сочиненіяхъ стали прибѣ-

К. т. е. корень (отмѣчается также знакомъ *V*).
Сф. „ суффиксъ.
Ок. „ окончаніе.
Ос. „ основа.
V „ vocalis (гласный звукъ).
C „ conconans (согласный звукъ).
L „ liquida (плавный согласный).
N „ nasalis (носовой согласный).
ae. „ аріо-европейскій (праязыкъ).
* „ значекъ, который ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка; напр., ae. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое.
| „ знакъ, служащій для дѣленія слова на слоги.
- „ знакъ, служащій для дѣленія слова на морфологическія части.
|| „ знакъ чередованія въ сферѣ одной и той же морфологической части въ томъ или другомъ языкѣ; иногда примѣняется и просто при сопоставленіяхъ.
≠ „ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.
→ „ знакъ звуковаго измѣненія; направленіе стрѣлки указываетъ, что̀ во что̀ измѣняется; поэтому дн→нн можно изобразить и иначе: нн←дн.

гать къ пользованію формулами; такъ, напр., Боппъ для указанія звуковыхъ соотвѣтствій и иллюстрирующихъ ихъ примѣровъ въ родственныхъ аріо-европейскихъ языкахъ пользовался знакомъ равенства; въ современныхъ же лингвистическихъ сочиненіяхъ сократительныя формулы стали уже обычнымъ явленіемъ. Такъ какъ въ наукѣ о языкѣ пока еще не установилось полнаго однообразія примѣняемыхъ формулъ, то я и указываю здѣсь знаки и сокращенія, казавшіеся мнѣ наиболѣе нужными и удачными, напр. для обозначенія заимствованныхъ словъ, образованій по аналогіи и т. д. Какъ показалъ мнѣ опытъ, пользованіе подобными формулами умѣстно и для преподаванія.

→ т. е. знакъ заимствованія, напр. *нѣм.* Stich →*рус.* штыкъ (т. е. заимствованіе тутъ изъ нѣмецкаго языка въ русскій).

↑ „ знакъ аналогіи; напр. произношеніе „вид*ютъ*“ ↑ „кол*ютъ*“, т. е. окончаніе -ютъ утвердилось въ формѣ „видятъ“ по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ „колютъ“ и т. п.

O „ нуль звука.

ʌ „ знакъ для того мѣста въ словѣ, гдѣ произошло исчезновеніе звука, напр. мʌру (срв. ст.-сл. мьрж).

< „ знакъ для производства; напр. возъ < возить, т. е. отъ существ. „возъ“ образуется глаголъ „возить“.

Глава IV.

Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Какъ мы знаемъ, звуки рѣчи подраздѣляются на гласные и согласные: гласные съ точки зрѣнія физіологической характеризуются раскрытіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой наибольшею сонорностью, согласные же характеризуются съ точки зрѣнія физіологической смыканіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой меньшею сонорностью съ преобладаніемъ того или другаго характернаго шума. Соотвѣтственно указанному дѣленію звуковъ, фонетика распадается на отдѣлъ явленій въ области гласныхъ (вокализмъ) и отдѣлъ явленій въ области согласныхъ (консонантизмъ). Въ области вокализма особую группу явленій представляютъ видоизмѣненія *неударяемыхъ гласныхъ*, а такъ какъ они по времени своего возникновенія принадлежатъ къ сравнительно позднѣйшему слою звуковыхъ явленій и, слѣдовательно, представляютъ наименьшую сложность, — то съ нихъ и начнемъ изложеніе русскаго вокализма, послѣдовательно переходя къ явленіямъ болѣе ранняго происхожденія, представляющимъ уже бо̀льшую запутанность.

I. *Неударяемые гласные.* Неударяемые гласные въ общепринятомъ правописаніи обозначаются тѣми же самыми начертаніями, какъ соотвѣтствующіе имъ ударенные, и такое ихъ обозначеніе объясняется тѣмъ, что правописаніе наше восходитъ ко временамъ, когда еще не произошло замѣтныхъ видоизмѣненій въ неударяемомъ вокализмѣ. Этимъ свойствомъ правописанія мы и воспользуемся при изученіи неударяемаго вокализма, а именно—мы будемъ разсматривать оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ, беря за основаніе орѳографическое обозначеніе. Такимъ образомъ, мы послѣдовательно разсмотримъ видоизмѣненія неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ современномъ правописаніи начертаніями *А* (*Я*), *О*, *Е*, *Ѣ*; что касается неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ посредствомъ *Ы*, *И*, *У*, то эти гласные, произносясь только при узкомъ раскрытіи рта, не представляютъ того разнообразія оттѣнковъ, какое имѣется при первыхъ вслѣдствіе ихъ способности къ измѣненію ширины раствора рта. Въ своихъ видоизмѣненіяхъ неударяемые гласные слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, состоящимъ въ томъ, что та или другая разновидность неударяемаго гласнаго свойственна лишь опредѣленнымъ положеніямъ въ словѣ. Слѣдя за такими видоизмѣненіями неударяемыхъ гласныхъ, можно установить въ словахъ живой литературной русской рѣчи слѣдующія четыре главныхъ положенія, изъ которыхъ два имѣютъ мѣсто передъ удареніемъ, а другія два послѣ ударенія: 1) положеніе гласнаго въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (CV | ′) [1]), 2) положеніе во второмъ слогѣ передъ удареніемъ (CV | - | ′), 3) положеніе послѣ ударенія внутри слова (′ | CVC) и 4) положеніе неудареннаго гласнаго въ концѣ слова (′ | CV). Изучая въ словахъ

---

[1]) Въ приводимыхъ здѣсь формулахъ C=Consonans (т. е. согласный звукъ), V=Vocalis (т. е. гласный звукъ), вертикальная черта обозначаетъ дѣленіе на слоги, черточка (-) обозначаетъ слогъ, остающійся внѣ разсмотрѣнія, а знакъ ′ служитъ для обозначенія ударенного слога въ словѣ.

неударяемые гласные въ указанныхъ положеніяхъ, приходимъ къ заключенію, что только въ слогѣ первомъ предъ удареніемъ гласный произносится довольно сильно, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ—слабо. [1])

А (Я).

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласный *а* сохраняется, отражаясь какъ довольно сильное и не очень краткое *а*, напр. *сады́*, *кажу́*, *чудака́*, *забо́р* и т. п. Послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ произношеніи многихъ въ разсматриваемомъ положеніи вмѣсто *а* слышится звукъ близкій къ *э*, напр. п'ѣто́к (пятокъ), чѣсы́ (*часы*), шел'іт' (*шалить*) и т. п. При этомъ замѣтимъ, что шипящіе *ш* и *ж*, теперь твердые, нѣкогда произносились мягко, чѣмъ и объясняется то, что послѣ нихъ неударяемый гласный представляетъ такое же измѣненіе, какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (впрочемъ, экскурсія гласнаго послѣ твердыхъ шипящихъ неодинакова съ экскурсіей того же гласнаго послѣ мягкихъ согласныхъ, такъ какъ съ отвердѣніемъ шипящихъ *ш* и *ж* экскурсія слѣдующаго гласнаго изъ мягкой перешла въ твердую).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ произносится гласный *ъ* (близкій къ слабому крат-

---

[1]) Изслѣдуя оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ въ живой литературной рѣчи, нужно считаться съ возможностью *книжнаго вліянія на произношеніе*, происходящаго отъ привычки, выносимой изъ школы, произносить слова согласно съ правописаніемъ и не согласно съ естественнымъ выговоромъ. Въ школахъ, чтобы облегчить учащемуся изученіе правописанія, нерѣдко произносятъ слова такъ, какъ они написаны, вслѣдствіе чего у учащихся можетъ образовываться искусственное произношеніе. Это искусственное произношеніе можетъ существовать у индивидуума рядомъ съ обычнымъ; такъ, разговаривая обычнымъ (естественнымъ) произношеніемъ, онъ иногда будетъ выговаривать вопреки обычному произношенію, согласно съ орѳографическимъ обозначеніемъ. Книжное вліяніе на произношеніе представляетъ разнообразіе, у однихъ [illegible]чъ сказываясь сильнѣе, а у другихъ—слабѣе.

кому ы), напр. зъд'æржáт' (*за*держать), а послѣ мягкихъ согласныхъ—ь (гласный, близкій къ слабому краткому і), напр. р'ьдâвój (рядовой). [1]) Послѣ твердыхъ шипящихъ (*ш* и *ж*) слышится ъ, напр. шърâвój (*ш*аровой), а послѣ мягкаго шипящаго (ч) слышится ь, напр. чьстâкóл (*ч*астоколъ).

Послѣ ударенія внутри слова гласный отражается такъ же, какъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. въ видѣ ъ послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. мâлíтвъм'ї (молитв*а*ми), дыжъм (лыж*а*мъ), и въ видѣ ь послѣ согласныхъ мягкихъ, напр. пр'ін'ьл (прин*я*лъ), тýчьм (туч*а*мъ). Во второмъ спряженіи въ 3 л. мн. ч. настоящаго времени, въ случаѣ неударяемости окончаній, вм. *-атъ* и *-ятъ* обыкновенно слышится *-утъ* и *-ютъ* (напр. въ формахъ слыш*ат*ъ, пуст*ят*ъ), но это — не фонетическое измѣненіе, а подстановка другаго окончанія по аналогіи къ первому спряженію.

Послѣ ударенія въ концѣ слова разсматриваемый гласный сохраняется, отражаясь въ видѣ довольно слабаго *а*, какъ послѣ твердыхъ согласныхъ, такъ и послѣ мягкихъ: ры́б*а*, сло́в*а* (Род. ед.), учéнь*я* (Род. ед.), знá*я*, ви́д*я*. Въ И. В. мн. именъ средняго рода, въ случаѣ неударяемости окончанія, въ живой рѣчи обыкновенно слышится на концѣ *-ы* или *-и* вм. *-а* или *-я*, напр. въ формахъ—пи́сьм*а*, ру́жь*я*; но это по аналогіи къ соотвѣтствующимъ падежнымъ формамъ другихъ родовъ.

---

[1]) Сродство твердыхъ согласныхъ съ гласнымъ ы и мягкихъ съ і подтверждается наблюденіями при первоначальномъ обученіи чтенію по звуковому способу: повторяя произнесенный учителемъ твердый согласный звукъ въ отдѣльности, ученики нерѣдко выговариваютъ его въ сопровожденіи гласнаго ы, напр. *пы* вм. *п* и т. д., подобно тому какъ при мягкомъ согласномъ является у нихъ нерѣдко призвукъ і. Такимъ образомъ, указываемое измѣненіе въ ъ и ь является результатомъ аккоммодаціи неударяемаго гласнаго къ предшествующему согласному, т. е. произошло въ направленіи удобства произношенія.

О.

Отраженія или рефлексы гласнаго *о* въ слогахъ неударяемыхъ (какъ передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія) совпадаютъ съ рефлексами гласнаго *а* въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ въ соотвѣтствующихъ слогахъ (впрочемъ съ нѣкоторою особенностью для слога непосредственно предшествующаго ударенному).

Въ слогѣ первомъ *передъ удареніемъ* орѳографическому *о* соотвѣтствуетъ въ общерусскомъ произношеніи *а* (если говоръ вполнѣ акающій) и å (если говоръ умѣренно-акающій), напр. сâл'іт' (*со*лить), вâз'іт' (*во*зить), сâвâт' (*со*вать) и т. п.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ слышится ъ: гълâвâ (*го*лова), търгâвâт' (*то*рговать) и т. п., также и *послѣ ударенія* внутри слова: спóръф (*спо*ров), хóлъдъ (*хо*лода), дóбръвъ (*до*браго) [1]... Въ этихъ неударяемыхъ положеніяхъ смѣшивается произношеніе не только орѳографическихъ О и *А* (напр. въ словахъ „кáпать" и „лáпоть" одинаково въ неударяемомъ слогѣ слышится ъ), но еще и *Ы* (срв. выбыть).

Въ неударяемомъ концѣ слова слышится ъ: мáлъ (мало), д'ѐлъ (дѣло), слóвъ (слово)... Мы видимъ, что окончаніе И. ед. въ существительныхъ средняго рода въ случаѣ неударенности совпадаетъ въ произношеніи съ окончаніемъ женскаго рода, срв. слáвъ (слáва).

Е.

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, орѳографическое *е* произносится какъ открытое или ши-

---

[1]) Въ этомъ примѣрѣ имѣемъ случай, гдѣ орѳографія не указываетъ на основной звукъ, такъ какъ тутъ имѣется церковно-славянское написаніе окончанія (-аго); въ русскомъ же языкѣ—нѣсколько другое окончаніе, какъ можно видѣть изъ случаевъ, когда оно сопровождается удареніемъ, какъ напр. с'л'ѐпóвъ (слѣпаго), откуда заключаемъ, что въ основаніи разсматриваемаго неударяемаго гласнаго лежитъ гласный *о*.

рокое *е* (æ) передъ твердыми согласными и какъ закрытое или узкое *е* (є) передъ мягкими, напр. чæвó (чего), н'æсу́ (несу) || н'єд'є́л'ă (недѣля), п'єча́л' (печаль). Не трудно замѣтить, что въ данномъ неударяемомъ положенія произношеніе орѳографическаго *е* совпадаетъ съ произношеніемъ орѳографическаго *А* (*Я*), когда послѣднее выговаривается какъ *е* послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи (срв. чæсы́, п'єт'і).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, а также послѣ ударенія внутри слова, обычнымъ отраженіемъ орѳографическаго *Е* служитъ слабый гласный, близкій къ *і* и обозначаемый нами черезъ ь, напр. н'ьс'æна́ (несена), вы́н'ьсу́ (вынесу); послѣ же твердыхъ шипящихъ (*ж*, *ш*) видимъ ъ, напр. жъс'т'анój (жестяной). Такимъ образомъ, въ данныхъ положеніяхъ произношеніе орѳографич. *Е* совпадаетъ съ произношеніемъ *А* (*Я*) въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ (срв. п'ьтачóк, чьстăкóл, шърăвój). Кромѣ того сходнымъ образомъ звучитъ въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ и гласный *И*, такъ что напр. слова̀ „будєтъ“ и „будитъ“ слышатся одинаково въ видѣ—бу́д'ьт.

Въ концѣ слова *е* сохраняется въ видѣ открытаго *е*, произносимаго кратко и слабо, напр. пóл'ă̈ (поле) и т. п. Если же въ произношеніи многихъ можно слышать пóл'ă и т. п., то остается неяснымъ, имѣется ли въ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическое измѣненіе, или же вліяніе аналогіи со стороны соотвѣтствующаго твердаго склоненія, напр. д'ắлă (дѣло).

Ѣ.

Орѳографическое *Ѣ* отражается въ неударяемыхъ положеніяхъ одинаково съ орѳ. *Е*, напр. цæна́ (цѣна), цєн'і́т' (цѣнить); д'ьлăвój (дѣловой), цълăва́т' (цѣловать); вы́б'ьл'ьт' (выбѣлить), вы́цъд'іт' (выцѣдить); ры́б'ă̈ (рыбѣ). Нужно за-

мѣтить только о положеніи въ концѣ слова, что тутъ подстановки по аналогіи въ области окончанія *Ѣ* могутъ быть иныя, чѣмъ у *Е*.

Результаты нашего разсмотрѣнія неударяемаго вокализма можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Ударяемые гласные и ихъ орѳографическое обозначеніе.	Неударяемыя положенія гласныхъ и примѣры.			
	CV | '	CV | - | '	' | CV	' | CVC
á *А* (Я)	а (э) сады́ (*сады*) р'або́j и р'æбо́j (рябой) шал'іт' и шє-л'іт' (*шалить*)	ъ, ь стъріку́ (*старику*) п'ътачо́к (*пятачекъ*)	ъ, ь пла́къ́т' (*плакать*) с'е́jъ́т' (*сѣять*)	ă ла́пă (*лапа*) во́л'ă (*воля*)
ó (*О*)	å (а) вǻда́ (вода)	ъ бърǻна́ (*борона*)	ъ р'а́дъм (*рядомъ*)	ă с'л'е́пă (*слѣпо*
'ó или é (*Е*)	æ, є м'æту́ (*мету*) м'єт'о́ш (*метешь*) шєс'т'і(*шести*)	ь, ъ м'ът'æна́ (*метена*) жъс'т'ано́j (*жестяной*)	ь, ъ по́л'ъм (*полемъ*) ло́жъм (*ложемъ*)	æ̆ (ă) по́лæ̆ (*поле*) ло́жæ̆ (*ложе*)
ѣ́ или é (*Ѣ*)	æ, є с'æку́ (*сѣку*) с'єк'і (*сѣки*)	ь, ъ б'ъгуна́ (*бѣгуна*) цъла́ва́т' (*цѣловать*)	ь, ъ в'ід'ъл (*видѣлъ*) вы́цъд'ъ́т'(*выцѣдить*)	æ̆ ла́п'æ̆ (*лапѣ*) пт'іцæ̆ (*птицѣ*)

Разсматривая всѣ гласные, какіе встрѣчаются въ каждомъ положеніи относительно ударенія (т. е. читая предложенную таблицу сверху внизъ), мы легко замѣтимъ, что самое большое разнообразіе гласныхъ наблюдается въ слогѣ ударенномъ, гдѣ могутъ встрѣчаться всѣ основные гласные, т. е. *а*, *о*, *æ*, *є*, *у*, *ы*, *і*; нѣсколько меньшее разнообразіе представляетъ слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, гдѣ встрѣчаются всѣ гласные за исключеніемъ *о*, вмѣсто котораго произносится å или *а*; затѣмъ слѣдуетъ положеніе неударяемыхъ гласныхъ въ концѣ слова, гдѣ также встрѣчаются всѣ гласные кромѣ *о*, но за то они въ этомъ положеніи выговариваются слабо и при индифферентномъ растворѣ рта, такъ что различія ихъ выступаютъ съ малою рельефностью; самое же малое разнообразіе гласныхъ видимъ въ слогѣ второмъ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова, это—слоги индифферентныхъ гласныхъ *ъ* и *ь*, въ которыхъ смѣшиваются (конвергируютъ) весьма разнообразные основные гласные. [1])

Если мы будемъ теперь слѣдить за отраженіями каждаго орѳографическаго гласнаго въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (т. е. читать приведенную таблицу слѣва на-право), то можемъ легко подобрать примѣры на „чередованія“ ударяемыхъ гласныхъ съ гласными неударяемыми (въ родственныхъ словахъ), напр.:

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что смѣшеніе неударяемыхъ орѳографическихъ гласныхъ въ послѣударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ значеніе и примѣненіе въ стихотворныхъ риѳмахъ.

Знакомство съ особенностями неударяемаго вокализма важно для школьнаго учителя, чтобы онъ могъ сознательнѣе относиться къ ученическимъ ошибкамъ при письмѣ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и учащійся напишетъ правильно; отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся, ср. напр. малограмотныя ученическія написанія «заицъ», «намаслиницѣ», «клаиица», «суставчатыхъ», «послушыла».

А (*Я*): са́т (садъ) || *сады́* || сдâвój || вы́сд'іт';
р'а́т (рядъ) || р'*ады́* или р'æды́ || р'ъдâвój || пóд-р'ът (пóдъ-рядъ);
О: гóт (годъ) || гâдá || гдâвój || пóлгъда;
Е: н'óс (несъ) и н'ёс'т' (несть вм. нести) || н'æсу́ и н'єс'і || н'ъс'æнá || вы́н'ъсу;
Ѣ: б'ǽлъj (бѣлый) и б'ёл' (бѣль) || б'æлó и б'єл'іт' || б'ъл'ізнá || вы́б'ъл'ът.

Теперь мы разъяснимъ соотношеніе между неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями. Такъ какъ въ словахъ морфологическія части слѣдуютъ одна за другою въ опредѣленномъ порядкѣ (Преф. + Корень + Суф. + Оконч.), то каждая изъ нихъ имѣетъ свою область или районъ неударемыхъ положеній (объ ударяемомъ положеніи мы не будемъ особо говорить, лишь отмѣтимъ, что каждая морфологическая часть можетъ быть въ этомъ положеніи).

а) *Корень* въ словахъ способенъ имѣть наибольшее разнообразіе неударяемыхъ положеній, какъ это можно видѣть изъ только что приведенныхъ примѣровъ чередованій, которые всѣ относятся къ корню; только одно неударяемое положеніе не свойственно корню, а именно—гласный корня не можетъ оканчивать собою слово, такъ какъ всякое слово замыкается окончаніемъ.

б) *Суффиксъ*, слѣдуя за корнемъ и предшествуя окончанію, можетъ находиться въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ, какъ и корень, кромѣ одного положенія, а именно—онъ не встрѣчается во второмъ слогѣ передъ удареніемъ. Примѣры: звâна́р' (звонарь) || звъна*р*'á (суффиксъ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ), пáхгр', пáхгр'ä (гласный суффикса находится послѣ ударенія внутри слова).

в) Что касается крайнихъ морфемъ въ словѣ (т. е. префикса и окончанія), то неударяемый *префиксъ*, начиная слово, можетъ занимать только положеніе передъ удареніемъ,

напр. преф. *за*: *зада́мъ* (префиксъ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ) || *зада́на* (префиксъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ); отступленіе составляетъ тотъ рѣдкій случай, когда слово начинается двумя префиксами и удареніе приходится на первомъ изъ нихъ, вслѣдствіе чего второй префиксъ будетъ находиться уже за удареніемъ внутри слова, напр. вы́прзвъд'ът' (выпроводить).

г) Въ противоположность префиксу, неударяемое окончаніе, какъ послѣдняя морфологическая часть слова, необходимо находится въ послѣударенномъ отдѣлѣ слова, напр. въ словахъ: палк*а*, палк*ами*.

Разъясненное соотношеніе между разными неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями словъ можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

	Преф.	Кор.	Суф.	Оконч.
' | CV				па́лка
' | CVC		по́лгода	сто́ликъ	па́лкамъ
V́	зі́далъ	го́да	голи́къ	рука́
CV | '	зада́мъ	года́	голика́	
CV |-| '	зада́на	годово́й		

Чтобы показать отраженіе неударяемыхъ гласныхъ въ связной рѣчи, далѣе приводится небольшой текстъ (басня „Двѣ бочки") въ научно-фонетической транскрипціи, при чемъ слова слитно произносимыя и написаны какъ одно слово:

д'в'æбóчк'ъ

д'в'æ бóчк'і jæхъл'ъ åднá с'в'інóм другájă пустájă вотп'æрвъjă с'єб'æ б'æшшýмý шашкóмпл'єт'óтцă другájафскáчн'єс'óтцă åтн'éj пъмъстáвój jістýкáт'н'á jігрóм jіпыл' стáлбóм прáхóжъjкстърáн'æ скáр'éj åтстрáху жм'óтцă jєjóзаслы́шъфшъ jіздъл'æкá но кáкъ та бóчка н'іграмкá апóл'за вн'éj н'æтáк какф'п'æрвъj в'ьл'ікá

П. *Измѣненіе орѳогр.* е *въ* ё. Переходя отъ неударяемыхъ гласныхъ къ ударяемымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что послѣдніе въ общерусской рѣчи почти не измѣняются, всегда соотвѣтствуя своему орѳографическому обозначенію, за исключеніемъ ударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ правописаніи черезъ *Е*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ. Эта буква въ орѳографіи въ положеніи передъ твердыми согласными, а также въ концѣ обозначаетъ гласный звукъ *о́*, которому всегда предшествуетъ мягкій согласный (за исключеніемъ отвердѣвшихъ согласныхъ *ш*, *ж* и *ц*), а въ положеніи передъ мягкими согласными произносится какъ узкое или закрытое *е*; напр.: пекъ=п'óк, елка=jóлка, мытье=мыт'jó; [1]) п'éн'=пень, jéл'=ель. Гласный *о* въ такихъ случаяхъ, какъ п'óк (пекъ), м'óл (мелъ), не можетъ считаться первичнымъ и произошелъ изъ *е*, что̀ подтверждаютъ: 1) правописаніе, 2) родственныя слова, въ которыхъ произносится *е* (печь, мести) и 3) физіологическая осо-

[1]) Привычка къ орѳографическому обозначенію такого *о́* посредствомъ буквы *е* (или *ё*) можетъ помѣшать иному слышать въ такихъ случаяхъ гласный *о́*, вмѣсто котораго ему будетъ казаться какой-то особый гласный; а между тѣмъ при начальномъ обученіи грамотѣ, т. е. когда у учащихся еще не укрѣпилась привычка къ буквѣ, послѣдніе, если имъ произнести подобныя слова и спросить, какой гласный въ нихъ слышится, всегда называютъ *о*. Малограмотныя лица въ этихъ случаяхъ иногда и пишутъ *о*, ничѣмъ не отмѣчая мягкость предшествующаго согласнаго или же согласный j, напр.: пъотъ (т. е. «пьетъ«), недаотъ (*о*=jо), объомъ (=объ ёмъ, т. е «объ немъ»). Такого рода написанія попадаются изрѣдка и въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. рубловъ и т. п

бенность такого *о*, заключающаяся въ томъ, что ему предшествуетъ мягкій согласный, тогда какъ самъ по себѣ гласный *о* не можетъ смягчать предшествующаго согласнаго, ибо въ образованіе гласнаго *о* не привходитъ приближеніе *средней* части языка къ небу; это заставляетъ предположить, что *о* въ этомъ случаѣ не исконное, а развилось изъ палятальнаго, смягчающаго гласнаго, именно—*е*, начертаніе котораго и видимъ въ орѳографіи.

Такія чередованія, какъ jél' (ель) || jólkă (елка) и т. п., съ наглядностью показываютъ, что здѣсь измѣненіе 'е→'о произошло подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго въ соединеніи съ ударенностью. [1]) Но въ такомъ случаѣ остается не разъясненнымъ, какъ получилось конечное *ó* вмѣсто конечнаго *é*, т. е. когда не было на лицо столь существеннаго для даннаго измѣненія фактора, какъ твердость слѣдующаго согласнаго. Какъ увидимъ, есть нѣкоторыя данныя, намекающія на участіе *аналогіи* въ возникновеніи этого явленія. Такъ, въ разговорномъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякое произношеніе частицы ужé || ужó (послѣднее съ измѣненнымъ значеніемъ): можно думать, что въ первомъ случаѣ (ужé) частица удержала первоначальное произношеніе, а во второмъ случаѣ (ужó) видоизмѣнилась по аналогіи къ нарѣчіямъ на -ó (напр. срв. давно); другое подтвержденіе даютъ нѣкоторые народные говоры Новгородской губерніи, въ которой мѣстами—по словамъ Даля—наблюдается произношеніе *кольцé*, *хорошé*; въ этой особенности можно видѣть отраженіе старины, удержавшейся благодаря тому, что не произошло распространеніе по аналогіи окончанія *-ó*. Впрочемъ, кромѣ аналогіи можно допустить участіе *фонетическаго* фактора въ случаѣ, когда къ слову примыкало энклитическое (безударное) словечко, начинавшееся твердымъ согласнымъ, какъ

---

[1]) Въ окающихъ народныхъ говорахъ данное явленіе наблюдается также въ *достаточно сильныхъ неударяемыхъ положеніяхъ* передъ твердыми согласными, напр. м'осý || л'єс'і и т. п.

напр. частицы *-бы* или *-бъ*, *-ко* или *-тко*, а при существительныхъ членъ *-то*, и такимъ образомъ гласный изъ положенія въ концѣ слова переходилъ въ положеніе внутри слова при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Въ этомъ положеніи уже онъ могъ измѣняться въ *'ó*, а затѣмъ этотъ гласный *по аналогіи* сталъ употребляться въ тѣхъ же формахъ и независимо отъ указаннаго спеціальнаго условія. На возможность такого объясненія указываетъ то, что членъ уже издавна въ русскомъ языкѣ примыкаетъ энклитически къ существительному, въ пользу чего приведемъ доказательство въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 66—68, сноска).

Окончивъ изложеніе вопроса о появленіи конечнаго *'ó* вмѣсто *'é*, мы обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей и частностей измѣненія *'é* въ *'ó* передъ согласнымъ внутри слова. Эти особенности и частности сводятся къ разъясненію слѣдующихъ случаевъ: а) ударяемое орѳограф. *Е* не имѣетъ ожидаемаго произношенія *'ó*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный и б) произносится какъ *'ó* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ.

а)

1) Произношеніе орѳ. *Е* какъ *'é*, а не какъ *'ó* имѣетъ мѣсто передъ твердымъ согласнымъ *ц* (напр. åт'ǽц=отецъ, åв'ǽц=овецъ и т. п.). Эту кажущуюся странность не трудно понять, если обратимъ вниманіе на то, что въ русскомъ языкѣ *ц* прежде было мягкимъ, да и теперь еще сохраняется такимъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ. Необходимо принять, что *процессъ измѣненія 'é→'ó совершался въ то время, когда ц произносилось во всѣхъ русскихъ говорахъ мягко*, а потому *'é* въ положеніи передъ *ц* не могло быть захвачено этимъ измѣненіемъ; хотя послѣ этого *ц* и отвердѣло, но уже процессъ измѣненія *'é→'ó* миновалъ, такъ что отвердѣніе *ц* могло теперь вызвать только измѣненіе рекурсіи предшествующаго гласнаго изъ мягкой въ твердую, благодаря чему *е* по-

лучило передъ *и* открытое или широкое произношеніе. [1]) Подобнымъ же образомъ объясняется произношеніе 'ѐ (=орѳ. *Е*) передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, гдѣ первый согласный былъ сначала мягкимъ и сравнительно поздно отвердѣлъ, какъ напр. въ словахъ з'ѐмскъj (земскій), п'ѐрвъj (первый), в'ѐрбă (верба) и т. п.; въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ еще и теперь согласный, слѣдующій за *е* въ этихъ словахъ, произносится мягко.

2) Орѳографич. ударяемое *Е* произносится какъ 'ѐ передъ твердыми согласными въ *предлогахъ* и *префиксахъ*, напр. б'ѐзгъду (безъ году), б'ѐстълъч (безтолочь), н'ѐбъл (не былъ), н'ѐнъв'ьс'т' (ненависть). Здѣсь могла вліять аналогія тѣхъ случаевъ, гдѣ за предлогомъ или префиксомъ слѣдовалъ мягкій согласный (напр. невидаль) и слѣдовательно не могло развиваться *'о*, а также отчасти можно предполагать сравнительно позднее передвиженіе ударенія на предлогъ или префиксъ, т. е. въ то время, когда въ языкѣ уже миновала эпоха измѣненія 'е́ въ 'о́.

3) Теперь мы укажемъ особую группу словъ, гдѣ орѳографическое ударяемое *Е* передъ твердымъ согласнымъ также имѣетъ произношеніе 'ѐ, напр.: п'ѐрст (перстъ), кр'ѐст (крестъ), в'ѐтхъj (ветхій), чуд'ѐс (чудесъ), суд'ѐп (судебъ). Особенность произношенія этихъ словъ объясняется тѣмъ, что они заимствованы въ русскій языкъ изъ *церковно-славянскаго*, въ которомъ—какъ извѣстно—буква *е* никогда не выговаривается какъ *ё*, а только какъ *е*. Въ самыхъ словахъ мы можемъ открыть нѣкоторые признаки церковно-славянскаго вліянія. Это прежде всего—оттѣнокъ значенія церковный или книжный (срв. выраженія—„ветхій завѣтъ", „перстъ Божій", „книга судебъ" и т. п.), а затѣмъ—рядомъ съ эти-

---

[1]) Едва ли не единственный случай гласнаго 'о́ передъ *и* имѣется въ словѣ кл'о́цка (клецка), но это слово не природное русское, а заимствованное изъ нѣмецкаго Kloss, откуда уменьшительное Klösschen.

ми словами обычно имѣются и природныя русскія съ гласнымъ 'о и съ обыденнымъ значеніемъ, напр. нап'о́рстък (наперстокъ), кр'о́снъј (крестный), в'о́тъш (ветош) || в'ѐтъш.

4) Въ словахъ *иностранныхъ* тоже ударяемое орѳограф. *Е* передъ твердыми согласными имѣетъ произношеніе 'ѐ, напр. план'ѐта (планета), къвал'ѐр (кавалеръ) и мн. др. Въ этомъ случаѣ заимствованныя слова произносятся съ тѣмъ ударяемымъ гласнымъ, какой имѣется въ иностранномъ языкѣ. Произношеніе *е* какъ ё въ такихъ словахъ, какъ *гувернеръ*, *актеръ* и т. д., не является исключеніемъ отсюда, такъ какъ это—слова французскаго происхожденія, а во французскомъ въ нихъ произносится гласный ö, изображаемый въ орѳографіи начертаніемъ *еи*.

5) Наконецъ, мы должны указать еще рядъ словъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* не произносится какъ 'о передъ твердыми согласными потому, что это начертаніе ошибочно утвердилось въ орѳографіи вмѣсто *Ѣ*, которому не свойственно произношеніе 'о, напр. *блесъ*, *вредъ*, *запретъ*, *мелкій*, *треба*, *членъ*, *брегъ* и т. п. (сюда же относится неударяемое *е* въ словѣ „*песокъ*“); въ старо-славянскихъ памятникахъ соотвѣтствующія слова дѣйствительно пишутся черезъ ѣ, напр. блѣскъ, врѣдъ, пѣсъкъ и т. п.

Примѣчаніе. Въ новомъ церковно-славянскомъ языкѣ приведенныя слова пишутся уже черезъ є, т. е. одинаково съ русскимъ правописаніемъ, напр.: блѐскъ, врѐдъ, запретити, трѐбꙋю, брѐгъ, песо́къ и т. д. Подобное совпаденіе орѳографіи ново-церковно-славянской съ русскою объясняется продолжительностью взаимодѣйствія и естественно приводитъ къ тому педагогическому выводу, что въ средней школѣ долженъ изучаться именно современный церковно-славянскій языкъ, а не старо-славянскій, изученіе котораго должно быть отнесено къ спеціальному высшему образованію, хотя элементарное знакомство съ нимъ можетъ быть даваемо въ старшихъ классахъ средней школы. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что читавшіе въ дѣтствѣ церковныя книги обычно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ навыкъ и въ русской орѳографіи съ ея особенностями (напр. ихъ не затрудняетъ правописаніе буквъ ѣ и *е*,

которое принято считать самымъ труднымъ пунктомъ нашей орѳографіи); образованіе такихъ навыковъ можетъ происходить двумя путями—посредствомъ зрительныхъ воспріятій и посредствомъ воспріятій слуховыхъ: первое напр. относится къ буквамъ *о* и *е*, а второе (благодаря тому обстоятельству, что церковно-славянскія книги требуется читать буква въ букву) должно напр. препятствовать смѣшенію начертаній *о* и *а*, *е* и *и* и т. п. при обозначеніи ими неударяемыхъ гласныхъ. Не даромъ Ломоносовъ, излагая въ Россійской грамматикѣ правила правописанія, замѣтилъ: «для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской грамматѣ, и чтенія книгъ церьковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (§ 116, см. также § 117).

б)

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* имѣетъ произношеніе *'ó* не смотря на то, что слѣдующій согласный мягокъ. Всѣ эти случаи объясняются *аналогіей*. Такъ, напр. отъ слова „береза“ въ Д. Пр. ед. ожидалось бы произношеніе бєрéз'ăе (березѣ), такъ какъ тутъ за ударенным *е* слѣдуетъ мягкій согласный (з') и стало быть *'é* не должно было измѣниться въ *'ó*, однакожъ приведенная форма выговаривается съ гласнымъ *'ó*. Эта странность объясняется слѣдующимъ образомъ. Всматриваясь въ склоненіе слова „береза“, не трудно замѣтить, что во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ лишь приведенныхъ, согласный *з* остается твердымъ, а потому передъ нимъ и ударяемый гласный *'е* измѣнился въ *'о*, а затѣмъ по *аналогіи* и въ Д. и Пр. ед. явилось тоже *'о*, т. е. бєр'óз'ăе вм. бєр'éз'ăе.

Другой случай произношенія *'ó* вм. *'é* мы имѣемъ въ окончаніи Тв. ед. именъ ж. р. на *-я*, напр. з'ємл'ójў (землею), по аналогіи къ окончанію того же падежа въ твердомъ склоненіи (напр. женою). Въ области спряженія аналогіей объясняется произношеніе *'ó* передъ *те* во 2 мн., напр. н'єс'óт'ăе (несете) ↑ къ н'єс'óм (несемъ), н'єс'óт (несетъ).

Нужно еще указать на появленіе гласнаго *'ó* вм. *é* передъ мягкими согласными въ словахъ производныхъ, по ана-

логіи къ производящимъ, напр. въ *существ.*—кул'óчьк (кулечекъ) ↑ кул'óк (кулекъ), рубл'óв'ьк (рублевикъ) ↑ къ рубл'óвъj (рублевый); въ *прилагат.*—зелёненькій ↑ къ зелёный, весёленькій ↑ къ весёлый.

Намъ осталось теперь упомянуть, что и ударяемое орѳографич. *Ѣ*, обычно звучащее въ положеніи передъ твердыми согласными и также въ концѣ словъ какъ ǽ, т. е. какъ широкое или открытое э, а въ положеніи передъ мягкими согласными какъ узкое или закрытое э (напр. пѣлъ=п'ǽл, *ѣл*==jǽл, рук*ѣ*=рук'ǽ; пѣли=п'éл'і, *ѣли*=jéл'ї), въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ произносится какъ *ó*, при чемъ почти всѣ они объясняются аналогіей. Такъ, аналогіей объясняется произношеніе з'в'óзды (множ. отъ „звѣзда"):

с'л'æзá (слеза) : с'л'óзы (слезы)=з'в'æздá (звѣзда : х
х=з'в'óзды.

Аналогіей же объясняется произношеніе *'ó* на мѣстѣ *ѣ* въ словахъ: гн*ѣ*зда (↑ къ рёбра), над*ѣ*ванъ (↑ къ воёванъ), прош. вр. пріобр*ѣ*лъ (↑ къ мёлъ), област. б*ѣ*гъ (↑ къ тёкъ). Произношеніе же цв'óл (цв*ѣ*лъ) и с'óдлă (с*ѣ*дла) объясняется иначе, а именно тѣмъ, что въ этихъ словахъ начертаніе *Ѣ* утвердилось въ орѳографіи ошибочно вм. *Е*, какъ это видно изъ написаній тѣхъ же словъ въ старо-славянской письменности: цвѣлъ, седьло; въ русскомъ языкѣ въ этихъ словахъ стало писаться *Ѣ* по аналогіи къ написаніямъ „цвѣтъ" и „сѣсть", такъ что здѣсь имѣется графическая аналогія, т. е. аналогія въ области письма. Вообще же орѳограф. *Ѣ*, въ отличіе отъ орѳогр. *Е*, не измѣнялось фонетически въ *'о*, откуда получается тотъ хронологическій выводъ, что *процессъ измѣненія 'е* въ *'о начался въ то время, когда звуки орѳографическихъ Е и Ѣ различались въ произношеніи.*

Скажемъ въ заключеніе, что выясненіе особенностей произношенія ударяемыхъ орѳогр. *Е* и *Ѣ* весьма важно не только для фонетики, но также и для пониманія русской орѳографіи; поэтому мы и сочли нужнымъ остановиться съ бо́льшими подробностями на данномъ вопросѣ. [1])

III. *Бѣглые гласные.* Нѣкоторые гласные русскаго языка имѣютъ свойство въ извѣстныхъ положеніяхъ исчезать. Такіе гласные называются бѣглыми въ отличіе отъ постоянныхъ. Постоянными гласными могутъ быть всѣ орѳографическіе гласные, бѣглыми же только орѳографическіе *Е* и *О* въ опредѣленныхъ словахъ. Заслуживаетъ вниманія, что постоянные орѳографическіе *О* и *Е* въ старо-славянской письменности обозначаются начертаніями о и є, напр. пророкъ—пророку || ст.-сл. пророкъ—пророкоу, вечеръ—вечеру || ст.-сл. вечеръ—вечероу; что же касается бѣглыхъ гласныхъ, то въ старо-славянской письменности вмѣсто нихъ видимъ начертанія ъ и ь, напр. сонъ—сну || ст.-сл. сънъ—съноу, день—дни=ст.-сл. дьнь—дьни, ленъ || льнъ.

Какъ можно догадываться изъ приведенныхъ старо-славянскихъ начертаній, явленіе бѣглыхъ гласныхъ русскаго языка объясняется тѣмъ, что нѣкогда вмѣсто нихъ произносились узкіе краткіе гласные—ŭ на мѣстѣ бѣглаго *о* и ĭ на мѣстѣ бѣглаго *е* [2]), затѣмъ при однихъ условіяхъ усилившіеся въ соотвѣтствующіе болѣе широкіе гласные, а при другихъ условіяхъ ослабѣвшіе до исчезновенія. Расширеніе краткихъ глас-

---

[1]) Я не раздѣляю того мнѣнія, что буква ѳ, какъ излишняя, должна быть исключена изъ русской орѳографіи; въ отвѣтъ же на замѣчаніе, что будто изученіе употребленія этой буквы сильно затрудняетъ учащихся, я долженъ указать на особый пріемъ обученія правописанію буквы ѳ въ корняхъ словъ, который я съ успѣхомъ примѣнялъ въ Казанской Татарской Учительской Школѣ и который обстоятельно изложенъ въ моихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1901), стр. 94—102.

[2]) Это доказывается сравненіемъ съ родственными языками, напр. сонъ=греч. ὕπνος, день=санскр. dinam, ленъ=лат. linum.

ныхъ ъ (ŭ) и ь (ĭ) происходило въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ, которымъ оканчивалось слово, содержалъ тоже краткій ъ (ŭ) или ь (ĭ), срв. сонъ=ст.-сл. сънъ, день=ст.-сл. дьнь, ленъ=льнъ; исчезновеніе же данныхъ краткихъ гласныхъ видимъ въ концѣ слова, а внутри слова въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ содержалъ полный гласный (т. е. не ъ или ь), напр. сну, дни, льну.[1]) Надо впрочемъ замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при полномъ гласномъ въ слѣдующемъ слогѣ, краткіе ъ (ŭ) и ь (ĭ) иногда оказываются расширившимися, если имъ предшествовала или слѣдовала за ними группа *согласныхъ*, срв. хитреца (ст.-сл. хытрьца), блоха (блъха), со (съ) мною и т. п. Нужно замѣтить при этомъ о неодинаковомъ вліяніи разныхъ согласныхъ группъ; такъ въ группахъ съ плавнымъ оказывается разница въ зависимости отъ того, предшествуетъ плавному или же слѣдуетъ за нимъ согласный не-плавный, напр. съ *кр*ѣпкими || со *лб*омъ.

Кромѣ случаевъ фонетическаго происхожденія, бѣглые гласные могутъ получаться путемъ *аналогіи*, напр. въ словахъ огонь, вѣтеръ и т. д. Приведенныя слова должны были бы звучать „огнь“ и „вѣтръ“, какъ указываютъ на это соотвѣтствующія старо-славянскія слова огнь и вѣтръ, которыя не имѣютъ внутри краткихъ гласныхъ ъ и ь. Очевидно, что сходство этихъ словъ въ косвенныхъ падежахъ со словами, имѣющими бѣглые гласные (вѣтру : отцу, огню : локтю), вызвало въ нихъ по аналогіи къ послѣднимъ гласные *о* или *е* въ Им. ед. Что касается выбора бѣглаго гласнаго (*е* или же *о*), являющагося по аналогіи, то таковой выборъ опредѣляется *фонетическимъ* моментомъ, а именно: послѣ задне-язычныхъ согласныхъ—*о*,

---

[1]) Исчезновеніе ь (ĭ) представляетъ ту особенность по сравненію съ исчезновеніемъ ъ (ŭ), что послѣ исчезновенія перваго предшествовавшій ему согласный оказывается смягченнымъ, срв. д'ен', л'ну. Изъ этого слѣдуетъ, что *эпоха смягченія согласныхъ древнѣе эпохи бѣглыхъ гласныхъ.*

послѣ же согласныхъ другихъ разрядовъ—*е*; срв. еще „оконъ“ (Р. мн. отъ „окно“, окно), „стеколъ“ (Р. мн. отъ „стекло“, стькло), „реберъ“ (Р. мн. отъ „ребро“, рєкро), „тепелъ“ (теплъ), „чиселъ“ (Р. мн. отъ „число“, ѵнсло), „вёселъ“ (Р. мн. отъ „весло“, кєсло), замыселъ || замыслъ и др. Если на такое вторичное *е* приходится удареніе при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, то будетъ произноситься 'ó, напр. остёръ (остръ), хитёръ (хытръ); срв. еще простонар. верёхъ (Новг. губ.) вм. верхъ. [1]) Въ области префиксовъ аналогіей объясняется возникновеніе такихъ параллельныхъ формъ, какъ—*со*жечь, *со*жигать при обычныхъ—*с*жечь, *с*жигать. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на спряженіе глагола „сжечь“, то замѣтимъ, что нашъ префиксъ встрѣчается въ обоихъ видахъ—*со* и *с* (срв. *с*жегъ || *со*жгу). По аналогіи къ такимъ формамъ, какъ *со*жгу, *со*жжешь и пр., и образовались—*со*жечь, *со*жигать. Подобнымъ образомъ *со*бирать при *с*бирать возникло подъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ—*со*брать.

Исчезновеніе слабыхъ ъ(ŭ) и ь(ĭ) имѣло своимъ послѣдствіемъ рядъ фонетическихъ перемѣнъ въ русскомъ языкѣ и прежде всего уменьшеніе въ словахъ числа слоговъ и измѣненіе ихъ типа. Число слоговъ соотвѣтственно убавлялось на одинъ слогъ, такъ что слова въ родѣ лѣнъ, дѣнь, пѣсъ изъ двусложныхъ превратились въ односложныя. При этомъ исчезновеніе конечныхъ ъ и ь сопровождалось превращеніемъ прежнихъ открытыхъ слоговъ въ закрытые, исчезновеніе тѣхъ же гласныхъ вну-

---

[1]) Имѣются случаи и обратнаго перехода, путемъ аналогіи, постояннаго гласнаго въ категорію бѣглаго, напр. камень—камня || ст.-сл. камы—камене, корень—корня || ст.-сл. кора—корене (встрѣчающееся въ Арх. губ. произношеніе каменя, кореня, подобно соотвѣтствующимъ словамъ въ млр. и блр., представляетъ сохраненіе первичнаго *е* и доказываетъ, что формы съ бѣглымъ *е* въ этихъ словахъ возникли подъ вліяніемъ аналогіи уже по діалектическомъ распаденіи основно-русскаго языка).

три слова приводило въ соприкосновеніе согласные, раньше раздѣленные этими гласными. Въ дальнѣйшемъ исчезновеніе конечныхъ ъ и ь сопровождается переходомъ звонкихъ согласныхъ, теперь оказавшихся конечными, въ глухіе; съ исчезновеніемъ тѣхъ же гласныхъ внутри слова соприкасающіеся теперь согласные могли подвергаться процессу ассимиляціи, напр. овца (овьца) произносится уже офца, т. е. вмѣсто звонкаго согласнаго *в* передъ слѣдующимъ глухимъ произносится соотвѣтствующій глухой (*ф*).

Обратимъ еще вниманіе на то, что бѣглое *е*, подобно постоянному, при извѣстныхъ условіяхъ также измѣнилось въ *'о*, напр. л'ôн (орѳ. ленъ=ст.-сл. льнъ). Не трудно видѣть, что для того, чтобы *'е*, произшедшее изъ первоначальнаго ь (=ĭ), могло измѣниться въ *'о*, нужно, чтобы къ этому времени этотъ первоначальный гласный ь(=ĭ) расширился при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и совпалъ съ постояннымъ *е*. Отсюда слѣдуетъ, что *процессъ развитія бѣглыхъ гласныхъ предшествовалъ измѣненію 'е→'о.* [1]) Въ эпоху *Остромироза Евангелія* (по 10в.

[1]) На это различіе по степени древности того и другаго процесса указываетъ также то обстоятельство, что малорусское нарѣчіе, при согласіи съ великорусскимъ относительно бѣглыхъ гласныхъ, представляетъ нѣкоторыя отличія относительно измѣненія 'е→'о (именно—процессъ этотъ неодинаково комбинируется съ предъидущимъ въ томъ и другомъ нарѣчіи), заставляющія предполагать, что послѣдній процессъ развивался особо въ той и другой вѣтви. Что касается процесса постепеннаго образованія бѣглыхъ гласныхъ, то онъ настолько древенъ, что *началомъ своимъ можетъ восходить* въ общеславянскую эпоху. Объ этомъ можно заключить изъ существованія бѣглыхъ гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, хотя *выработка самаго явленія происходила въ этихъ языкахъ особо*; на это указываетъ то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ бѣглые гласные представляютъ нѣкоторыя различія по качеству звука. Замѣтимъ еще, что возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ въ членной формѣ сущ. муж. р., напр. домотъ (изъ *домъ-тъ), служитъ доказательствомъ ранняго присоединенія члена къ существительнымъ: послѣдній могъ тѣсно примыкать къ существительнымъ еще въ ту

XI вѣка) въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ уже болѣе или менѣе сложилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ отчасти, совершилось и измѣненіе *'е→'о*.

IV. *Полногласіе.* Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію звуковаго явленія, называемаго въ русской грамматикѣ полногласіемъ, которое—какъ увидимъ—имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, нежели бѣглые гласные, и заключается въ томъ, что въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, первоначально состоявшихъ изъ гласнаго съ плавнымъ согласнымъ и находившихся въ положеніи между согласными, развивался послѣ плавнаго новый гласный, одинаковый съ гласнымъ, предшествовавшимъ плавному. Это явленіе, наблюдаемое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ, началомъ своимъ восходитъ въ общеславянскую эпоху, откуда первоначальное звуковое сочетаніе развивается въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ двоякимъ образомъ: въ русскомъ языкѣ развивается полногласіе, въ другихъ же славянскихъ языкахъ происходитъ перестановка звуковъ съ удлиненіемъ гласнаго или безъ удлиненія его. Такъ, напр., общеслав. *borda развилось въ русское б о р о д а и ст.-сл. брада, гдѣ а послѣ р произошло изъ удлиненнаго *о* (срв. далѣе рус. б е р е г ъ и ст.-сл. брѣгъ, рус. г о л о в а и ст.-слав. глава, рус. м о л о к о и ст.-слав. млѣко). [1])

древнюю пору, когда общеслав. ъ и ь только начинали преобразовываться въ бѣглые гласные. Кромѣ того, имѣемъ случаи бѣглаго *е* при присоединеніи мѣстоименной формы *-сь* въ частицахъ: стар. днесь (изъ *дьнь-сь) и соврем. простонар. ночёсь (какъ бы изъ *ночь-сь, хотя мѣстоименіе *сь имѣетъ въ В. ед. ж р. форму *сю*, при литер. *сію*; въ этомъ случаѣ могла дѣйствовать аналогія, срв. напр. прибавку *-сь* въ словахъ ср. р.—утрось, лѣтось; возможно, впрочемъ, видѣть въ данной прибавкѣ не падежную форму, а просто частичку прибавлявшуюся для указанія ближайшаго времени и мѣста).

[1]) Въ польскомъ языкѣ перестановка въ разсматриваемыхъ словахъ не

Въ русскомъ языкѣ рядомъ съ полногласными формами нерѣдко встрѣчаются похожія на старо-славянскія, напр. *середа* || *среда*, *голова* || *глава* и т. п., при чемъ параллельныя формы естественно объяснить вліяніемъ церковно-славянскаго языка. [1]) Въ этомъ убѣждаетъ не одинъ внѣшній видъ этихъ формъ, но и значеніе: полногласныя формы имѣютъ значеніе болѣе обыденное или болѣе конкретное, формы же, вошедшія въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго,—болѣе абстрактное или книжное и даже прямо церковное. [2]) Нѣкоторыя церковно-славянскія формы получили исключительное господство въ русскомъ литературномъ языкѣ, напр. врагъ вм. полногласной формы ворогъ, сладкій вм. солодкій и т. д., хотя еще въ XIV в. встрѣчаемъ въ письменности *ворога* и нѣк. др. слова, сохраняющіяся въ народныхъ говорахъ и доселѣ. Стихотворная поэзія XVIII в. оказала особенно радушный пріемъ формамъ неполногласнымъ или церковно-славянскимъ,

---

соединяется съ удлиненіемъ гласнаго, напр. broda, głowa. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскій языкъ представляетъ формы, подобныя польскимъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное сочетаніе VL стояло въ началѣ слова; здѣсь въ русскомъ языкѣ не оказывается ожидаемыхъ полногласныхъ формъ съ *оро* и т. п., но только съ *ро* и пр., напр. *ро*вный, польск. *r*ówny (К. **oru-*), *ло*коть, пол. łokieć (К. **olk-*).

[1]) Нужно замѣтить, что въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія съ *ре*, напр. среда, вредъ и т. д., пишется *е*, какъ и въ новомъ церковно-славянскомъ, тогда какъ въ старо-славянскомъ писалось ѣ. Замѣна этого послѣдняго начертанія посредствомъ *е* можетъ быть объяснена аналогіей къ написаніямъ черезъ *е* соотвѣтствующихъ русскихъ полногласныхъ формъ (т. е. середа, вередъ и т. д.).

[2]) Конечно, дифференціація (различеніе) по оттѣнку значенія словъ природныхъ и церковно-славянскихъ установилась въ литературномъ языкѣ не сразу, но послѣ ряда колебаній и смѣшеній; въ древнихъ русскихъ памятникахъ можно еще встрѣтить случаи смѣшаннаго (не-дифференцированнаго) употребленія ихъ; напр., въ Лавр. лѣтописи подъ 1037 г. читаемъ: «заложи Ярославъ *городъ* великыи. у негоже *града* суть *златая врата* .....и посемь церковь на *золотыхъ воротѣхъ*».

но въ слѣдующемъ вѣкѣ со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться формы полногласныя или чисто русскія.

До сихъ поръ передъ нами были тѣ случаи полногласія или перестановки, гдѣ въ основной (первоначальной) группѣ плавному предшествовали гласные *е* или *о*; теперь мы должны обратиться къ тѣмъ основнымъ группамъ, гдѣ плавному предшествовали ъ (ŭ) или ь (ĭ). Такъ какъ отраженія послѣднихъ группъ представляютъ нѣкоторую особенность по сравненію съ раньше разсмотрѣнными, то эта категорія отличается особымъ наименованіемъ „*втораго* полногласія", въ отличіе отъ „перваго", разсмотрѣннаго выше. Эта особенность заключается въ томъ, что вновь развившіеся въ русскомъ языкѣ послѣ плавнаго слабые ъ или ь затѣмъ исчезли, вызвавъ расширеніе первичныхъ ъ и ь, стоявшихъ передъ плавнымъ, въ *о* и *е* (т. е. какъ это мы видѣли при бѣглыхъ гласныхъ), такъ что въ этомъ случаѣ полногласіе какъ бы утеривалось; въ старо-славянскомъ языкѣ случаямъ втораго полногласія соотвѣтствуютъ „перестановочныя" написанія, но безъ удлиненія гласнаго. Такъ, напр., общеслав. *рьгъ отражается въ древне-русской письменности (XI—XII в) въ видѣ пьрьвъ, современ. первый (ст.-слав. прьвъ). На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что *сначала въ русскомъ языкѣ развилось полногласіе, а затѣмъ уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ.*

Разсматривая явленія полногласія и перестановки, не трудно замѣтить, что, благодаря имъ, первоначальные закрытые слоги, замыкавшіеся плавнымъ, превратились въ открытые (*bor | da→рус. боро | да, ст.-сл. бра | да, пол. bro | da; *рьг | vъ→др.-рус. пьрь | въ, ст.-сл. прь | въ). [1])

---

[1]) Такое же стремленіе къ превращенію закрытыхъ слоговъ въ открытые имѣло мѣсто при носовыхъ согласныхъ и нѣкоторыхъ чистыхъ (неносовыхъ). При этомъ носовые согласные, постепенно ослабляясь, перешли въ носовой назвукъ предшествующаго гласнаго; напр. *pen | tĭ→*pẽ | tь

Далѣе, нужно еще замѣтить, что полногласіе въ словахъ бываетъ или *постояннымъ* или же *перемѣннымъ* (временнымъ). Постояннымъ оно бываетъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ согласный, первоначально слѣдовавшій за плавнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. въ случаѣ перваго полногласія срв. „бород-а" (К. *bord-), въ случаѣ втораго полногласія срв. „вер*т*-ѣть" или др.-рус. вьрьт-ѣти (К. *vьrt-). Перемѣннымъ оно является въ тѣхъ словахъ, гдѣ корень кончался плавнымъ согласнымъ, а суффиксы, присоединявшіеся къ корню, начинались частію съ согласнаго звука, частію же съ гласнаго. Если за такимъ корнемъ слѣдовалъ суффиксъ, начинавшійся съ согласнаго, то развивалось полногласіе, напр. отъ К. *sol-*, когда далѣе слѣдовалъ суффиксальный согласный (*n*), русскій языкъ развилъ полногласное образованіе с*о л*онъ (ст.-сл. солнъ), когда же къ корню *sol-* присоединялся суффиксальный гласный (ь=ĭ), то плавный согласный уже переставалъ замыкать слогъ, такъ какъ въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. so | lь), а потому и не было повода къ развитію полногласія (ст.-сл. соль, рус. соль). Въ примѣръ перемѣннаго втораго полногласія можемъ взять корень **тьr-*; если за нимъ слѣдовалъ согласный (*t*), то развилось полногласіе (срв. др.-рус. съмь*р*ьть, соврем. см*е*рть), если же слѣдовалъ гласный, то полногласія не происходило (срв. др.-рус. мь*р*у, соврем. м*р*у). [1])

(ст.-сл. пать). *pon | tĭ → *pō | tь (ст. сл. пѫть), а затѣмъ въ большей части славянскихъ языковъ утратился и носовой назвукъ (напр. рус. пять, п*у*ть). Что касается другихъ согласныхъ, то они частію сохранялись, если могли легко присоединяться къ слѣдующему слогу (напр. нести), частію измѣнялись (напр. мести изъ мет-ти), или же, наконецъ, исчезали (напр. вянуть вм. *вя*д*нуть, срв. уви*д*ать).

[1]) Замѣтимъ, что носовые гласные тоже бываютъ постоянными и перемѣнными. Постоянными они бываютъ въ томъ случаѣ, когда согласный,

Примѣчаніе. Мы указывали, что полногласіе развивалось въ положеніи передъ «согласными»; но здѣсь нужно сдѣлать одну оговорку, а именно, что согласный j не вызывалъ развитія полногласія, такъ какъ успѣлъ уже слиться съ предъидущими плавными согласными въ одинъ мягкій плавный согласный, который въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ, напр. бо*рю*, гдѣ р' получилось изъ *rj.

V. *Подъемъ.* Подъемомъ въ фонетикѣ русскаго языка называется нѣкоторое чередованіе корневыхъ гласныхъ, встрѣчающееся при словопроизводствѣ, особенно въ глаголахъ, и соединенное съ измѣненіемъ оттѣнка значенія, напр. н*е*сти || н*о*сить || н*а́*шивать. Терминъ „подъемъ", иначе—„усиленіе", теперь можетъ считаться уже устарѣвшимъ, благодаря освѣщенію даннаго вопроса съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, которая показала, что здѣсь имѣются обычныя чередованія гласныхъ безъ какого-либо особаго ихъ усиленія. Кромѣ того, она разъяснила, что эти чередованія сложились въ разныя эпохи, а потому ихъ и слѣдуетъ подраздѣлить соотвѣтственно ихъ возрасту; такъ, одни изъ нихъ восходятъ къ отдаленнымъ временамъ праязыка аріо-европейскаго, другія образовались въ эпоху славянскаго праязыка, а самый новый слой сложился на почвѣ русскаго языка. Подъемныя чередо-

---

первоначально слѣдовавшій за носовымъ согласнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. ПѢТЬ (рус. пять), ПѢТЬ (рус. путь). Но если корень оканчивался носовымъ согласнымъ, а присоединявшіеся къ корню суффиксы начинались частію съ согласнаго, частію же съ гласнаго звука, то въ первомъ случаѣ развивался носовой гласный (напр. отъ корня čьn происходитъ неопр. накл. ст.-слав. НАЧАТИ, рус. начать), во второмъ же случаѣ носовой согласный въ слоговомъ отношеніи соединялся съ слѣдующимъ гласнымъ и потому сохранялся (напр. отъ того же корня происходитъ наст. вр. НАЧЬНѢ, рус. начну). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что отмѣчаемое нерѣдко мудренымъ названіемъ явленіе «разложеніе юсовъ» есть не болѣе, какъ ученая фикція, уже отошедшая въ область преданія; въ дѣйствительности тутъ не разложеніе, но разное развитіе одного и того же первоначальнаго сочетанія въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе согласный, или же гласный.

ванія аріо-европейскаго происхожденія мы разсмотримъ въ слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ сравнительно-грамматическимъ разъясненіямъ русскаго вокализма. Что же касается такъ называемаго „славянскаго“ подъема, то онъ представляетъ чередованіе корневыхъ краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими въ связи съ „видовымъ“ различіемъ значенія при производствѣ глаголовъ на *-áть*, *-áю* отъ простыхъ глаголовъ; это чередованіе, уже значительно стершееся въ русскомъ языкѣ, въ большей полнотѣ является въ языкѣ старо-славянскомъ, напр. мѣсти<вымѣтати, могѫ<помагати, чьтѫ<читати, зъвати<възывати; здѣсь мы видимъ чередованіе краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими: є || ѣ, о || а, ь || и, ъ || ы; то, что первоначально є, о, ь, ъ были краткими гласными, а ѣ, а, и, ы—долгими, доказывается въ сравнительной грамматикѣ. [1]) Въ русскомъ языкѣ удержались главнымъ образомъ два послѣднія чередованія, т. е. такія, какъ чѧту<почитаю, зѧвать<призывать; что же касается первыхъ двухъ, то по отношенію къ нимъ мы уже встрѣчаемъ отступленія: такъ, напр., видимъ глаголъ „помогать“ (съ гласнымъ *о*, а не *а*), а въ такихъ случаяхъ, какъ „заметать“, пишется *е*, а не *ь*. Но если „славянскій“ подъемъ значительно стушевался въ русскомъ языкѣ, то за то въ послѣднемъ широко развился новый „русскій“ слой подъема при производствѣ глаголовъ на *-ывать* и *-ивать* съ удареніемъ на корневомъ слогѣ, напр.: носи́ть<принáшивать, метáть<перемётывать, читáть<перечитывать и пр. Такимъ образомъ, если „славянскій“ подъемъ основывается на отношеніи долготы и краткости гласныхъ, то „русскій“ подъемъ—на удареніи.[2])

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя аналогичныя подъемныя отношенія наблюдаются въ литовскомъ, напр. bristi «брести» || brýdoti (гдѣ y=i) «бродить».

[2]) См. еще сказанное раньше на стр. 42.

VI. *Сравнительно-грамматическія разъясненія русскаго вокализма.* Грамматическія явленія каждаго языка прежде всего должны быть изучены въ немъ самомъ; но такъ какъ это изученіе не всегда даетъ полное разъясненіе явленій, то приходится дополнять его сравненіемъ съ родственными языками и ихъ праязыкомъ, который возсоздается черезъ сравненіе отдѣльныхъ вѣтвей даннаго языковаго семейства. Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ этимъ путемъ уже значительно разъяснила звуковое состояніе аріо-европейскаго праязыка. Это состояніе мы и постараемся изложить въ настоящемъ параграфѣ, поскольку оно касается вокализма, такъ какъ именно чередованія гласныхъ звуковъ русскаго языка особенно нуждаются въ сравнительно-грамматическомъ освѣщеніи.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали простые гласные (краткіе и долгіе) и дифтонги [1]). *Краткіе* гласные аріо-европейскаго праязыка могутъ быть подраздѣлены на средне-широкіе *ĕ, *ŏ, *ă и узкіе *ĭ и *ŭ. Изъ приведенныхъ краткихъ гласныхъ звуки *ĕ и *ŏ связаны между собою въ грамматическое чередованіе, какъ это и обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. рус. б*е*ру || сб*о*ръ, греч. *φέρω* || *φόρος* и т. п., [2]) третій же гласный *ă стоялъ совершенно особо отъ этого чередованія и отраженіемъ его служитъ въ греч. и лат. ă, въ русскомъ—*о*, напр.:

---

[1]) Дифтонгомъ называется такое сочетаніе двухъ гласныхъ—болѣе открытаго съ узкимъ (т. е. съ *i* или *u*), которое произносится слитно въ одинъ слогъ, при чемъ узкій гласный, лишенный слоговой самостоятельности, присоединяется къ болѣе широкому, напр. нѣм. *Haus* и т. п.

[2]) Въ этомъ случаѣ *ŏ развилось въ аріо-европейскомъ праязыкѣ изъ *ĕ; а такъ какъ тогда передъ палатальными гласными согласные еще не смягчались, то и передъ *ŏ, развившимся изъ *ĕ, согласный не смягченъ. Этимъ древнее *о* изъ *е* отличается отъ *о*, развившагося изъ *е* на русской почвѣ и имѣющаго передъ собою смягченный согласный; напр. въ словѣ «возъ» имѣется древнее *о*, а въ словѣ «вёзъ» (в'ôс)—позднѣйшее, русское.

рус. соль≠греч. ἅλς≠лат. sal, или рус. борода≠лат. barba и т. д. Въ чередованіи * ĕ || * ŏ очень важно обратить вниманіе на морфологическую сторону, т. е. на тѣ морфологическія категоріи, въ которыхъ встрѣчается тотъ и другой гласный. Мы не будемъ перебирать всѣхъ категорій, укажемъ лишь на самыя типичныя: какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, гласный *ĕ свойственъ категоріи настоящаго времени корневыхъ или непроизводныхъ глаголовъ. а гласный *ŏ является въ родственныхъ существительныхъ муж. р. (срв. еще везу || возъ, теку || потокъ, стерегу || сторожъ и др.; лат. prĕcor || prŏcus, греч. λέγω || λόγος и т. п.), [1]) а также въ глаголахъ, происходящихъ отъ этихъ существительныхъ, напр. возъ<возить, греч. φόρος>φορέω и т. п.; при этомъ замѣтимъ, что корни съ *ĕ называютъ первымъ полнымъ видомъ, а соотвѣтствующіе корни съ *ŏ—вторымъ полнымъ видомъ, чтобы отличить отъ сокращеннаго вида корней, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.[2]) Настоящему времени корневыхъ глаголовъ совершенно не свойственъ гласный * ŏ;

---

[1]) Мы ограничиваемся приведеніемъ изъ родственныхъ языковъ лишь греческихъ и латинскихъ примѣровъ, такъ какъ въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ чередованіе *ĕ || *ŏ успѣло уже такъ или иначе видоизмѣниться.

[2]) Въ случаяхъ чередованія въ началѣ слова je- (орѳ. е) || о-, напр. елень || олень, слѣдуетъ видѣть въ первомъ случаѣ отраженіе ае. *ё, а во второмъ—ае. *о. Здѣсь надо добавить, что передъ начальнымъ *ё- на общеславянской почвѣ развивался j изъ экскурсіи этого гласнаго (при удареніи же и слѣдовавшемъ далѣе твердомъ согласномъ слогъ je- на почвѣ русскаго языка по общему правилу измѣнился въ jo-). Другіе примѣры: езеро || озеро; єдинъ || одинъ; ежевика (ежевая трава), млр. jeжина (польск. jeżyna) || зап.-рус. ожевина, млр. ожина (польск. ożyna); ёлха || ольха; и др. Подобнымъ же образомъ объясняются такія чередованія въ говорахъ русскаго языка, какъ непелъ || попелъ (орл., кал.), ребенокъ || робенокъ, лебеда || лобода и пр. Всѣ эти чередованія по происхожденію того же рода, какъ въ литературномъ языкѣ напр. въ формахъ: себя || собою и т. п., только въ нихъ путемъ аналогіи черезъ все словоизмѣненіе проведенъ или тотъ, или же другой гласный.

если же, тѣмъ не менѣе, въ корнѣ нѣкоторыхъ непроизводныхъ глаголовъ русскаго языка и другихъ славянскихъ встрѣчается гласный *о*, напр. *о*рю, п*о*ю и др., то это объясняется тѣмъ, что гласный *о* этихъ глаголовъ восходитъ не къ аріо-европ. *ŏ, но къ ае. *ă, какъ это видно изъ другихъ родственныхъ языковъ, напр. *о*рю = греч. *ἀρόω* = лат. *ăro*.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовало и исконное *ŏ (не изъ *ĕ, а потому и не чередующееся съ ĕ), и для отличія оно нѣкоторыми лингвистами обозначается посредствомъ особаго символа * ǫ; отраженіе такого * ǫ можно видѣть въ словѣ в*о*с*е*мь = греч. *ὀκτώ* = лат. *octo*. [1])

Переходя къ *дифтонгамъ* аріо-европейскаго праязыка, сначала замѣтимъ, что въ составъ ихъ могли входить разсмотрѣнные нами средне-широкіе краткіе гласные въ качествѣ перваго компонента (составной части), вторымъ же компонентомъ служили краткіе узкіе гласные *i* и *u* (такимъ об-

---

[1]) Нужно указать еще одинъ звукъ праязыка, давшій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ гласный *о*, напр. *стою*, срв. греч. στᾰτός = лат. *stătus* = санскр. *sthitás*; эти случаи отдѣляютъ отъ праязыковаго *ă, такъ какъ въ нихъ греческому и латинскому ă соотвѣтствуетъ въ санскритѣ не ă, но *i*, и возводятъ къ праязыковому краткому слабому гласному, обозначаемому обыкновенно посредствомъ символа *ə; обычно праязыковое * ə чередовалось съ долгимъ гласнымъ (срв. греч. дорич. ἵστᾱμι ‖ στᾰτός, рус. *стать* ‖ *стою*), почему и разсматривается какъ ослабленіе долгаго гласнаго. Такимъ образомъ, русско-славянское *о* можетъ быть четвероякаго происхожденія: 1) *ǫ, 2) *ŏ, 3) *ă, 4) *ə. Къ этому присоединились на почвѣ русскаго языка новые случаи *о* при развитіи перваго полногласія, напр. борода, далѣе—изъ ъ (ŭ), напр. *лобъ*, и, наконецъ, *'о* изъ *'е* (ст.-сл. є, ѣ), напр. *вёзъ*, *лёнъ*. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ разновременной конвергенціи или совпаденія цѣлаго ряда первоначально разныхъ звуковъ въ одинаковомъ звукѣ *о*. Надо также указать случаи появленія *о* по аналогіи, напр. *огонь*. Въ позднѣйшую пору жизни русскаго языка гласный *о*, какого бы онъ ни былъ происхожденія, въ свою очередь развѣтвляется, какъ мы видѣли, на разные гласные, въ зависимости отъ того или другаго положенія относительно ударенія; такимъ образомъ, къ конвергенціи присоединился процессъ дивергенціи.

разомъ въ праязыкѣ имѣлись дифтонги—*ĕi, ŏi, *ăi, *ĕu, *ŏu, *ău).

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, эти древніе дифтонги не сохранились, измѣнившись при однихъ условіяхъ (въ положеніи передъ гласными) въ гласный съ согласнымъ, при другихъ же условіяхъ (въ положеніи передъ согласными)—въ простые гласные. Въ первомъ случаѣ (*передъ гласными*) дифтонгъ распадался такимъ образомъ, что второй его компонентъ измѣнялся въ соотвѣтствующій согласный (ĭ→j, ŭ→v) [1]) и послѣдній въ слоговомъ отношеніи отдѣлялся къ слѣдующему гласному, напр. въ корнѣ глагола по|j-ý мы имѣемъ отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi, а въ корнѣ глагола ко|в-áть—отраженіе *ău; во второмъ случаѣ (*передъ согласными*) такого разъединенія компонентовъ дифтонга не происходило, но оба они измѣнились въ одинъ простой гласный (ае. *ăi→ѣ, ае. *ău→у), срв. отъ тѣхъ же корней слова: пѣ-ть, ку-знецъ. Что касается морфологической стороны въ употребленіи дифтонговъ, то она одинакова съ средне-широкими гласными въ ихъ самостоятельномъ употребленіи. Отсюда слѣдуетъ, что дифтонговъ, содержащихъ *ŏ, т. е. *ŏi и *ŏu, мы не встрѣтимъ въ настоящемъ времени непроизводныхъ глаголовъ, а въ такихъ глаголахъ, какъ пою, нужно видѣть отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi (срв. греч. παιάν „пѣснь“), въ случаѣ же кую || ковать корень въ своемъ вокализмѣ отражаетъ праязыковой дифтонгъ *ău (срв. греч. καύσω). Эти дифтонги, какъ и простое *ă, не знаютъ чередованій перваго и втораго полнаго вида. Кромѣ дифтонговъ *ăi и *ău, въ настоящемъ времени корневыхъ глаголовъ мы можемъ встрѣтить дифтонги *ĕi и *ĕu, напр. вижу

---

[1]) Въ приведенной формулѣ латинское начертаніе ĭ соотвѣтствуетъ русскому ў, лат. v =рус. в; необходимо помнить также, что начертаніемъ j обозначается согласный й.

(*и* восходитъ къ *ĕi, срв. греч. *εἴδομαι*), блюдешь (*ю* восходит къ *ĕu, срв. греч. *πεύθομαι*, при чемъ обще-славянскій корен *beud* сначала измѣнился въ *bjud*, а затѣмъ начальное *bj* да ло бл'); этимъ дифтонгамъ въ соотвѣтствующихъ глаголах отъименныхъ (т. е. подобныхъ глаголу „возить") отвѣчают дифтонги, свойственные второму полному виду, т. е. *ŏi *ŏu, напр. вѣдать, гдѣ *ѣ* отражаетъ *ŏi (срв. греч. *οἶδα* будить, гдѣ *у* отражаетъ *ŏu. Такимъ образомъ, сравнительна грамматика устанавливаетъ соотвѣтствіе по корневому гласн му между словами съ первымъ и вторымъ полнымъ видом корня, русскіе примѣры которыхъ мы и приведемъ:

Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 1-го полн. вида.	Слова съ первымъ полнымъ видомъ корня.	Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 2-го полн. вида.	Соотвѣтствующія слова со вторымъ полнымъ видомъ корня.
*ĕ	в*е*зти	*ŏ	в*о*зить
	м*е*тнуть		м*о*стъ
	м*е*лю		размолъ
	ч*е*сать		к*о*са
	щ*е*мить		оск*о*мина
*ĕr	в*е*ретено	*ŏr	в*о*ротъ
*ĕn	см*я*теніе (*я*=ст.-сл. ѧ изъ *ĕn).	*ŏn	см*у*щеніе (*у*=ст.-сл. ѫ из *ŏn)
*ĕi	в*и*дѣть	*ŏi	в*ѣ*дать
	т*и*хій		т*ѣ*шить
	в*и*ть		в*ѣ*твь
	поч*и*ть		пок*о*й
	п*и*ть		зап*о*й (примѣр распад. дифтон.
*ĕu	бл*ю*сти	*ŏu	б*у*дить

Мы говорили, что если корень содержитъ *ĕ, то въ такомъ случаѣ его называютъ *первымъ* полнымъ видомъ, а если содержитъ *ŏ, то—*вторымъ* полнымъ видомъ. Кромѣ этого можетъ быть еще *сокращенный* видъ корня, развившійся въ праязыкѣ изъ перваго полнаго вида въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ путемъ ослабленія *ĕ, напр. К. *mᵉn*: мѧ́ню, ст.-сл. мьнѭ (срв. греч. *μιμνήσκω*), К. *mᵉr*: мѧ́ру, ст.-сл. мьрѫ. Приведенныя ослабленія корней *mĕn и *mĕr имѣютъ мѣсто въ положеніи передъ гласными и j, въ положеніи же предъ согласными развивались или носовой гласный (напр. въ словѣ п а м *я* т ь=ст.-сл. памѧть, литов. atm*in*tìs), или же такъ называемое второе полногласіе (напр. въ словѣ с м *е р* т ь, др.-рус. съм*ьр*ть=ст.-сл. съмрьть). Такимъ образомъ, второе полногласіе съ точки зрѣнія сравнительно-грамматической представляетъ собою слабый или сокращенный видъ корней, первое же полногласіе соотвѣтствуетъ полному виду корня, при чемъ полногласіе съ *е* соотвѣтствуетъ первому полному виду корня (напр. ст*е*регу), а полногласіе съ *о*—второму полному виду корня (напр. ст*о*рожъ), если только такое *о* не восходитъ къ ае. *ă (напр. б*о*рода); вполнѣ естественно, что послѣднее *о* уже не будетъ чередоваться съ *е*.

Въ дифтонгахъ въ сокращенномъ видѣ, съ потерею перваго компонента, остается одинъ второй, т. е. *ĭ или *ŭ (=ст.-сл. ь и ъ), напр. ч*е*сть (ст.-сл. чьсть), б*е*дѣть (ст.-сл. бъдѣти).

Что касается первоначальныхъ *долгихъ* средне-широкихъ гласныхъ, то примѣромъ ихъ могутъ служить: 1) *ē, напр. о-д*е*ть (срв. греч. *τί-θη-μι*), 2) *ā, напр. ст*а*ть (полный видъ корня, греч. *ἵ-στη-μι*) || ст*о*ю (сокращ. видъ корня, срв. греч. *στᾱτός*); 3) *ō, напр. д*а*ть (срв. греч. *δί-δω-μι*). Долгимъ *ī и *ū соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ первому гласному —*и* (напр. гр*и*ва), а второму—*ы* (напр. т*ы*).

Сдѣлавъ сравнительно-грамматическій очеркъ русскаго

вокализма, я долженъ сказать, что въ виду сложности предмета я имѣлъ возможность лишь слегка коснуться происхожденія русско-славянскихъ гласныхъ изъ аріо-европейскихъ, полное же знакомство съ этими вопросами получается изъ сравнительной грамматики, къ которой и долженъ обратиться любознательный читатель.

Примѣчаніе. Такъ какъ каждый изъ русскихъ орѳографическихъ гласныхъ можетъ происходить изъ разныхъ гласныхъ аріо-европейскаго праязыка, то будетъ не лишне показать по крайней мѣрѣ главнѣйшіе ихъ звуки-источники въ аріо-европейскомъ праязыкѣ:

1) *А(Я)*=ст.-сл. ѧ (ꙗ) можетъ восходить къ ае. *ā (напр. *стать*, ры*ба*), *ē (напр. *часы*; ае. *ē послѣ шипящихъ измѣнилось въ славянской вѣтви въ *а*); *Я (А)*=ст.-сл. ѧ можетъ восходить къ *ĕN (напр. *пять*, срв. литов. *penki*, греч. πέντε) и къ *ᵃN (напр. *память*, срв. литов. atmintis).

2) *О* (см. выше стр. 76, сноска).

3) *Е*=ст.-сл. є обычно восходитъ къ ае. *ĕ (напр. *везу*), а кромѣ того оно можетъ быть чисто русскимъ гласнымъ въ такъ наз. первомъ полногласіи (*берегу*); *Е*=ст.-сл. ь можетъ восходить къ ае. *ĭ (т. е. бѣглое *е*, напр. *день*), къ ае. *ᵉ представляющему собою ослабленіе *ĕ, напр. въ случаѣ т. наз. втораго полногласія (срв. *вертѣть*, *смерть*).

4) *Ѣ*= ае. *ē (*дѣлать*), *ōi (*цѣна*), *āi (*лѣвый*).

5) *У*= ае. *ōu (*будить*), *ōN (*путь*, *везутъ*).

6) *Ю*=ае. *ĕu (*блюсти*), *ōu (*колютъ*, т. е. въ мягкомъ типѣ спряженія).

7) *И*=ае. *ēi (*видѣть*), *ī (грива, скт. grīvā), а также является въ случаяхъ славянскаго подъема въ видѣ чередованія ĭ ‖ ī (*льнуть* ‖ *прилипать*).

8) *Ы*=ае. *ū (напр. *ты*, срв. лат. tū), а также въ славянскомъ подъемѣ въ видѣ чередованія ŭ ‖ ū (*спать* ‖ *засыпать*).

Глава V.

Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Явленія въ области согласныхъ мы можемъ прежде всего раздѣлить на *физіологическія* измѣненія и *акустическія* замѣны. Разсматривая первыя, необходимо имѣть въ виду, что они имѣютъ мѣсто не при всякомъ сочетаніи звуковъ: въ однихъ сочетаніяхъ согласные болѣе устойчивы, въ другихъ же менѣе устойчивы. Изучая физіологическія измѣненія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ, мы разсмотримъ сначала измѣненія согласныхъ въ сочетаніи съ гласными звуками, а затѣмъ измѣненія въ сочетаніи съ другими согласными.

I. Физіологическія измѣненія.

А. *Сочетанія согласныхъ съ гласными.* Согласные въ сочетаніи съ орѳографическими гласными *А*, *О*, *У*, *Ы* не измѣняются, а потому мы обратимся къ разсмотрѣнію измѣненій согласныхъ въ сочетаніи съ гласными, обозначаемыми въ орѳографіи черезъ *Е*, *Ѣ*, *И* (*І*). Въ сочетаніи съ послѣдними согласные представляютъ измѣненія, называемыя *смягченіемъ* и зависящія отъ того, что означенные гласные произносятся при приближеніи къ небу средней части язы-

ка; [1]) эта артикуляція, сообщаясь предшествующему согласному, вызывала мягкое его произношеніе. Разсмотримъ измѣненія разныхъ согласныхъ въ сочетаніи со смягчающими гласными: согласные *губные* и *передне-язычные* смягчаются въ соотвѣтствующіе мягкіе, срв. труба́ || труб'а̂ (трубѣ), ва̂да́ || ва̂д'а̂ (водѣ); согласные *задне-язычные* въ сочетаніи со смягчающими гласными измѣнились въ согласные шипящіе, срв. пра̂ро́*к* || пра̂ро́*ч*ьт' (пророчить), мно́*г*а̂ || мно́*ж*ът' (множить), стра́*х* || стра*ш*ы́т' (страшить). Измѣненіе к→ч, г→ж, х→ш произошло такимъ образомъ, что согласные *к*, *г* и *х* сначала смягчились въ *к'*, *г'* и *х'*, а затѣмъ эти послѣдніе постепенно переродились въ мягкіе *ч*, *ж* и *ш*. Такимъ образомъ, согласные губные и передне-язычные въ своемъ смягченіи прошли только одну фазу (напр. п....п', т....т'), согласные задне-язычные прошли двѣ фазы (напр. к....к' .....ч). Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ и потому развитіе этого смягченія можно отнести ко временамъ славянскаго праязыка, смягченіе же согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, наблюдаемое лишь въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ языковъ, слѣдуетъ считать развившимся уже при обособленіи послѣднихъ. И такъ, *смягченіе передъ палятальными гласными задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе древнѣе смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе.* [2]) Задне-язычные согласные кромѣ смягченія въ шипящіе знаютъ еще смягченіе въ свистящіе

---

[1]) Нёбо по-латыни palatum, почему эти гласные нерѣдко называются палятальными или небными, хотя правильнѣе называть по дѣйствующему органу—средне-язычными.

[2]) Къ разсматриваемой группѣ относятся также случаи смягченія со гласныхъ передъ орѳограф. *Я* (послѣ шипящихъ—*А*) = ст.-сл. **А** (напр. пять=ст.-сл. **ПАТЬ**, начать=ст.-сл. **НАЧАТИ**), такъ какъ сначала здѣсь былъ

(к→ц, г→з, х→с). Это смягченіе обычно встрѣчается передъ *ѣ* позднѣйшаго происхожденія (т. е. передъ *ѣ* изъ дифтонговъ ае. *ŏi и *ăi), напр. въ словѣ *цѣна* (срв. литов. kaina, греч. *ποινή*); [1]) такое смягченіе наблюдается въ церковно-славянскомъ языкѣ въ Дат. и Предл. ед. основъ на задне-язычный согласный (напр. рѫцѣ, носѣ, доусѣ и т. п.), а также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, но въ великорусскомъ оно замѣнилось соотвѣтствующимъ согласнымъ задне-язычнымъ по аналогіи къ другимъ падежамъ (срв. ру*к*ѣ, но*г*ѣ, ду*х*ѣ). *Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе* (*ц*ѣна и пр.) *принадлежитъ болѣе поздней* (хотя тоже общеславянской) *эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ шипящіе*, въ зависимости отъ того, что *ѣ* въ этомъ случаѣ образовалось изъ дифтонга сравнительно поздно, *но это смягченіе все-таки древнѣе разсмотрѣннаго выше смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ*. Наконецъ, нужно указать уже сравнительно *новый слой* современныхъ мягкихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ слогахъ *ки*, *ги*, *хи* изъ древнихъ слоговъ *кы*, *гы*, *хы*, напр. *ги*бель (ст.-сл. гыкѣль), Род. ед. ру*ки* (ст.-сл. рѫкы) и т. п. Только съ появленіемъ этого слоя мягкихъ *к*, *г*, *х* стало возможнымъ распространеніе ихъ по аналогіи взамѣнъ смягченія въ шипящіе и свистящіе (ру*к*ѣ, народн. пе*к*ешь). Стало быть, указанные случаи аналогіи относятся къ еще болѣе новой порѣ, что̀ подтверждается тѣмъ фактомъ, что они свойственны только области великорусскаго нарѣчія. Новый слой мягкихъ *к'* и *г'* въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ уже

смягчающій гласный *е* съ носовымъ назвукомъ; сюда же принадлежатъ случаи смягченія согласныхъ передъ гласнымъ *ь* (ĭ) впослѣдствіи исчезнувшимъ (напр. т'ма=оро. *тьма*, ло̀ш=оро. *ложь*, гдѣ *ж* изъ *г*, срв. лгать).

[1]) Въ русскомъ языкѣ подобно юго-славянскимъ языкамъ разсматриваемое смягченіе наблюдается еще въ томъ случаѣ, когда задне-язычный согласный былъ отдѣленъ отъ *ѣ* согласнымъ *в*: цвѣтъ, звѣзда (срв. польск. *k*wiat, *g*wiazda).

подвергается въ отдѣльныхъ словахъ дальнѣйшему измѣненію, именно замѣнѣ черезъ *т'* и *д'* (напр. *т*исть вм. *к*исть, ан*д*елъ вм. ан*г*елъ), см. ниже стр. 92.

Б. *Сочетанія согласныхъ съ согласными.* При сочетаніи согласныхъ съ согласными наблюдаются разнообразные случаи аккоммодаціи [1]), сводящіеся главнымъ образомъ къ *ассимиляціи* или *уподобленію* и частію къ *диссимиляціи* или *расподобленію.* Мы должны напомнить, что разныя комбинаціи согласныхъ неодинаково удобосочетаемы, вслѣдствіе чего однѣ изъ нихъ, болѣе *удобосочетаемыя*, являются болѣе устойчивыми противъ измѣненій, другія же, будучи *неудобосочетаемы*, измѣняются въ направленіи удобства или облегченія, какъ бы согласно началу экономическому (срв. *к* въ сочетаніи съ *в* сохраняется глухимъ, напр. въ выраженіи „къ вамъ", тогда какъ передъ *д* измѣнилось уже въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *г*, напр. въ выраженіи „къ дому"). Въ аріо-европейскихъ языкахъ направленіе при ассимиляціи согласныхъ обычно бываетъ *регрессивное* (идущее назадъ), т. е. слѣдующій звукъ оказываетъ вліяніе тѣмъ или другимъ своимъ свойствомъ или свойствами на предшествующій звукъ, напр. *ф*том (=орѳ. въ томъ), ла*н*но вм. ладно (въ части сѣв. великорусскихъ говоровъ) и т. п. Кромѣ указанныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствіе ассимиляціи происходитъ между непосредственно соприкасающимися звуками, есть еще случаи ассимилирующаго дѣйствія одного согласнаго на другой на разстояніи, т. е. когда согласные принадлежатъ двумъ разнымъ слогамъ и раздѣлены гласнымъ, напр. срв. вульгарное произношеніе „*ш*ашинька" (гдѣ *ш* вм. с) и т. п. [2])

---

[1]) Подъ *аккоммодаціею* звуковъ понимаются измѣненія звуковъ въ направленіи *удобства* произношенія; терминъ происходитъ отъ латинскаго слова *commodus* «удобный».

[2]) Сюда же относится и произношеніе «чучье» (чутьё), отмѣченное Тургеневымъ у охотника Ермолая (Сочин., т. II, стр. 415, изд. 1883).

Разнообразныя явленія аккоммодаціи согласныхъ мы разсмотримъ въ той послѣдовательности, въ которой мы обозрѣвали, при изложеніи физіологіи рѣчи, отдѣльныя части говорильнаго аппарата.

1) *Дыхательный аппаратъ.* Наблюденій надъ аккоммодаціею согласныхъ по дѣятельности дыхательнаго аппарата почти еще нѣтъ; можно только сказать, что различія силы выдыханія при ударенности и неударенности свойственны не только гласнымъ звукамъ, но также и согласнымъ, при чемъ— какъ уже упоминалось—въ связи съ измѣненіемъ силы выдыханія измѣняется и напряженность дѣйствія органовъ произношенія.

2) *Гортань.* Какъ мы знаемъ, въ зависимости отъ разнаго дѣйствія гортани согласные распадаются на звонкіе и глухіе. Вполнѣ естественно, что сочетанія глухихъ согласныхъ съ глухими (напр. о*тт*уда) и звонкихъ съ звонкими (напр. о*бд*ѣлать), какъ вполнѣ удобосочетаемыя, измѣненію по дѣйствію гортани не подлежатъ. Если же приходитъ въ соприкосновеніе глухой согласный съ слѣдующимъ звонкимъ, но не-плавнымъ, не-носовымъ, также не *в* и не *j*, то происходитъ уподобленіе, напр. въ выраженіи „*сз д*омъ“ глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *д* измѣнился въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *з*; въ случаяхъ же „*с*вой“, „съёмка“ (=*сj*ёмкă), „*сл*абый“, „*сз н*ами“, т. е. въ положеніяхъ передъ *в*, *j*, плавнымъ или носовымъ согласнымъ, глухой согласный не измѣнился въ звонкій, такъ какъ такія сочетанія глухаго согласнаго съ звонкимъ удобопроизносимы и безъ ассимиляціи. Что касается обратнаго случая, когда звонкій согласный приходитъ въ соприкосновеніе съ слѣдующимъ глухимъ, то всѣ звонкіе согласные, для которыхъ имѣются парные глухіе, измѣняются въ глухіе, напр. ба*б*ка, ла*в*ка и т. п. произносятся ба*п*кă, ла*ф*кă; непарные согласные, т. е. плавные, носовые и *j*, передъ слѣдующими глухими согласными естественно со-

храняются звонкими (напр. ка*рта*, ле*нта*, по*йти*, ла*йка*), хотя иногда болѣе или менѣе заглушаются въ особенно благопріятствующихъ для того условіяхъ (напр. надсмот*рщикъ*). Здѣсь же упомянемъ о замѣнѣ звонкихъ согласныхъ (опять за исключеніемъ плавныхъ, носовыхъ и j) глухими въ концѣ слова; напр. слова—да*въ*, са*дъ* и пр. произносятся да́*ф*, са́*т* и т. д.; въ словахъ же—да*ръ*, да*лъ*, да*мъ*, да*нъ*, да*й* конечные согласные сохраняютъ свою звонкость; впрочемъ конечные плавные и носовые, предшествуемые глухимъ согласнымъ и особенно двумя глухими (срв. драх*мъ*, магист*ръ*), могутъ быть болѣе или менѣе заглушены. Этимъ объясняютъ дальнѣйшее исчезновеніе конечнаго приглушеннаго *-л* въ прош. времени глаголовъ въ положеніи послѣ орѳографическихъ *б*, *к*, *г*, *х*, *с*, *з* и *р* (гре*бъ* вм. греблъ, сов. ж. р. гребла; те*къ*, мо*гъ*, опу*хъ*, не*съ*, ве*зъ*, те*ръ*) и въ сущ. ру*бль*, нерѣдко произносимомъ какъ ру́п'.

3) *Мягкое небо.* Въ отношеніи мягкаго неба русскій языкъ почти не представляетъ явленій аккоммодаціи согласныхъ, такъ какъ чистые (не-носовые) согласные сохраняются передъ слѣдующими носовыми (напр. надо*бно*, стра*шно*) и наоборотъ (напр. ле*нта*), хотя нѣкоторые случаи аккоммодаціи наблюдаются въ народныхъ говорахъ (напр. ла*нно*). Своеобразный случай аккоммодаціи представляетъ развитіе вторичнаго *д* между носовымъ согласнымъ *н* и дрожащимъ *р* въ народн. произношеніи н*д*равъ вм. нравъ. Постараемся разъяснить физіологически этотъ случай При переходѣ отъ *н* къ слѣдующему *р* сходная работа гортани (оба они звонкіе) сохраняется, смѣниться же должны артикуляція мягкаго неба (такъ какъ при *н* мягкое небо опущено, а при *р* поднято) и еще передней части языка (хотя оба звука требуютъ дѣйствія передней части языка, но при произношеніи *н* оно совершается относительно верхнихъ зубовъ и по способу имѣетъ характеръ замкнуто-взрывной, тогда какъ *р* согласный по мѣсту артикуляціи альвеолярный, а по способу произношенія дрожащій). Не трудно видѣть, что смѣна уло-

женія мягкаго неба болѣе проста и легка, нежели смѣна въ уложеніи языка, вслѣдствіе чего перемѣна въ уложеніи мягкаго неба легко можетъ наступать раньше, нежели начнется перемѣна положенія языка и въ этотъ моментъ звукъ утратитъ свой носовой характеръ, вслѣдствіе чего должно послышаться *д*; отъ этого послѣдняго согласнаго, при которомъ, какъ не-носовомъ, прижатіе органа произношенія болѣе сильно, переходъ къ произношенію *р* уже легокъ, такъ какъ теперь движеніе исходитъ какъ бы отъ болѣе твердой точки опоры; здѣсь мы видимъ, что и зарожденіе новаго звука вызывается условіями удобства произношенія, при чемъ самая аккоммодація является сложною, такъ какъ касается взаимнаго приспособленія работъ *мягкаго неба+органа произношенія*.

4) *Органы произношенія*:

а) *мѣсто артикуляціи*. Въ общемъ, согласные звуки въ русскомъ языкѣ являются устойчивыми относительно мѣста артикуляціи, вслѣдствіе чего ассимиляція въ разсматриваемомъ отношеніи встрѣчается лишь въ узкихъ предѣлахъ. Здѣсь отмѣтимъ прежде всего случаи ассимиляціи при соприкосновеніи передне-язычныхъ согласныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ (напр. вм. „*съ шапкой*“ говорится шша́пкъj) и затѣмъ при соприкосновеніи согласныхъ твердыхъ, т. е. произносимыхъ безъ участія средней части языка, съ мягкими, произносимыми съ участіемъ средней части языка (напр. „*свѣтъ*“ произносится *с*'в'ѐт). Если въ словѣ „*послѣ*“ *с* произносится мягко передъ мягкимъ *л*, а въ выраженіи „*несъ-ли*“ при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ произносится твердо, то эта разница объясняется тѣмъ, что во второмъ случаѣ твердое произношеніе *с* обязано вліянію аналогіи отдѣльнаго произношенія того же слова („*несъ*“), т. е. безъ частички -ли. Въ такихъ случаяхъ, какъ т'ᴊм'ѐ (тьмѣ, ст.-сл. тьмѣ), мягкость согласнаго *т* вызвана не слѣдующимъ мягкимъ *м*, но гласнымъ ь (ĭ), слѣдовавшимъ нѣкогда за *т*. Если же смягчающій гласный ь (ĭ)

исчезалъ передъ твердымъ согласнымъ, то вызванная имъ мягкость предшествующаго согласнаго въ однихъ условіяхъ удерживается (особенно передъ губными и задне-язычными, напр. *тьма*, ус*адьба*) [1]), при другихъ же условіяхъ наступило его отвердѣніе передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (особенно передъ передне-язычными, срв. сла*вно*=сллвьно, *брать*=бьрати и даже передъ отвердѣвшимъ *и*, напр. вѣ*нца*, ку*пца*) [2]).—Теперь мы перейдемъ къ древнѣйшимъ случаямъ смягченія согласныхъ—посредствомъ j. Особенно удобно изучать это смягченіе въ формахъ настоящаго времени такихъ глаголовъ, въ которыхъ это время образуется съ j, какъ напр. писать || пи*шу* (*ш* изъ cj); разсмотрѣніе этихъ глаголовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) *губные* согл.+j измѣнились въ губн. согл.+л', напр. тре*пл*ю (срв. тре*п*ать), коле*бл*ю, дре*мл*ю, б) согласные передне-язычные *т*, *д*, *с*, *з*+j измѣнились въ шипящіе, напр. пря*чу*, гло*жу*, пи*шу*, ма*жу*; в) согласные передне-язычные плавные *л*, *р*, и носовой *н*+j измѣнились въ соотвѣтствующіе мягкіе, т. е. *л'*, *р'*, *н'*, напр. сте*лю*, о*рю*, сте*ню*; наконецъ, г) согласные *задне-язычные*+j измѣнились въ шипящіе, напр. пла*чу*, дви*жу*, па*шу*, пи*щу*. Смягченіе посредствомъ j наблюдается еще въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, оканчивающейся на *-е* (-je), напр. деше*вле* изъ *дешевје (срв. деше*вый*), ху*же* изъ *худје (срв. ху*дой*), а также въ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ образованіе которыхъ привзошло j, напр. ме*жа* (срв. лат. media), чу*жой* (К. чуд-). Въ глаголахъ втораго спряженія въ 1 ед. наст. j развилось изъ гласнаго *і* пе-

---

[1]) Особенность представляетъ только мягкое *р*, которое при тѣхъ же условіяхъ можетъ встрѣчаться и отвердѣвшихъ, напр. пе*р*вый=п'ѐр'въј, чаще п'ѐрвъј, ве*рх*ъ=в'ѐр'х, иногда в'ѐрх.

[2]) Исключеніе представляетъ мягкое *л*, которое при всякихъ условіяхъ сохраняетъ свою мягкость, срв. льна=л'на́ и пр.

редъ другимъ гласнымъ, напр. кра*шу* (ш←сj←си) || кра*сишь*, моро*жу* || моро*зишь*, ло*влю* || ло*вишь*, гру*щу* || гру*стишь* и пр.; иностранные глаголы, вошедшіе въ этотъ типъ спряженія, слѣдуютъ тѣмъ же законамъ чередованія согласныхъ, какъ и природные глаголы, напр. гра*флю* || гра*фишь*, конфу*жу* || конфу*зишь* и т. п. Въ церковно-славянскомъ языкѣ законы смягченія согласныхъ посредствомъ j тѣ же, что̀ и въ русскомъ языкѣ, за исключеніемъ согласныхъ *т* и *д*, изъ которыхъ первый смягчается въ шт (щ), а второй въ жд, напр. свѣшта= рус. свѣ*ча*, мєжда=рус. ме*жа*; отсюда, такія слова въ русскомъ языкѣ, какъ освѣ*ще*ніе, ме*жду* при чисто-русскомъ ме*жъ*, гра*жданин*ъ при чисто-русскомъ горо*жанин*ъ, и проч.—должны объясняться заимствованіемъ изъ церковно-славянскаго языка. Всматриваясь въ явленіе смягченія согласныхъ посредствомъ j, не трудно замѣтить, что этотъ процессъ привелъ въ русскомъ языкѣ къ частному совпаденію согласныхъ передне- и задне-язычныхъ въ шипящихъ звукахъ; такъ, *ч* можетъ происходить изъ *тj* и *кj* (также изъ смягченія *к* передъ слѣдующими палятальными гласными и изъ группъ *гт* и *кт* при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ, напр. въ неопред. накл. „мочь“, „течь“ изъ *мог-ти, *тек-ти, и въ словахъ „ночь и „дочь“, какъ это видно изъ соотвѣтствующихъ литовскихъ словъ naktìs и duktẽ); *ж* можетъ происходить изъ *дj*, *зj*, *гj* (а также изъ *г* передъ смягчающими гласными) и, наконецъ, *ш* можетъ происходить изъ *сj* и *хj* (также изъ *х* передъ смягчающими гласными).

б) *способъ артикуляціи*. Здѣсь нужно указать на переходъ взрывнаго произношенія согласныхъ въ придувное, напр. *х*то̀=орѳ. *к*то, *ш*то̀=орѳ. что, ка̊н'а̊*ш*на̊=орѳ. конечно; *д*, *т*+ *т*=*ст*, напр. упа*сть*, ме*сти*, [1]) а затѣмъ и на полное изчез-

---

[1]) Въ приведенныхъ случаяхъ изъ двухъ соприкасающихся взрывныхъ первый переходитъ въ придувной (к→х, ч→ш, т→с), почему явленіе на-

новеніе согласныхъ въ извѣстныхъ группахъ, напр. грусднъj= оро. грустный. Здѣсь же укажемъ случаи зарожденія новаго согласнаго (передне-язычнаго взрывнаго) для удобства произношенія между передне-язычными придувными (*с*, *з*, *ш*, *ж*) и слѣдующимъ *р*, напр. въ словахъ одного и того же корня „*ст*руя“ и „ос*т*ровъ“ (срв. литов. sriovė); народн. „*ст*рубъ“ вм. срубъ и т. д.

5) Объ аккоммодаціи въ отношеніи работы *нижней челюсти* трудно говорить, въ виду болѣе или менѣе сходнаго раствора при согласныхъ, какъ съуженныхъ звукахъ.

II. Акустическія замѣны согласныхъ.

Акустическія замѣны звуковъ имѣютъ—какъ мы знаемъ—спорадическій характеръ и наблюдаются преимущественно въ простонародномъ языкѣ въ словахъ одинокихъ и заимствованныхъ, при чемъ особенно легко подвергаются замѣнамъ начальные согласные, какъ имѣющіе менѣе всего морфологической поддержки. [1]) Замѣны эти основываются на томъ или другомъ акустическомъ (слуховомъ) сходствѣ звуковъ, которое естественно находится въ соотношеніи съ анатомо-физіологическою природою тѣхъ же звуковъ. Представимъ теперь главнѣйшія категоріи акустическихъ замѣнъ, придерживаясь въ общемъ того же порядка, какъ и при разсмотрѣніи физіологическихъ измѣненій.

1) Смѣшеніе звонкихъ и соотвѣтствующихъ глухихъ согласныхъ; напр.: э*т*акъ || э*д*акъ; *п*рыс*к*ать || брыз*г*ать

основаніи этого внѣшняго признака называютъ *расподобленіемъ*; передъ взрывнымъ *к* согласный *ч* оказывается устойчивымъ и не измѣняется въ *щ*, напр. птичка, ручка и т. п.

[1]) Нужно имѣть въ виду, что акустическія замѣны звуковъ нерѣдко усложняются вліяніемъ народной этимологіи.

(здѣсь гармонируютъ между собою по звонкости и глухости начальный согласный корня и согласные суффикса); случаевъ смѣшенія не много, что̀ можетъ объясняться отчетливымъ различіемъ въ русскомъ языкѣ звуковъ той и другой категоріи.

2) Смѣшеніе носоваго съ соотвѣтствующимъ неносовымъ: діалектическое хо*б*якъ вм. хо*м*якъ, *б*аклакъ (псков.) вм. *м*аклакъ.

3) Смѣшеніе одного носоваго съ другимъ носовымъ же, особенно мягкихъ [1]): *М*икита вм. *Н*икита (такое произношеніе извѣстно еще отъ XIV в.—грам. Рязан. кн. послѣ 1356 г.), уменьшит. *М*иколя вм. *Н*иколя (уже въ 1282 г.—*м*икула), *н*ебель; примѣромъ смѣшенія тѣхъ же согласныхъ въ случаѣ твердаго произношенія можетъ служить народное произношеніе *м*ырять вм. *н*ырять (казан., нижегор., тамб.); нерѣдко встрѣчается въ просторѣчіи замѣна сочетанія *мб* посредствомъ *нб* (напр. Си*нб*ирскъ, ту*нб*ычка), быть можетъ—подъ вліяніемъ большей звучности сочетанія *нб*.

4) Смѣшеніе плавныхъ между собою (чаще мягкихъ). Звуки *л* и *р* очень сходны между собою, почему легко замѣняются одинъ другимъ, особенно въ неударяемыхъ слогахъ, часто для избѣжанія повторенія *р* въ двухъ слогахъ одного и того же слова; напр. ко*л*идоръ, Порфи*л*ьевна (замѣнѣ втораго *р* посредствомъ *л* благопріятствовала бо̀льшая обычность *л* въ отчествахъ, срв. Васи*л*ьевна, Саве*л*ьевна), се*к*летарь, цы*р*у*л*ьникъ (польск. cyrulik, отъ лат. chirurgus); примѣромъ замѣ-

---

[1]) Причина, почему мягкіе согласные легче смѣшиваются между собою, нежели соотвѣтствующіе имъ твердые, заключается въ томъ, что при мягкихъ согласныхъ, вслѣдствіе приближенія къ небу средней части языка, артикуляціонныя полости уменьшены и потому зависящіе отъ нихъ мягкіе звуки оказываются болѣе сходными между собою, чѣмъ твердые.

ны твердаго *р* можетъ служить слово „пролубь“ (каз.); примѣръ замѣны *л'* посредствомъ *р'*: перемень (п'ьр'ем'ен') вм. пельмень (↑ къ *пере-*, при чемъ и вторая часть какъ будто получаетъ смыслъ—„мѣнять“); перестановка *л'* и *р'*: пе*ре*линка (п'ьр'ел'інкă) вм. пелеринка (каз.; слово происходитъ отъ франц. la pèlerine) по аналогіи къ знаменательному сочетанію *пере-*.

5) Смѣшеніе плавныхъ съ передне-язычнымъ носовымъ, особенно мягкихъ: су*мл*ѣніе вм. со*мн*ѣніе (въ связи съ большею обычностью сочетанія мл' сравнительно съ мн'); въ примѣрѣ ма*н*енькій, ма*н*енько (каз.) сказывается вліяніе *н* смежнаго слога (въ словѣ же „ма*л*о“ нѣтъ этой замѣны, такъ какъ не было дальнѣйшаго слога съ *н*, послѣдовать же аналогіи производныхъ отъ него словъ оно не могло, такъ какъ имѣло твердое *л*), ярма*н*ка (já́рмънкă) вм. ярмарка и фонта*лъ* вм. фонта*нъ* (на замѣну плавныхъ въ этихъ примѣрахъ посредствомъ *н* могла вліять обычность окончаній *-нка* и *-а́лъ*).

6) Смѣшеніе твердыхъ взрывныхъ разнаго органа произношенія сравнительно рѣдко: „маль*к*остъ“ (индивид. произн.) вм. „маль*п*остъ“; смѣшеніе же мягкихъ взрывныхъ передне-язычнаго и задне-язычнаго согласнаго, какъ особенно близкихъ между собою по артикуляціи, наблюдается въ простонародномъ языкѣ весьма нерѣдко, напр. *к*іятеръ, *т*ипѣть, *т*ипарисъ, ан*д*елъ; довольно обычна замѣна сочетаній *т.л'* и *дл'* посредствомъ *к.л'* и *г.л'*, напр. ко*к*леты, *гля* (вм. *дл*я).

7) Смѣшеніе придувныхъ *х* и *ф*: *ф*омякъ вм. *х*омякъ (вят.; срв. выше иную замѣну въ томъ же словѣ—хобякъ, изъ чего видимъ, что акустическія замѣны звуковъ могутъ представлять варіаціи по говорамъ), ку*ф*арка; смѣшеніе твердаго задне-язычнаго взрывнаго съ соотвѣтствующимъ придувнымъ, напр. *к*уторъ вм. *х*уторъ, *к*ороводъ вм. хороводъ.

Случаи *перестановки* согласныхъ чаще наблюдаются при плавныхъ, напр. ка*лб*укъ вм. ка*бл*укъ, же*вл*акъ вм. же*лв*акъ.

Объ *исчезновеніи* согласныхъ въ группахъ мы уже имѣли случай упомянуть выше; замѣтимъ еще, что неударенность при сравнительной маловажности даннаго звука также благопріятствуетъ исчезновенію, срв. произношеніе здра́сст'ъ вм. здравствуйте.

Разсмотрѣвъ разнообразныя измѣненія согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, мы должны взглянуть на эти послѣдніе съ точки зрѣнія ихъ происхожденія изъ звуковъ аріо-европейскаго праязыка.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали кромѣ обычныхъ согласныхъ (напр. *p*, *t*, *b*, *d*, *r*, *l*, *m*, *n*), перешедшихъ и въ славянскіе языки, еще нѣкоторыя особыя категоріи. Здѣсь надо указать въ особенности два ряда задне-язычныхъ согласныхъ (болѣе передній и болѣе глубокій) и, затѣмъ, категорію звонкихъ взрывныхъ придыхательныхъ.

Существованіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ двухъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ подтверждается различнымъ отраженіемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства. Въ то же время отраженіе каждаго ряда оказывается неодинаковымъ въ восточной и западной группѣ этихъ языковъ. Такъ, взрывному согласному *k* западной группы (греч., лат., кельт.) [1]) соотвѣтствуетъ передне-язычный придувной (свистящій или шипящій) въ восточной группѣ (скт. ç=ш', зд., армян., албан. и слав. s, литов. š), между тѣмъ какъ согласный *k* восточнаго отдѣла соотвѣтствуетъ въ западномъ отдѣлѣ или зву-

---

[1]) Къ этой группѣ принадлежитъ и германская вѣтвь, въ которой однакожъ отраженіе согласныхъ представляетъ нѣкоторыя особенности вслѣдствіе спеціально-германскаго закона «передвиженія» согласныхъ (Lautverschiebung); напр. разсматриваемое *k* германскіе языки передвинули въ *h*.

ку *k* съ губнымъ призвукомъ (*kw*), или же одному чисто-губному согласному (*p*). Изслѣдованіе перваго случая привело къ предположенію въ праязыкѣ *k* болѣе передней артикуляціи (обычно обозначаемаго посредствомъ *k[1]), тогда какъ для послѣдняго случая предполагаютъ *k* съ болѣе задней артикуляціей (*k[2]). [1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ отраженіе того и другаго *k*:

Аріо-европ. праязыкъ.	Восточная группа.	Западная группа.
*k[1]	*с*ердце (ст.-сл. срьдьцє), лит. širdìs, арм. sirt.	греч. *καρδία*, лат. *c*or, нѣм. *H*erz.
	*с*то (ст.-сл. сътo), лит. šimtas, скт. çatám.	греч. *ἑ-κατόν*, лат. *c*entum, нѣм. *h*und-ert.
	пе*с*ъ (ст.-сл. пьсъ), скт. páçu, зд. pasu.	лат. pe*c*u, нѣм. Vie*h*.
*k[2]	*к*то (ст.-сл. къто), скт., зд. и лит. *k*as.	греч. *πο-*, лат. *quo-*, гот. *hv*as (нѣм. *w*er).
	о*к*о, лит. a*k*ìs, арм. a*k*n.	греч. *ὄμμα* (изъ *ὄπ-μα), лат. o*cu*lus.

[1]) Теперь открытъ еще третій рядъ задне-язычныхъ согласныхъ (*K[3]), который однако, по моему мнѣнію, правильнѣе считать лишь частнымъ случаемъ, а не отдѣльною самостоятельною фонемою.

Примѣчаніе. Таблица отраженія звонкихъ задне-язычныхъ согласныхъ будетъ помѣщена ниже, такъ какъ мы ихъ разсмотримъ вмѣстѣ съ другими звонкими взрывными.

Русское и славянское *с* (*s*) можетъ происходить не только изъ ае. *k[1], но еще и изъ ае. **s*, которое и въ другихъ языкахъ отражается по крайней мѣрѣ отчасти въ видѣ *s* (въ греческомъ языкѣ начальное *s* передъ гласнымъ измѣнилось въ густое придыханіе), напр.:

*s : *с*оль, греч. *ἅλς*, лат. *s*al, нѣм. *S*alz.
*с*ынъ, литов. *s*ūnùs, скт. *s*ūnúš, нѣм. *S*ohn.
*е*сть, скт. *á*sti, греч. *ἐστί*, лат. *e*st.

Такимъ образомъ русское *с*, отражая первоначальное *k[1], имѣетъ своимъ соотвѣтствіемъ литовское *š* (греч. *κ*), въ случаѣ же происхожденія изъ **s* имѣетъ соотвѣтствіемъ и въ литов. также *s* (греч. *σ*, а также густое придыханіе, исчезающее внутри словъ въ положеніи между гласными). [1]) Слѣдовательно, путемъ сравненія съ родственными языками легко опредѣлить тотъ или другой источникъ русскаго и славянскаго *с* (*s*). [2])

Переходя теперь къ разсмотрѣнію отраженія звонкихъ взрывныхъ согласныхъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства, мы прежде всего отмѣтимъ, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ они распадались на собственно звонкіе взрывные или не-придыхательные (*b, *d, *g[1], *g[2]) и придыхательные (*bh, *dh, *g[1]h, *g[2]h); въ этомъ мы убѣждаемся особенно изъ санскрита, который еще сохраняетъ эти послѣдніе,

---

[1]) Замѣтимъ, что въ славянскихъ языкахъ прибавилось еще новое *s*, благодаря измѣненію *д*, *т+т=ст*.

[2]) Въ томъ случаѣ, когда славянское *s* (изъ ае. **s*) находилось послѣ узкихъ гласныхъ или же согласныхъ *r* и *k* и обычно сопровождалось другимъ гласнымъ, оно измѣнилось, давши начало новому согласному въ славянскихъ языкахъ — х.

тогда какъ греческій измѣнилъ ихъ въ соотвѣтствующіе глухіе придыхательные; въ славянскихъ языкахъ первоначальные звонкіе взрывные придыхательные утратили придыханіе и совпали такимъ образомъ съ первоначальными звонкими взрывными не-придыхательными, такъ что для открытія того или другаго источника необходимо сравненіе славянскихъ языковъ съ тѣми родственными языками, въ которыхъ совпаденія этихъ двухъ первоначальныхъ категорій не произшло. Теперь мы представимъ параллельно примѣры отраженія звуковъ той и другой категоріи:

Аріо-европ праязыкъ.	Восточная группа.	Западная группа.
*g¹	знаю, лит. žinaŭ	греч. γιγνώσκω, лат. co-*g*nosco, нѣм. *k*enne.
*g¹h	возъ, лит. -važas	греч. ὄχος, лат. ve*h*o („везу"), нѣм. Wa*g*en.
	зима, лит. žëmà [1])	греч. χειμών, лат. *h*iems.
*g²	говядо, скт. gaus	греч. βοῦς, лат. *b*os.
*g²h	горѣть, скт. *gh*armás	греч. θερμός, лат. *f*ormus, нѣм. *w*arm.

[1]) Подобно совпаденію въ славянскихъ языкахъ *k¹ и *s и здѣсь кромѣ *g¹ и *g¹h нужно имѣть въ виду еще *z (срв. мзда = греч. μισθός; гнѣздо = нѣм. Nest, лит. lizdas) въ положеніи передъ звонкими взрывными.

*b: *б*ольше=скт. *b*alī („сильный"), греч. *βελτίων* („лучшій").

*bh: *б*еру=скт. *bh*árāmi, греч. *φέρω* (*φ*=ph), лат. *f*ero.

*б*ратъ=скт. *bh*rátā (N. sg.), греч. *φράτηρ φράτωρ* (членъ „фратріи"), нѣм. *B*ruder, лит. *b*roterēlis (уменьш.).

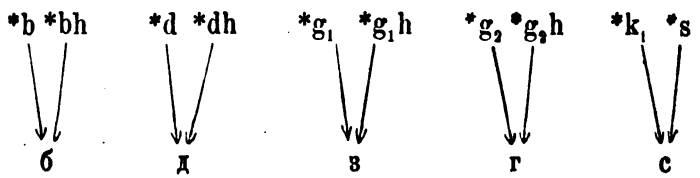
*d : *д*омъ=скт. *d*amás, греч. *δόμος*, лат. *d*omus.

*д*аю=скт. *dádā*mi, греч. *δίδωμι*, лат. *d*o, литов. *dū*mi.

**dh*: *д*ымъ=скт. *dh*ūmás, греч. *θῦμός*, лат. *f*ūmus, литов. *d*úmai.

*м*едъ=скт. má*dh*u, греч. *μέθυ*, нѣм. Me*t*, литов. me*d*ùs.

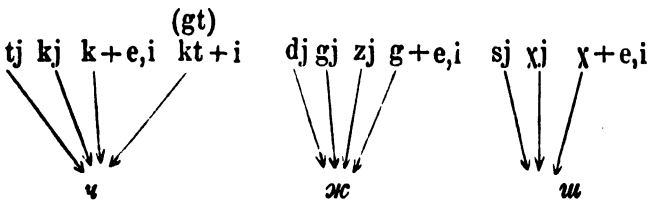
Подводя итогъ вышеизложеннымъ сравнительно-фонетическимъ даннымъ, [1]) мы можемъ слѣдующимъ образомъ представить графически явленіе совпаденія (конвергенціи) въ области русскихъ согласныхъ:



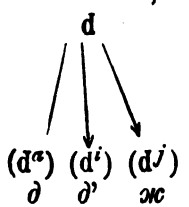
Въ виду того, что такое совпаденіе наблюдается во всѣхъ славянскихъ языкахъ, можно предположить, что оно произошло ранѣе распаденія славянскаго праязыка на отдѣльныя группы и даже — вѣроятно — еще въ эпоху литово-славянскую. Но такъ какъ за данными звуками славянскаго праязыка могли слѣдовать разные гласные и согласные, то благодаря такому различію условій въ дальнѣйшемъ происходили новыя фонетическія явленія. Такъ, согласные могли сочетаться съ слѣдующими гласными не-палятальными и палятальными, согласнымъ j и другими согласными; сочетаніе съ паляталь-

[1]) Мы разобрали со стороны происхожденія не всѣ согласные русскаго языка, такъ какъ другіе согласные произошли вообще изъ такихъ же согласныхъ аріо-европейскаго праязыка, срв. *пью*=греч. *πίνω*, *тру*=лат. *tero* и т. п.

ными гласными и согласнымъ j, [1]) какъ мы знаемъ, вело къ процессу смягченія, совершавшемуся неравномѣрно и въ значительной степени во времена общеславянскія,—онъ-то и далъ начало цѣлому ряду вторичныхъ согласныхъ (ч, ш, ж; ц; п', т'...). Кромѣ того, въ славянскомъ праязыкѣ дѣйствовалъ и тоже неравномѣрно законъ устраненія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, приведшій къ возникновенію въ славянскихъ языкахъ носовыхъ гласныхъ, а въ основно-русскомъ языкѣ къ явленію т. наз. полногласія. Въ послѣдующее время въ области русскаго языка произошло исчезновеніе слабыхъ ъ и ь, которое повело къ измѣненію въ концѣ словъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе, а внутри слова къ уподобленію и расподобленію, вмѣстѣ съ чѣмъ въ томъ и другомъ случаѣ происходили явленія дивергенціи и конвергенціи согласныхъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя совпаденія, которыя произошли уже послѣ представленныхъ выше древнѣйшихъ праславянскихъ совпаденій:



Въ то же время совершались и дивергенціи звуковъ, напр. общесл. *d* (=ae. *d, *dh) въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе не-смягчающій или же смягчающій гласный или согласный j, развѣтвилось на *д*, *д'* и *ж*:



[1]) Нужно прибавить, что j въ славянскихъ языкахъ можетъ имѣть троякое происхожденіе: 1) ae.*j, напр. ст.-сл. ЮХА=скт. yūšam, лат. jūs, ИГО=

Исторія языка слѣдитъ за послѣдовательностью такихъ звуковыхъ развѣтвленій и совпаденій.

Чтобы закончить изложеніе фонетики, мы сгруппируемъ на основаніи всего предшествующаго изложенія въ хронологическомъ порядкѣ указывавшіяся нами эпохи, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ славянскаго праязыка.

I. *Эпоха измѣненія* s→χ. Измѣненію въ χ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подверглось только такое *s*, которое произошло изъ *s, но не изъ *k¹. По этому для начала этой эпохи нужно принять, что тогда потомки звуковъ *k¹ и *s еще различались въ славянской языковой области, еще не совпали, при чемъ различіе это было вынесено изъ литво-славянскаго.

II. *Эпоха упрощенія однородныхъ дифтонговъ* *ěi→ī, *ŏu→ū и *измѣненія дифтонга* *ěu въ jū, а также īV→Vj. [1])

III. *Эпоха смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе.* Можно думать, что тогда же началось постепенное смягченіе всякихъ согласныхъ посредствомъ j; судя же по нѣкоторому различію рефлексовъ этого смягченія въ славянскихъ

скт. yugám, греч. ζυγόν, лат. jugum; 2) ае. *i̯ (такъ обозначается полугласный i), напр. ꙗго=скт. yás (N. sg.), греч. ὅς (въ греч. ае. *i̯ отражается въ началѣ словъ передъ гласнымъ въ видѣ густаго придыханія, тогда какъ ае. *j въ тѣхъ же условіяхъ дало ζ-); 3) изъ праславянскаго i въ положеніи передъ гласнымъ, напр. въ 1 л. ед наст. втораго спряженія (краѩу изъ *красjV←*красиV).

[1]) Когда наконецъ *ŏu дало ū и *ěu→jū, тогда старое ае. *ū уже болѣе или менѣе измѣнилось въ сторону ы, отчего и не произошло совпаденія этихъ разновременныхъ ū.

языкахъ, заключаемъ, что уже въ эту эпоху стали намѣчаться въ славянскомъ праязыкѣ нѣкоторыя діалектическія различія.

IV. *Эпоха измѣненія* *ē→ā *послѣ шипящихъ и* j (напр. въжлгати, легчайшій и т. п.).

V. *Эпоха возникновенія* ѣ *дифтонгическаго происхожденія и смяченія задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе.* Получившееся изъ дифтонга долгое ē совпало съ древнимъ *ē въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее не измѣнилось въ *а*.

VI. *Эпоха непереходнаго смяченія согласныхъ передне-язычныхъ и губныхъ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними палятальныхъ гласныхъ,* съ нѣкоторыми различіями между діалектами славянскаго праязыка.

VII. *Эпоха русскаго полногласія* (а въ другихъ славянскихъ языкахъ—перестановки), *носовыхъ гласныхъ и вообще стремленія къ устраненію закрытыхъ слоговъ.*

VIII. *Измѣненіе носовыхъ гласныхъ въ чистые въ русскомъ языкѣ:* *ō→у, ē→'а (т. е. *а* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго).

IX. *Эпоха двоякаго измѣненія* ъ (ŭ) и ь (ĭ) или, другими словами, эпоха образованія „бѣглыхъ" гласныхъ *о* и *е*. Этотъ процессъ представляетъ нѣкоторую неодинаковость развитія въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіи (именно—неодинаково комбинируется съ процессомъ слѣдующей эпохи), а потому уже въ эту эпоху необходимо предположить существованіе нѣкоторыхъ различій между сѣвернымъ и южнымъ отдѣломъ русскаго праязыка.

X. *Эпоха измѣненія* 'е→'о, присоединяющаяся къ предъидущей. Въ эпоху древнѣйшаго дошедшаго до насъ письменнаго памятника—Остромирова Евангелія (полов. XI в.)—сѣвернорусское нарѣчіе представляло уже болѣе или менѣе

развившимся явленіе бѣглыхъ гласныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе или менѣе совершившимся измѣненіе 'е→'о. Съ этой эпохи изученіе исторіи русскаго языка уже начинаетъ опираться на письменные документы.

XI. *Эпоха образованія акающаго произношенія въ великорусской области.* Въ памятникахъ первыя указанія аканья относятся къ XIV—XV в., но первыя фазы процесса естественно относить къ болѣе раннему времени. Въ самой великорусской области выдѣляются западные или бѣлорусскіе говоры, развивающіе полугласный ў изъ *в* передъ согласными, т. е. подобно смежному малорусскому нарѣчію, и кромѣ того *ц'* и *дз'* вм. *т'* и *д'*, т. е. сходно со смежнымъ польскимъ языкомъ.

Не должно однако представлять себѣ установленныя здѣсь эпохи рѣзко ограниченными: явленія, начавшіяся въ одну, могли и не закончиться въ ней, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи, и такимъ образомъ эпохи могутъ какъ бы частично налегать одна на другую. Далѣе, эпохи могли быть длинными періодами, въ которые могли развертываться и другіе процессы; при болѣе детальномъ изслѣдованіи можно будетъ, слѣдовательно, установить въ главныхъ эпохахъ болѣе частныя,—пріемы лингвиста въ этомъ случаѣ представляютъ большое сходство съ пріемами геолога. Наконецъ, при представленіи прошлаго состоянія языковъ нужно помнить, что въ различныхъ діалектахъ одни и тѣ же процессы нерѣдко развертываются съ неравномѣрною скоростью.

Морфологія.

Глава VI.

Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ.

Въ *фонетикѣ* мы изучали звуковыя явленія, происходящія въ словахъ и ихъ знаменательныхъ частяхъ и, такимъ образомъ, имѣли дѣло съ простѣйшими элементами слова— звуками. *Морфологія* изучаетъ въ словахъ не отдѣльные звуки, но знаменательныя (морфологическія) части словъ, каковы: корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе и основа; при этомъ она показываетъ, какъ языкъ пользуется ими для измѣненія словъ по склоненіямъ и спряженіямъ, а также для словопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ морфологія группируетъ самыя слова по характеру ихъ значенія и формы въ тѣ наиболѣе крупные разряды, которые извѣстны подъ названіемъ частей рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію морфологіи русскаго языка, мы дадимъ предварительно общія понятія о морфологическихъ категоріяхъ и ихъ измѣненіяхъ во времени, стараясь освѣтить всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія психологической.

Морфологическія части словъ, флексія и словопроизводство. Слова нашей рѣчи, имѣя опредѣленное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаются на части, тоже имѣющія значеніе—на части знаменательныя или морфологическія (называемыя также морфемами), каковыми являются: *корень*, *префиксъ*, *суффиксъ*, *окончаніе* и *основа*. Такъ, напр., въ словѣ „набрасывалъ" часть *брас*—главная, корень, выражаетъ идею извѣстнаго дѣйствія; къ этой части, сосредоточивающей въ себѣ главное значеніе слова, присоединяются придаточныя морфологическія части, дополняющія главное значеніе; напр. въ томъ же словѣ—морфологическая часть *на*, предшествующая корню и указывающая направленіе дѣйствія (именно—выражаетъ, что дѣйствіе, обозначенное корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь), называется префиксомъ, морфологическая часть *ыв*, стоящая между корнемъ и окончаніемъ и указывающая на характеръ или способъ дѣйствія (на многократный и также несовершенный видъ дѣйствія), называется суффиксомъ и, наконецъ, послѣдняя морфологическая часть *ал*, показывающая, что общее значеніе всѣхъ предшествующихъ частей слова нужно понимать въ смыслѣ одного изъ трехъ лицъ ед. ч. (смотря по подлежащему) прошедшаго вр. муж. р., называется окончаніемъ; совокупность морфологическихъ частей, предшествующихъ окончанію (въ нашемъ примѣрѣ *на*+*брас*+*ыв*), называется основою (темою) слова. Въ томъ случаѣ, когда корень слова не распространенъ ни префиксомъ, ни суффиксомъ, основа въ словѣ совпадаетъ съ корнемъ, напр. *вед*-у, *сад*-омъ. Не трудно видѣть, что морфологическія части слова не имѣютъ въ языкѣ независимаго существованія, всегда являясь соединенными между собою для образованія словъ. [1])

---

[1]) Не слѣдуетъ думать, что морфологическія части словъ остаются неподвижными въ жизни языка; напротивъ того, какъ мы убѣдимся ниже, онѣ

При морфологическомъ дѣленіи слова самымъ крупнымъ является дѣленіе на *основу* и *окончаніе*. Здѣсь нужно отмѣтить рѣзкую разницу между этими частями по характеру значенія: основа, значеніе которой образуется изъ корневаго значенія, дополненнаго значеніемъ префикса и суффикса, является носителемъ *собственнаго значенія слова*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ, окончанія имѣютъ *синтаксическое* значеніе, такъ какъ при помощи ихъ слова соединяются въ предложенія.

Примѣчаніе. Говоря объ основѣ, необходимо указать на неточность, которая содержится въ томъ опредѣленіи, какое она обыкновенно имѣетъ въ учебникахъ, т. е. что «основою называется *неизмѣняемая* часть слова при склоненіи или спряженіи». Такое опредѣленіе, очевидно, опирается на общепринятое правописаніе словъ; но какъ скоро мы обратимся къ живому произношенію, то встрѣчаемся съ варіаціями (разновидностями) основы. Такъ, напр., разсматривая склоненіе слова «годъ» въ живомъ произношеніи, мы откроемъ рядъ звуковыхъ варіацій основы: 1) конечный согласный основы (т. е. *д*) сохраняется звонкимъ передъ окончаніями, начинающимися съ гласнаго (напр. го́*д*ӓ, го́*д*ӯ и т. д), на концѣ же слова смѣняется соотвѣтствующимъ глухимъ (го́*т*); далѣе, тотъ же согласный основы (т. е. *д*) является твердымъ передъ несмягчающими гласными, но передъ окончаніемъ -ѐ (*ѣ*) смѣняется на соотвѣтствующій мягкій (го́*д'*ѐ; 2) что касается гласнаго основы, то въ зависимости отъ мѣста ударенія онъ является или ударенным ó (напр. го́ду) или же неударяемымъ а̂ (напр. га̂да́), а затѣмъ находится или въ открытомъ слогѣ или же закрытомъ, передъ твердымъ или же мягкимъ согласнымъ; 3) начальный согласный основы (*г*) является наименѣе варіирующимъ, такъ какъ приходится почти въ однообразныхъ условіяхъ; онъ варіируетъ лишь въ отношеніи ударенности и неударенности (срв. го́ду ‖ га̂да́). Звуковыя варіаціи открываемъ и въ присоединяющихся къ основѣ окончаніяхъ; такъ напр. слова «раб*омъ*» и «сад*омъ*» орѳографически представляютъ совершенно одинаково написанное окончаніе, въ живомъ же произношеніи эти окончанія различаются: раб-*ом* ‖ са́д-*ъм*.

подвергаются разнообразнымъ измѣненіемъ. Соотвѣтственно этому ихъ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія—статической и историко-этимологической.

Вообще, каждая морфологическая часть можетъ представлять варіаціи звуковъ соотвѣтственно существующимъ въ языкѣ звуковымъ чередованіямъ, изученіе которыхъ относится къ фонетикѣ. Въ такихъ случаяхъ, какъ пек-у || печ-ешь, даже и орѳографія указываетъ на звуковое чередованіе въ основѣ. Ученіе объ основѣ, какъ о неизмѣняемой части, можетъ быть приложимо развѣ къ исходному состоянію въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, предшествовавшему возникавшимъ въ разныя эпохи фонетическимъ видоизмѣненіямъ основы.

Въ области окончаній нужно разъяснить своеобразный ихъ характеръ, который они имѣютъ *въ разныхъ частяхъ рѣчи*. Сначала отмѣтимъ разницу между глагольными и падежными окончаніями, состоящую въ томъ, что личныя окончанія глагола представляютъ синтаксически бо́льшую независимость по сравненію съ падежными окончаніями существительныхъ. Такъ, если я употреблю въ рѣчи просто личную форму глагола (особенно первыхъ двухъ лицъ), напр. „иду“, то эта форма будетъ вполнѣ понятна слушающему, тогда какъ если скажу какую-нибудь падежную форму, напр. „столу“, то на основаніи этой формы, отдѣльно сказанной, слушателю остается неяснымъ, что̀ именно я хотѣлъ выразить. Причина этой разницы заключается въ томъ, что при личной формѣ глагола подразумѣвается личное мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица какъ подлежащее, вслѣдствіе чего личная форма глагола имѣетъ смыслъ предложенія, тогда какъ отдѣльная падежная форма существительнаго (за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Именит. и Зват. падежа, а въ отвѣтахъ и другихъ падежей) не можетъ принимать смысла предложенія. Падежныя окончанія прилагательныхъ, употребляющихся не въ смыслѣ существительныхъ, служатъ не столько для указанія падежнаго оттѣнка значенія, сколько для согласованія съ существительнымъ, т. е. для обозначенія того, къ какому существительному прилагательное относится. Чрезъ присоединеніе къ основѣ мѣняющихся окончаній полу-

чается въ языкѣ *словоизмѣненіе* или *флексія*, т. е. грамматическія системы склоненій и спряженій. [1])

Мы говорили, что основа можетъ совпадать съ корнемъ слова, но чаще она представляетъ собою распространеніе корня *префиксами* и *суффиксами*; напр. въ словѣ „*вод*-а" основа и корень совпадаютъ, но отъ того же корня имѣются и распространенныя основы, напр. *водиц*-а, *водичк*-а, *водян*-ой, *водянк*-а, *водн*-ый, *безводн*-ый, *обезвод*-ить и т. п. Въ томъ случаѣ, когда основа совпадаетъ съ корнемъ, соотвѣтствующія слова называются *корневыми*, напр. „*вод*-а"—корневое существительное, „*лѣв*-ый"—корневое прилагательное, *пек*-у—корневой глаголъ и т. п.; если же основа получается путемъ прибавленія суффиксовъ или префиксовъ, то соотвѣтствующія слова называются *производными*, напр. отъ корневаго существительнаго „вода" происходитъ производное сущ. „*водиц*-а", а отъ послѣдняго новое производное сущ. „*водичк*-а" и т. п.; при этомъ слово, отъ котораго непосредственно производится другое, по отношенію къ послѣднему называется его *производящимъ*. Префиксы и суффиксы, служа для образованія основъ, рѣзко отличаются по значенію отъ флексіи: они служатъ для полученія новаго *собственнаго* значенія слова, тогда какъ флексія служитъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Теперь разъяснимъ разницу по характеру значенія между префиксами и суффиксами: основное значеніе первыхъ заключается въ указаніи направленія дѣйствій (напр. *пере*возить), а также въ указаніи пространственныхъ отношеній (напр. *под*свѣчникъ), основное же значеніе вторыхъ—классифицирующее, т. е. заключается въ указаніи класса представленій, въ который за-

---

[1]) Иногда въ грамматическихъ сочиненіяхъ и самыя окончанія, присоединяющіяся къ основѣ, называются флексіями, но это не совсѣмъ точное примѣненіе термина.

числено данное представленіе. Отсюда становится понятнымъ, почему именно *существительныя* представляютъ наибольшее богатство и разнообразіе суффиксовъ, а именно—соотвѣтственно обилію и разнообразію предметовъ, подлежащихъ группировкѣ; глаголы же, будучи бѣдны суффиксами, широко пользуются префиксами. Что касается въ частности суффиксовъ, то ихъ значеніе двояко: а) основное значеніе слова остается то же, измѣняется только оттѣнокъ, какъ напр. въ уменьшительныхъ существительныхъ (срв. столъ<сто*ликъ*), б) получается новое представленіе, хотя и стоящее въ нѣкоторомъ соотношеніи къ тому представленію, которое принадлежитъ производящему слову, напр. печь<печ-*никъ* (послѣднее существительное обозначаетъ уже совсѣмъ другой предметъ—человѣка, дѣлающаго печи), при чемъ самое отношеніе по смыслу между производящимъ и производнымъ остается невыраженнымъ, подразумѣвается; нужно еще прибавить, что во второмъ случаѣ, т. е. при производствѣ словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ, можетъ мѣняться и часть рѣчи, напр. домъ<домовой<домовникъ<домовничать. Мы видимъ здѣсь, что производство словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ при посредствѣ суффиксовъ указываетъ на замѣчательную *экономію* силъ, какая обнаруживается въ языкѣ при нахожденіи словесныхъ символовъ для обозначенія новыхъ идей, такъ какъ прибавка соотвѣтствующаго суффикса избавляетъ отъ труда создаванія совсѣмъ новыхъ словъ. Имѣя ограниченный рядъ корней и придаточныхъ элементовъ, говорящій получаетъ возможность путемъ сочетанія ихъ выражать всю массу представленій.

Особый случай словопроизводства представляютъ *сложенія* (сложныя слова), напр. водолазъ, черноглазый, боготворить и т. п. Словосложеніе тоже касается собственнаго значенія словъ и служитъ восполненіемъ обыкновеннаго (суффиксальнаго) производства. Связь между ними ясно видна въ томъ случаѣ, когда языкъ, слабо развивъ одинъ способъ словопро-

изводства, компенсируетъ (вознаграждаетъ) его другимъ; такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ существительныя очень бѣдны суффиксами, вслѣдствіе чего тамъ многимъ русскимъ суффиксамъ существительныхъ соотвѣтствуетъ употребленіе сложеній; напр. въ русскомъ языкѣ классъ ягодъ обычно выражается посредствомъ суффикса *-ика* или *-ника*, напр. *ежевика*, *земляника* и т. д., а въ нѣмецкомъ видимъ сложенія съ словомъ *beere* т. е. „ягода" (срв. *земляника*=нѣм. Erdbeere, *ежевика*=Brombeere, *костяника*=Steinbeere, *черника*=Heidelbeere, Schwarzbeere и т. п.), или многимъ русскимъ существительнымъ на *-никъ* (какъ напр. *сапожникъ* и т. п.) въ нѣмецкомъ соотвѣтствуютъ сложенія съ словомъ *-macher* т. е. „дѣлающій" (Stiefelmacher и т. п.). Второй членъ сложеній, въ случаѣ своей большой употребительности, иногда понижается въ своей знаменательности до роли суффикса, примѣровъ чего не мало встрѣчаемъ опять-таки въ нѣмецкомъ (таковы суффиксы -bar, -haft, -tel и др.); въ русскомъ языкѣ въ такихъ сложныхъ прилагательныхъ, какъ „стекловидный" и т. п., вторая часть *-видный* стала уже если не вполнѣ, то почти суффиксомъ. Какъ при обыкновенномъ словопроизводствѣ, такъ и въ сложеніяхъ содержится элементъ *подразумѣваемости*: подразумѣвается (остается невыраженнымъ, предоставляется догадливости слушателя, угадывается) отношеніе между представленіями, обозначаемыми обоими членами сложенія (срв. водолазъ || водовозъ). Благодаря возможности подразумѣванія въ сложеніяхъ, послѣднія нерѣдко составляются изъ цѣлыхъ выраженій (напр. немогузнайка и т. п.). Въ русскомъ языкѣ кромѣ природныхъ сложеній встрѣчаемъ не мало переводныхъ, которыя частію вошли въ языкъ въ древнее время при переводѣ съ греческаго (богатаго сложеніями) книгъ церковныхъ и сочиненій для назидательнаго чтенія (срв. благоуханіе=*εὐωδία*, благодушіе=*εὐψυχία*, малодушіе=*μικροψυχία*, первообразный=*ἀρχέτυπος*, сребролюбіе=*φιλαργυρία* и др.), частію же въ новое время при переводѣ Одиссеи Жуковскимъ, который ввелъ цѣлый рядъ

новыхъ сложныхъ прилагательныхъ, образованныхъ въ подражаніе греческимъ, напр. „*широкошумящее* море“, „*широковершинныхъ* деревъ“, „къ облакамъ *темносвѣтлымъ*“, „*мягкоодутлой* рукою“ и т. п.; изъ послѣдующихъ писателей вліяніе Жуковскаго въ этомъ отношеніи сильнѣе сказалось на Гоголѣ и затѣмъ Тургеневѣ.

Слова и ихъ морфологическій составъ съ точки зрѣнія психологической. Мы знаемъ, что каждый звукъ въ словѣ съ точки зрѣнія произношенія представляетъ сумму двигательныхъ импульсовъ, вызывающихъ мышечныя работы говорильнаго аппарата, которыя въ свою очередь сопровождаются соотвѣтствующимъ мышечнымъ чувствомъ; съ точки зрѣнія слышанія звукъ представляетъ тоже сумму простѣйшихъ слуховыхъ ощущеній, изъ которыхъ слагается данный слышимый звукъ. Когда произносимъ слово, то послѣднее представляетъ рядъ такихъ произносимыхъ и вмѣстѣ слышимыхъ звуковъ; слѣдовательно, съ точки зрѣнія психологической, каждое слово представляетъ собою ассоціацію по смежности соотвѣтствующихъ звуковыхъ идей. Однако слова нашей рѣчи являются не просто рядами звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, но эти ряды связаны съ тѣмъ или другимъ *значеніемъ*. Нужно замѣтить, что сами по себѣ звуковыя идеи словъ не связаны съ объективнымъ міромъ, но только какъ символы служатъ для обозначенія другихъ представленій субъективно-объективныхъ. Когда происходитъ обмѣнъ мыслями между говорящимъ и слушающимъ, то у перваго мысль предшествуетъ и вызываетъ собою произношеніе слова (символа), а у втораго предшествующимъ является слышимое слово (символъ), которое и вызываетъ собою мысль. Въ обоихъ случаяхъ легкость процесса вызыванія зависитъ отъ упражненія или повторенія, благодаря которымъ связь слова и значенія болѣе и болѣе закрѣпляется. Кромѣ ассоціаціи въ силу *полнаго сходства* (иначе—по тожеству), происходящей при повтореніи одного и

того же слова, можетъ происходить ассоціація по *частичному сходству*, именно—когда произносятся слова родственныя по какой-либо морфологической части; такъ, слова „*вы*вожу“ и „*вы*ходить“, различаясь по корню и окончанію, представляютъ примѣръ ассоціаціи по частичному сходству—по сходству префикса, и т. п. Благодаря такимъ частичнымъ ассоціаціямъ, въ нашемъ умѣ образуются морфологическія части словъ, а самыя слова комбинируются по сходству значенія и словоизмѣненія въ грамматическія системы, т. е. получаются сложныя ассоціаціи типовъ склоненія, спряженія и пр.; само собою разумѣется, что предложеніе представляетъ собою еще болѣе сложный комплексъ ассоціацій. [1]) Сложный ассоціативный аггрегатъ словъ постепенно пріобрѣтается съ дѣтства при усвоеніи родной рѣчи; вслѣдствіе упражненія, ассоціаціи становятся настолько сильными, что какъ бы вырабатывается механизмъ рѣчи, благодаря которому достаточно появиться въ нашемъ умѣ какой-нибудь мысли, и мы выражаемъ ее почти

---

[1]) Такимъ образомъ, грамматическія категоріи являются категоріями нашего ума; но, чтобы не приписать уму фиктивныхъ категорій, необходимо приводить доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія тѣхъ или другихъ грамматическихъ категорій въ умѣ говорящихъ. Такъ, въ фактахъ рѣчи можно найти рядъ подтвержденій того, что морфологическія части, на которыя разлагаются слова, дѣйствительно существуютъ въ нашемъ умѣ; ограничусь двумя доказательствами: 1) если заимствуется слово изъ другаго языка, то оно обычно принимаетъ префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя языку заимствующему (напр. срв. образованія отъ заимствованнаго слова «лимонъ»—лимон*у*, лимонщ*ик*ъ, слимон*ить* и т. п.) и которыхъ раньше заимствуемое слово не имѣло; 2) явленія аналогіи представляютъ подстановку однѣхъ морфологическихъ частей вмѣсто другихъ (напр. срв. произношеніе «держ*ут*ъ» вм. «держ*ат*ъ»), чѣмъ доказывается дѣйствительное существованіе въ языкѣ этихъ частей. Итакъ, слово, съ точки зрѣнія психологической, есть рядъ идей звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, связанный со значеніемъ и могущій разлагаться на знаменательныя или морфологическія части.

безсознательно въ словахъ, а слушающіе такъ же легко воспринимаютъ и понимаютъ ее.

Морфологическіе процессы. Не только звуки нашей рѣчи, но и морфологическія категоріи въ теченіи времени подвергаются измѣненіямъ. Такъ какъ слова и вообще морфологическія категоріи представляютъ двѣ стороны—*внутреннюю* или сторону значенія и *внѣшнюю* или звуковую, то мы прослѣдимъ измѣненія въ морфологическихъ категоріяхъ сначала съ внутренней или семазіологической, а затѣмъ съ внѣшней стороны. [1])

Обращаясь къ семазіологической сторонѣ морфемъ, мы прежде всего замѣтимъ, что представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, у каждаго человѣка, начиная съ дѣтства, развиваются и измѣняются, такъ какъ получаются новыя ощущенія, возникаютъ новыя ассоціаціи между представленіями и пр. Отсюда слѣдуетъ, что представленія и понятія, обозначаемыя въ языкѣ опредѣленными словами, у разныхъ лицъ не тожественны, такъ какъ у каждаго имѣютъ свою особую исторію образованія. Такъ напр. представленіе звука, грозы и т. п. у простолюдина и у ученаго физика весьма различно. Съ другой стороны, одинаковость условій жизни и обстановки благопріятствуетъ сходству представленій; напр. тѣ же представленія звука и грозы у разныхъ физиковъ будутъ весьма сходны.

Что касается *развитія значенія словъ въ языкѣ*, то одна изъ причинъ его заключается въ томъ, что названіе какого-нибудь предмета, дѣйствія и пр. можетъ по *ассоціаціи смежности* переноситься на сопутствующую обстановку, и такимъ

---

[1]) Вопросы развитія значенія словъ нерѣдко выдѣляются въ лингвистикѣ въ особый отдѣлъ, носящій названіе *семазіологіи* (отъ греческаго слова σημαίνω=означаю.

образомъ слово пріобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ, слово „питье“ означаетъ собственно извѣстное дѣйствіе, но это же названіе со временемъ распространилось и на то, что̀ пьется; подобнымъ же образомъ слово „ѣда“ означаетъ не только дѣйствіе ѣды, но и то, что̀ ѣдятъ; слово „жалоба“ можетъ означать и соотвѣтствующее дѣйствіе, а затѣмъ—по смежности—и бумагу съ жалобой; слово „судъ“ можетъ означать судебный разборъ, судящихъ—какъ лицъ производящихъ дѣйствіе, наконецъ зданіе суда какъ мѣсто дѣйствія, и т. п.

Другимъ источникомъ развитія значенія словъ служатъ *ассоціаціи по сходству*, когда названіе съ одного предмета, дѣйствія и пр. переносится на другіе въ силу частичнаго между ними сходства. Такое употребленіе словъ встрѣчается почти на каждомъ шагу въ нашей рѣчи (напр. *опора* старости, *туча* стрѣлъ; *горячая* любовь, *ясная* мысль; солнце *сѣло*, *взошло*, вода *бѣжитъ* и т. д.), особенно же въ поэтическомъ языкѣ, всегда болѣе богатомъ уподобленіями. Отмѣтимъ такіе переносы значенія въ извѣстномъ стих. Кольцова „Нива“: „наливать“—собственно говорится о сосудѣ, который наполняется жидкостью, но по сходству слово перенесено на колосья, которые спѣютъ; „ходить“—это слово съ человѣка или животнаго, подвигающихся шагъ за шагомъ, перенесено и на движеніе волнъ; „виться“—собственно говорится о веревкѣ, но по сходству витья веревки съ полетомъ жаворонка слово „виться“ перенесено и на полетъ послѣдняго.

И такъ, развитіе значенія словъ обусловливается уже извѣстными намъ факторами ассоціацій смежности и сходства; но неправильно говорятъ въ этомъ случаѣ объ „измѣненіи“ значенія словъ, такъ какъ тутъ въ дѣйствительности происходитъ *примѣненіе слова къ новому значенію* подъ вліяніемъ ассоціаціи смежности или сходства. Такимъ путемъ слово получаетъ разныя значенія, но нужно помнить, что при каждомъ отдѣльномъ актѣ мысли слово берется только въ одномъ опре-

дѣленномъ значеніи. [1]) Возникающія явленія культуры и цивилизаціи нуждаются въ обозначеніи, и для этого изъ запаса словъ примѣняются по ассоціаціи смежности или сходства тѣ или другія слова, которыя покажутся наиболѣе подходящими, при чемъ нерѣдко для новыхъ обозначеній примѣняется не вполнѣ то же слово, но распространенное другими существующими въ языкѣ придаточными морфемами соотвѣтственно оттѣнку значенія (срв. *под*свѣч*никъ*, *на*груд*никъ* и т. п.). Во всемъ этомъ мы видимъ проявленіе уже извѣстнаго намъ принципа *экономіи*, господство котораго въ жизни языка такъ распространено.

Что касается измѣненія морфологическихъ частей съ *внѣшней* стороны, то укажемъ слѣдующіе процессы: а) *опрощеніе*, б) *переразложеніе*, в) *аналогія* и г) *дифференціація* (послѣдніе два тѣсно связаны между собою),—къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

а) *Опрощеніе*. Опрощеніемъ называется морфологическій процессъ, посредствомъ котораго слово съ сложнымъ морфологическимъ составомъ утрачиваетъ значеніе отдѣльныхъ своихъ морфологическихъ частей и становится простымъ символомъ даннаго представленія. Такъ, напр., слова „вкусъ“ (срв. *кус*-ать, *кус*-окъ), „забыть“ и т. п. имѣютъ только цѣлостное

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ языковъ многозначности словъ, получившейся подъ вліяніемъ ассоціаціи идей по смежности или же сходству: *франц.* la g o r g e=горло; горлышко (бутылки, сосуда); жерло; ущелье (въ горахъ); желобокъ (въ блокѣ); коромысло (у водоносцевъ) и др.; é c h o u e r=сѣсть на мель; терпѣть неудачу; r e p a r t i r=опять отправляться; возражать, отвѣчать; *нѣм.* die F e d e r=перо, султанъ; стиль; пружина; a u f z i e h e n=натягивать (струны), натянуть (о пластырѣ); заводить (часы); вытаскивать (воду изъ колодца); тянуть вверхъ, втаскивать; воспитывать; насмѣхаться, издѣваться; *англ.* b o d y=тѣло; вещество; человѣкъ; корпорація, общество; собраніе; корпусъ (воен.); сводъ законовъ; главная часть чего—стволъ дерева, лифъ у платья и др.

значеніе и морфологическій составъ этихъ словъ (в-кусъ, за-быть и т. п.) уже не чувствуется. Такимъ образомъ при опрощеніи связь слова съ родственными ему словами утрачивается, вслѣдствіе чего оно обособляется отъ нихъ.[1]) Во многихъ словахъ опрощеніе еще не произошло и они, имѣя цѣлостное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ связь съ другими родственными по морфологическимъ частямъ словами; такъ, напр. слово „столикъ" связывается съ цѣлою группою словъ, родственныхъ по корню (напр. *стол*овый, *стол*ьникъ и т. д.) и суффиксу (напр. руб*ик*ъ, штоф*ик*ъ и т. п.). Здѣсь мы видимъ явленіе антагонизма или борьбы между ассоціаціею по смежности (=связь слова съ его цѣлостнымъ значеніемъ) и ассоціаціею по сходству (=связь морфологическихъ частей того же слова съ другими родственными образованіями). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль цѣлостное (реальное) значеніе, то въ этомъ направленіи и совершается измѣненіе, т. е. морфологическій составъ многихъ словъ, благодаря употребленію ихъ, перестаетъ чувствоваться, при чемъ слова становятся простыми символами представленій, и такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія въ нихъ выступаетъ значеніе *реальное*. Нѣкоторыя обстоятельства особенно благопріятствуютъ утвержденію опрощенія словъ; такъ, въ словѣ могутъ произойти звуковыя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ оно можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что уже не можетъ ассоціироваться съ ними (срв. *оскомина* || *щем*ить; *кон*ецъ || на*чал*о и т. п.); далѣе, могутъ выйти изъ употребленія родственныя слова, вслѣдствіе чего

---

[1]) Примѣры словъ съ опрощеніемъ можно въ изобиліи привести также изъ родственныхъ языковъ; срв. нѣм.: der Vorrat «запасъ», die Verfassung «государственное устройство, конституція», allerhand «всякій, разнаго рода», ersuchen «просить», begehen «совершать», bekommen «получать», и т. д.

данное слово становится одинокимъ и уже не разлагается (срв. *кольцо*, первоначально уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія). Такимъ образомъ слова, *въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени* разлагавшіяся на морфологическія части, *въ умахъ индивидуумовъ послѣдующаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) уже не разлагаются, становятся простыми. Воспріятіе словъ съ сложнымъ морфологическимъ составомъ въ качествѣ простыхъ въ особенности падаетъ на періодъ *дѣтства* (т. е. на долю каждой новой генераціи), благодаря преимущественной роли въ этомъ возрастѣ *ассоціаціи по смежности*, посредствомъ которой устанавливается тѣсная связь образа или представленія съ его названіемъ какъ простымъ символомъ. Такимъ путемъ слова, новообразованныя предшествовавшею генераціею, у которой они чувствовались въ своемъ морфологическомъ составѣ, могутъ стать простыми для чутья слѣдующей генераціи. Морфологическое опрощеніе ведетъ къ возникновенію въ языкѣ *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ префикса и корня (напр. по-долъ, по-суда, по-ясъ, в-кусъ, за-дача, за-быть и т. п.), или же корня и суффикса (кольц-о, палк-а, песк-омъ и т. п.); вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна въ чутьѣ морфологическаго состава словъ. [1]) Слова, въ которыхъ произошло опрощеніе, могутъ распростра-

---

[1]) Какъ значительна можетъ быть такая перемѣна въ морфологическомъ чутьѣ, покажемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ словѣ «пріятель» первоначальнымъ корнемъ было звукосочетаніе *при-*, какъ это видно изъ сравненія съ санскритомъ (скт. *priyás* «другъ»), теперь же это сочетаніе для непосредственнаго чутья представляется скорѣе префиксомъ, подобно слову «пріят-ный», съ которымъ слово «пріятель» ошибочно чувствуется даже какъ будто въ родствѣ; другимъ примѣромъ можетъ служить слово «поясъ»: здѣсь, наоборотъ, первоначальнымъ корнемъ является вторая половина слова—*jac-* (срв. зд. yāsta- «опоясанный»=греч. ζωστός), тогда какъ теперешнее морфологическое чутье склонно искать корень въ начальномъ сочетаніи этого слова, т. е. *поj* [ясъ]; въ словѣ «сутки» корень—*тк* (ст.-сл. тък), а *су*—префиксъ; и др.

няться новыми префиксами и суффиксами, напр. забыть<перезабыть, вкусъ<вкусный и т. п. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто реальному значенію слова, представляетъ *огромную экономію и важность для мысли*; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

б) *Переразложеніе.* Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію явленія, называемаго переразложеніемъ и состоящаго въ томъ, что слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени.

Начнемъ съ переразложенія между *основою* и *окончаніемъ*. Примѣромъ переразложенія такого рода могутъ служить формы *женамъ*, *женами*, *женахъ*, которыя первоначально разлагались на основу и окончаніе не такъ, какъ теперь, а именно въ нихъ *а* принадлежало къ основѣ: жена-мъ, жена-ми, жена-хъ. [1]) Но такъ какъ этотъ гласный повторялся передъ окончаніями и всѣхъ другихъ словъ того же склоненія (ры*ба*-мъ, рук*а*-мъ и т. п.), то онъ сталъ чувствоваться принадлежностью флексіи, и потому первоначальныя основы, кончавшіяся гласными, стали уже оканчиваться согласнымъ звукомъ, т. е. напр. жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ. Закрѣпленію такого морфологическаго дѣленія могло способствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ первоначальный тематическій гласный, сливаясь съ окончаніемъ, измѣнился до неузнаваемости (срв. жен*у*, гдѣ *у*=ст.-сл. ѫ и восходитъ къ

---

[1]) Такіе гласные, первоначально оканчивавшіе собою основу или *тему*, называются въ сравнительной грамматикѣ *тематическими*; въ склоненіи муж. рода (напр., срв. Твор. ед. «рабомъ»), такимъ тематическимъ гласнымъ былъ *о*, и т. п.

ae. *-ām), а потому его какъ бы не стало въ основѣ. Что дѣйствительно такое переразложеніе наступило, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя окончанія *-амъ*, *-ами* и *-ахъ* въ русскомъ языкѣ распространились по аналогіи и на всѣ прочія склоненія (срв. въ муж. р. раб*ахъ* || ст.-сл. рабъ-ѣхъ, въ ср. р. дѣл*ихъ* || ст.-слав. дѣл-ѣхъ и пр.). Подобное же *сокращеніе основъ въ пользу окончаній* произошло и въ наст. времени глаголовъ; напр. *несетъ*, *несемъ* первоначально морфологически разлагались на несе-тъ, несе-мъ, а впослѣдствіи тематическій гласный отошелъ къ окончанію, т. е. нес-етъ, нес-емъ; также въ прош. вр. и неопр. накл. гласный основы перешелъ къ окончанію, напр. въ формахъ на *-алъ*, *-атъ*, *ѣлъ* и т. д.

Процессъ переразложенія наблюдается также въ области *суффиксовъ* при производствѣ словъ, при чемъ звуки, которые въ производящемъ словѣ заканчивали основу, отходятъ къ вновь прибавляемому суффиксу; напр., когда отъ прилагательныхъ на *-ный* образуются существительныя на *-икъ*, то всѣ эти производныя слова, имѣя передъ своимъ суффиксомъ согласный *н*, ассоціируются между собою уже по сходству новаго суффикса *-никъ* (напр. озор-н-ой<озор-никъ, охот-н-ый<охот-никъ); подобнымъ же путемъ развились новые суффиксы *-щикъ*, *-ильникъ*, *-альщикъ*, *-овщикъ* и т. п., могущіе затѣмъ получать особые оттѣнки значенія и употребляться независимо отъ первоначальныхъ условій возникновенія. Болѣе разросшіеся суффиксы, естественно, образовались въ языкѣ позже по сравненію съ болѣе простыми.

Переразложеніе между *предлогами* (или *префиксами*) и *корнемъ* встрѣчается сравнительно рѣдко. Сюда надо отнести возникновеніе *н* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица : его || *н*его, ему || *н*ему и пр.; начальное *н* вторыхъ формъ первоначально принадлежало тремъ предлогамъ—*съ*, *въ*, *къ*, которые оканчивались имъ; но такъ какъ это *н* удерживалось только

въ положеніи передъ начальными гласными или j слѣдующаго слова, передъ согласными же не сохранялось, то постоянною частью нашихъ предлоговъ стали комплексы безъ *н*, т. е. *въ*, *съ* и *къ*, съ которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этимъ предлогамъ, конечное же *н* въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживалось, стало чувствоваться принадлежащимъ слѣдующей мѣстоименной формѣ; путемъ же аналогіи формы съ начальнымъ *н* стали употребляться и послѣ всѣхъ прочихъ предлоговъ, напр. *о нем*ъ и т. п. Отдѣленіе *н* отъ предлога произошло также при существительныхъ—*н*утрь, *н*утро (срв. утроба), *сн*ѣдь (срв. ѣда). Аналогичнаго происхожденія *н* въ глаголахъ в*н*ушить, в*н*имать (а путемъ аналогіи—по*н*имать и пр.), *сн*ѣдать (срв. съѣдать). Такимъ образомъ старое объясненіе разсматриваемаго *н* благозвучіемъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ это *н* имѣетъ этимологическое основаніе. [1]) Къ примѣрамъ переразложенія между корнемъ и предлогомъ нужно отнести также простонародное произношеніе „овторникъ", „Аршава" и т. п., объясняющееся слѣдующимъ образомъ. Въ русскомъ языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще въ полной формѣ съ бѣглымъ *о*, напр. въ || во, надъ || надо и пр.; въ своей краткой формѣ эти предлоги являются передъ формами, начинающимися съ гласнаго звука или простаго согласнаго (напр. въ *о*гонь, въ *А*рхангельскъ, въ *В*аршаву), а при формахъ, начинающихся двумя согласными, являются въ полномъ видѣ (напр. во *ат*орникъ). Отсюда возникли слу-

---

[1]) Вопросъ этотъ былъ подробно изслѣдованъ и объясненъ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ въ статьѣ «О такъ называемой «эвфонической вставкѣ» согласнаго *н* въ славянскихъ языкахъ», см. его Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки, вып. I, Воронежъ 1877 (отд. отт. изъ «Филологическихъ Записокъ»), стр. 17—53. Ему же принадлежитъ и столь важное въ морфологіи обобщеніе о сокращеніи основъ въ пользу окончаній въ аріо-европейскихъ языкахъ.

чайныя совпаденія выраженій по начальнымъ звукамъ: *во* вторникъ и *въ* огонь, *въ* Архангельскъ и *въ* Варшаву (гдѣ вмѣсто *вв* можетъ слышаться простое *в*) и т. п.; а эти совпаденія повели къ неправильному разложенію путемъ пропорціональной аналогіи:

*во*гонь : *о*гонь=*во*вторникъ : *x*
x=*о*вторникъ;
*ва*рхангельскъ : *а*рхангельскъ=*ва*ршаву : *x*
x=*а*ршаву.

в) *Аналогія.* Такъ какъ въ предъидущемъ намъ уже не разъ приходилось объяснять языковыя явленія посредствомъ аналогіи, то здѣсь будетъ достаточно коснуться лишь сущности этого процесса. Нерѣдко случается, что значеніе, свойственное какой-либо морфологической части, выражается не однимъ, а двумя и болѣе символами (звуковыми комплексами), напр. 3 л. мн. ч. въ настоящемъ времени имѣетъ два окончанія -утъ (-ютъ) и -атъ (-ятъ). Можетъ случиться, что идея значенія не одинаково тѣсно связана съ каждымъ изъ этихъ символовъ, вслѣдствіе неодинаковой частоты ихъ употребленія или неодинаковой выразительности; тогда одинъ изъ символовъ будетъ прочнѣе связываться съ идеей значенія, вслѣдствіе чего будетъ вызываться и тамъ, гдѣ прежде употреблялся другой, напр. окончаніе *-утъ* (*-ютъ*), въ случаѣ неударенности, вытѣснило собою въ живой рѣчи окончаніе *-атъ* (*-ятъ*), срв. произношеніе „держ*утъ*“, „ход*ютъ*“. Про такіе случаи и выражаются, что въ нихъ одна морфема замѣнена другою „по аналогіи“. Въ народныхъ говорахъ явленія аналогіи возникаютъ съ большею легкостью по сравненію съ литературнымъ языкомъ, благодаря отсутствію сдерживающаго вліянія со стороны письменной традиціи. Если обратимся къ дѣтской рѣчи, то увидимъ, что ребенокъ выучивается склонять и спрягать не каждое слово отдѣльно, но и самъ создаетъ формы по-

аналогіи съ тѣмъ, что уже знаетъ, при чемъ естественно у него могутъ быть и ошибки. Нѣкоторыя изъ такихъ ошибочныхъ образованій, приспособленныя къ строю языка, путемъ подражанія могутъ получить болѣе широкое распространеніе и утвердиться въ языкѣ; такимъ образомъ они представляютъ собою задатокъ будущихъ перемѣнъ въ языкѣ.

г) *Дифференціація* (различеніе). Въ умѣ говорящихъ могутъ вырабатываться новые оттѣнки значенія, еще не имѣющіе въ языкѣ особаго выраженія; а такъ какъ языку присуще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки имѣли по возможности особое обозначеніе, то можетъ случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ произойдетъ „дифференціація" морфемъ. Типичные примѣры дифференціаціи встрѣчаемъ въ склоненіи существительныхъ муж. рода, напр. дифференціація по оттѣнку значенія окончаній Р. ед. *-а* и *-у*, срв. выраженія: „цвѣтъ снѣга" || „много снѣгу",—во второмъ случаѣ Род. пад. съ окончаніемъ *-у* какъ въ названіи вещественномъ, зависящемъ отъ слова, обозначающаго количество. Дѣйствіе фактора дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи; мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя бы эти окончанія и не были дифференцированы между собою по смыслу, но они дифференцированы внѣшнимъ образомъ—по типамъ склоненія или спряженія, и чѣмъ съ большимъ удобствомъ для памяти имѣется такая внѣшняя дифференціація, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи.

Части рѣчи. Мы уже упоминали, что слова группируются въ тѣ наиболѣе крупные морфологическіе разряды, которые извѣстны подъ названіемъ *частей рѣчи.* При класси-

фикаціи частей рѣчи нужно имѣть въ виду какъ сторону значенія ихъ, такъ и сторону словоизмѣненія, а кромѣ того необходимо обратить вниманіе на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ, что въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно игнорируется, при чемъ всѣ части рѣчи ставятся на одну линію. Говоря о значеніи, должно замѣтить, что одни слова имѣютъ полное собственное значеніе, носителемъ котораго, какъ мы знаемъ, служитъ основа, соединяющаяся съ соотвѣтствующими окончаніями (напр. дуб-омъ, бѣл-ый, ст-о, мн-ою, дѣл-аю, умн-о), другія же слова не имѣютъ собственнаго значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ основы, и служатъ въ своемъ цѣломъ лишь для показанія разнаго рода отношеній въ предложеніи между словами съ собственнымъ значеніемъ или также между предложеніями (напр. *при*, *но*). Слова перваго отдѣла мы можемъ назвать *полнозначными* или *словами съ собственнымъ значеніемъ*, а слова втораго отдѣла *словечками отношеній* или *частицами*; [1]) съ точки же зрѣнія словоизмѣненія первыя можно назвать *измѣняемыми* частями рѣчи, а вторыя—*неизмѣняемыми*.

Въ отдѣлѣ словъ съ полнымъ собственнымъ значеніемъ одни слова болѣе самостоятельны, другія же подчиняются имъ, такъ какъ служатъ опредѣленіемъ ихъ. Слова съ самостоятельнымъ собственнымъ значеніемъ дѣлятся на 1) слова, служащія для обозначенія предметовъ (или точнѣе—бытій) и ихъ представленій въ нашемъ умѣ, и 2) слова, служащія для обозначенія дѣйствій и ихъ представленій въ нашемъ умѣ. Къ этимъ двумъ обширнымъ категоріямъ словъ нужно присо-

---

[1]) Въ русскихъ грамматикахъ этому дѣленію въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣленіе частей рѣчи на главныя или знаменательныя и служебныя, въ нѣмецкихъ грамматикахъ—Begriffswörter и Formwörter. Весьма типичны соотвѣтствующіе термины въ китайскихъ грамматикахъ—слова полныя и пустыя.

единить 3) отдѣльныя слова, служащія для личныхъ указаній 1-го и 2-го лица, противополагающихся остальному міру предметовъ, обозначаемому 3-мъ лицомъ. Этимъ тремъ категоріямъ словъ отвѣчаютъ грамматическіе термины: 1) *имя существительное*, 2) *глаголъ* и 3) *личное мѣстоименіе*. По характеру словоизмѣненія имена существительныя, какъ названія предметовъ, и мѣстоименія, какъ личныя указанія предметовъ, рѣзко отличаются отъ глагола: первыя измѣняются для показанія отношеній предметовъ къ дѣйствіямъ и между собою, и такое измѣненіе называется склоненіемъ; глаголъ же измѣняется для показанія способа и времени дѣйствія, а также для показанія отношенія дѣйствія къ подлежащему извѣстнаго лица и числа, и такое измѣненіе называется спряженіемъ. Семазіологическому различію между существительными и личными мѣстоименіями соотвѣтствуютъ нѣкоторыя различія въ области ихъ словоизмѣненія, какъ напр. отсутствіе категоріи рода въ личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица и нѣкоторыя особыя падежныя окончанія.

Переходя къ словамъ съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющимъ полной самостоятельности, прежде всего замѣтимъ, что они распадаются на двѣ группы: относящіяся къ существительному и относящіяся къ глаголу. Части рѣчи, являющіяся придаточными къ существительному, служатъ для опредѣленія послѣдняго 1) относительно качества, 2) относительно числа и 3) относительно указанія; соотвѣтственно этому они распадаются на *имена прилагательныя*, *имена числительныя* и *мѣстоименія опредѣлительно-указательныя*. Входящія въ составъ этой группы части рѣчи придаются къ существительному, что̀ выражается внѣшнимъ образомъ въ *согласованіи* ихъ съ существительнымъ. Аналогичныя опредѣленія могутъ быть и къ глаголу (напр. хорошо, дважды, тамъ), и они имѣютъ общее названіе—*нарѣчія*. Къ придаточнымъ частямъ рѣчи, имѣющимъ собственное значеніе, слѣдуетъ еще отнести

причастія, представляющія собою образованія прилагательныхъ отъ глагола съ удержаніемъ нѣкоторыхъ глагольныхъ свойствъ и занимающія какъ бы посредствующее положеніе между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ, и *дѣепричастія*, представляющія собою образованія нарѣчій по причастіямъ.

Перечисленныя нами знаменательныя части рѣчи не представляютъ собою совершенно обособленныхъ категорій, но часто отъ одной части рѣчи или—точнѣе—отъ ея основы образуется другая часть рѣчи путемъ распространенія соотвѣтствующимъ суффиксальнымъ элементомъ, какъ на это уже указывалось выше при разсмотрѣніи словопроизводства (напр. бѣлый<бѣлякъ, бѣлить, бѣло́, бѣлѣющій, бѣлая; богатый<богатство, богатѣть, богато, разбогатѣвшій, разбогатѣвъ; свой< своякъ, свойственный, усвоить, по-свойски и т. д.).

Говоря о частяхъ рѣчи знаменательныхъ или имѣющихъ собственное значеніе, носителемъ котораго является основа, нужно еще замѣтить, что полное свое значеніе, представляемое не только основою, но вмѣстѣ и окончаніемъ, онѣ получаютъ лишь въ предложеніи, становясь членами предложенія.

Что касается словъ или словечекъ, не имѣющихъ полнаго собственнаго значенія и не составляющихъ въ предложеніи особыхъ членовъ, то сюда относятся *предлоги* и *союзы*. Нѣкоторыя словечки съ пониженною знаменательностью не подходятъ ни подъ ту, ни подъ другую изъ указанныхъ группъ, а потому могутъ быть просто называемы *частицами* или *частичками*, напр. *ли*, *же*, *бы* и т. п.

Кромѣ указанныхъ словъ и словечекъ, мы должны еще назвать *междометія*, которыя служатъ выраженіемъ нашихъ эмоціональныхъ состояній.

Все вышеизложенное о частяхъ рѣчи мы можемъ резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, относящіяся къ области умствен. представленій:			Восклицанія, относящіяся къ области эмоціональной:
Слова съ собств. знач.:		Слова безъ собств. значен.:	
Самостоят:	Подчиненныя:		
1) Существ.:	*а) Прилагательныя (также—прич.). б) числительныя. в) опред.-указат. мѣстоименія*	*1) Предлоги. 2) Союзы. 3) Частички,* не подходящія подъ предъидущіе два разряда.	*Междометія*
2) Лич. мѣст.			
3) Глаголъ.	*Нарѣчія (также —дѣепричастія).*		

То разнообразіе частей рѣчи, какое мы теперь видимъ въ русскомъ языкѣ, конечно, развилось не сразу; однако изслѣдованіе возникновенія и перваго развитія ихъ лежитъ далеко за предѣлами русской грамматики, ибо, какъ показываетъ сравнительная грамматика, уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали въ главномъ тѣ части рѣчи, какія находимъ теперь; въ теченіе же обособленной жизни языковъ нашего семейства произошелъ рядъ дальнѣйшихъ измѣненій въ сферѣ этихъ частей рѣчи, представляющій особенности въ разныхъ вѣтвяхъ этого семейства; такъ, напр., въ прилагательныхъ еще въ славянскомъ праязыкѣ развилась рядомъ съ простою формою сложная, служащая въ современномъ русскомъ для отличія прилагательныхъ въ роли опредѣленія и сказуемаго, въ русскомъ глаголѣ наблюдаемъ потерю многихъ временныхъ формъ, но за то видимъ богатое развитіе видовыхъ оттѣнковъ и т. д.

Примѣчаніе. По причинѣ трудности дать точное опредѣленіе каждой части рѣчи, при начальномъ прохожденіи грамматики слѣдуетъ избѣгать такихъ опредѣленій, вдобавокъ не соотвѣтствующихъ и умственному развитію дѣтей. На первыхъ порахъ всего проще—знакомить учениковъ съ частями рѣчи по ихъ основному смыслу, оставляя пока въ сторонѣ формальную сторону; такъ, существительное будетъ характеризоваться какъ названіе предмета, прилагательное—какъ названіе качества и пр. При этомъ можно даже устранить обычные грамматическіе термины. Но при дальнѣйшемъ прохожденіи грамматики вводятся уже настоящіе грамматическіе термины и присоединяются къ смысловымъ также формальные признаки частей рѣчи, т. е. указываются различія словоизмѣненія, связанныя съ опредѣленными частями рѣчи; напр., по ознакомленіи со склоненіемъ такихъ словъ, какъ «столъ» и т. п., переходятъ къ склоненію такихъ словъ, какъ «черный», и ученики замѣтятъ особенность склоненія, какъ и то, что эти послѣднія слова склоняются совмѣстно съ существительными. Когда будетъ проходиться такое словоизмѣненіе, какъ «несу», «несешь» и пр., ученики легко ознакомятся съ внѣшнимъ признакомъ глагола—способностью къ спряженію. Такимъ образомъ понятія о частяхъ рѣчи станутъ у нихъ болѣе полными, содержа кромѣ смысловыхъ различій и формальныя. Теперь ученикамъ будутъ доступны уже и болѣе полныя грамматическія опредѣленія частей рѣчи, т. е. съ указаніемъ признаковъ какъ смысловыхъ, такъ и формальныхъ.

Глава VII.

Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія.

Обычное школьное опредѣленіе имени существительнаго, что оно есть названіе всякаго предмета, вполнѣ понятно, пока рѣчь идетъ о такихъ названіяхъ, какъ: *столъ*, *стулъ*, *лошадь*, *гусь* и т. п. Но къ категоріи именъ существительныхъ относятся также слова въ родѣ: *краснота*, *ходьба* и т. п. Едва ли мы будемъ говорить о нихъ, какъ о названіяхъ предметовъ, скорѣе скажемъ, что словомъ „краснота" обозначается нѣкоторое качество, а словомъ „ходьба" — нѣкоторое дѣйствіе. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, какая же разница между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, между существительнымъ и глаголомъ.

Остановимся сначала на самомъ простомъ случаѣ, на названіяхъ въ родѣ—„столъ". Не достаточно сказать, что это названіе служитъ для обозначенія извѣстнаго предмета. Кромѣ этой объективной стороны есть еще субъективная. Слово „столъ" служитъ обозначеніемъ соотвѣтствующаго умственнаго акта—нашего представленія даннаго предмета: мы можемъ говорить и думать о столѣ, не видя его, а лишь имѣя въ умѣ представленіе или идею этого предмета. Идея стола—сложная и образовалась въ нашемъ умѣ изъ массы ощущеній, полу-

ченныхъ нами въ теченіе жизни и относящихся къ данному классу предметовъ. Въ сложную идею стола привходятъ, въ качествѣ частныхъ, идеи величины, формы, цвѣта, твердости и т. д. Возможно, что изъ массы частныхъ идей стола мы обратимъ особенное вниманіе на одну какую-либо, положимъ, на признакъ красноты. Въ этомъ случаѣ мы назовемъ сложное или цѣлое представленіе и его частное. Названіе послѣдняго будетъ имя прилагательное. Вполнѣ понятна связь частнаго представленія со своимъ сложнымъ. Въ сферѣ языка эта связь выражается согласованіемъ прилагательнаго съ существительнымъ: красный столъ, красная доска и т. п. [1]) Одно и то же частное представленіе можетъ входить въ составъ многихъ различныхъ сложныхъ представленій и потому простое или частное представленіе можетъ мыслиться и какъ самостоятельное или независимое. Въ такомъ случаѣ его названіе, получивши нѣкоторое отличіе посредствомъ соотвѣтствующаго суффикса, становится существительнымъ, при чемъ это послѣднее обозначаетъ собою уже не сложную идею, но простую, напр.: красн-*ота* и т. п. Впрочемъ иногда прилагательныя становятся существительными безъ присоединенія особаго суффикса; напр., слова *мастеровой*, *полицейскій*, *столовая* и т. д., хотя по формѣ и прилагательныя, но, употребляясь безъ существительнаго, они въ силу значенія становятся существительными. Разъяснимъ нѣсколько подробнѣе эти примѣры. Существительное „мастеровой“ получилось изъ выраженія „мастеровой человѣкъ“. Выраженіе это обозначаетъ собственно одно цѣльное субстантивное представленіе, и когда слово

---

[1]) Англійскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи особенность: въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Также дѣло обстоитъ въ турецко-татарскихъ языкахъ съ тою однако существенною разницею, что въ нихъ такое состояніе первично, тогда какъ въ англійскомъ вторично.

человѣкъ въ данномъ выраженіи опускается, то представленіе остается все то же, т. е. субстантивное. Подобнымъ же образомъ слово „столовая“ (собственно прилагат. женск. р.) чаще всего употребляется въ соединеніи съ существительнымъ *комната*, такъ что наконецъ это послѣднее опускается, при чемъ слово „столовая“, хотя по формѣ и остается по прежнему прилагательнымъ, но по своему значенію становится существительнымъ, такъ какъ означаетъ то, что прежде выражалось посредствомъ прилагательнаго + существит. [1]) Отсюда слѣдуетъ, что идея такихъ существительныхъ, какъ *мастеровой*, *столовая* и проч., въ противоположность такимъ, какъ *красота*, будетъ уже болѣе сложной вслѣдствіе подразумѣваемаго существительнаго.

Многія, существительныя, подобно глаголамъ, обозначаютъ дѣйствіе, напр. *ходьба*, *чтеніе* и т. п. Разница между такими существительными и соотвѣтствующими глаголами (срв. *хожу* || *ходьба*, *читаетъ* || *чтеніе* и т. п.) заключается въ томъ, что глаголы обозначаютъ дѣйствіе въ его совершеніи, т. е. съ оттѣнкомъ времени, лица и числа, между тѣмъ какъ въ существительныхъ (ходьба, чтеніе и пр.) уже не встрѣчаемъ указанныхъ оттѣнковъ: такія существительныя обозначаютъ простое представленіе дѣйствія, благодаря имъ дѣйствіе какъ бы опредмечивается и мы мыслимъ его какъ нѣчто самостоятельное, какъ бы бытіе.

---

[1]) Что касается самаго пропуска существительнаго, то подобное явленіе наблюдается очень нерѣдко въ повседневной рѣчи, когда существительное не договаривается, напр. «вы пьете крѣпкій или слабый (т. е. чай)?» и т. п. Мы видимъ здѣсь пропускъ существительнаго, легко подразумѣваемаго по обстоятельствамъ разговора, тогда какъ прилагательное необходимо для различеній. Разница съ ранѣе разсмотрѣнными случаями та, что здѣсь явленіе временное, а тамъ оно стало уже постояннымъ.

Такія существительныя, какъ *столъ*, *лошадь*, которымъ въ объективномъ мірѣ соотвѣтствуютъ воспринимаемые помощію нашихъ чувствъ предметы, называются конкретными, а такія какъ *краснота*, *ходьба*—умственными или отвлеченными (абстрактными). Однако было бы точнѣе назвать первые *конкретно-умственными*, такъ какъ и предметамъ конкретнымъ соотвѣтствуютъ въ нашемъ умѣ представленія (умственные акты); въ соотвѣтствіи съ этимъ терминомъ послѣднія можно назвать *абстрактно-* или *чисто-умственными*. Впрочемъ конкретность и абстрактность не являются въ языкѣ чѣмъ-либо постояннымъ; такъ, весьма часто одно и то же слово въ одномъ своемъ значеніи бываетъ абстрактнымъ, а въ другомъ—конкретнымъ, что̀ получается въ языкѣ или вслѣдствіе того, что нерѣдко слова съ абстрактнымъ значеніемъ получили еще и конкретное подъ вліяніемъ ассоціацій смежности (напр. питьё = *абстр.*—именное названіе дѣйствія, *конкрет.*—то, что̀ пьется), или же—наоборотъ—слова съ конкретнымъ значеніемъ могутъ стать еще и отвлеченными, переносясь въ силу ассоціацій сходства съ конкретныхъ предметовъ на явленія міра умственнаго и духовнаго (напр. плодъ, корень, пылъ и т. п.).

Имена существительныя конкретныя, какъ обозначающія настоящіе предметы, подраздѣляются на *нарицательныя* и *собственныя*: первыя служатъ для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ одного и того же класса (человѣкъ, волкъ, дерево, домъ и пр.), вторыя—для обозначенія единичныхъ предметовъ того же класса (Викторъ, Петербургъ). Обыкновенно существительныя *собственныя* происходятъ изъ нарицательныхъ такимъ путемъ, что послѣднія принимаютъ (иногда съ прибавленіемъ особаго суффикса) новое индивидуальное значеніе, подъ вліяніемъ представляющейся въ томъ

необходимости, какъ напр. при названіи лицъ и мѣстностей срв. Владиміръ, Торжокъ и т. п.). [1])

Какъ нарицательныя, такъ и собственныя имена существительныя распадаются на *одиночныя* и *собирательныя*, при чемъ одиночныя примѣняются къ отдѣльнымъ предметамъ (человѣкъ, Викторъ и проч.), а собирательныя обозначаютъ цѣлое собраніе однородныхъ предметовъ, представляющихся уму какъ одно цѣлое (лѣсъ, стадо, Мордва, Чудь и т. п.). Существительныя *собирательныя* по происхожденію своему или представляютъ самостоятельныя слова для выраженія сообщества существъ и предметовъ, напр. *толпа*, *стадо*, *стая*, *лѣсъ*, *куча*, или же происходятъ отъ одиночныхъ путемъ распространенія названія на все сообщество такихъ предметовъ (напр. слово *боръ* первоначально означало сосну, а затѣмъ хвойный лѣсъ), иногда съ присоединеніемъ соотвѣтствующаго суффикса, напр. сосна<сосн*я́къ* (обл. также сосн*я́гъ*), береза< бер*е́зникъ*. [2])

Далѣе, существительныя конкретныя служатъ для обозначенія или *одушевленныхъ* предметовъ или же *неодушевленныхъ*. Предметы одушевленные представляютъ собою два естественныя различія рода—*мужескій родъ* и *женскій*, названія же этихъ предметовъ принимаютъ различныя окончанія соотвѣтственно роду, напр. братъ, волкъ || сестр*а*, волчиц*а*. Названія неодушевленныхъ предметовъ, хотя и представляютъ также различія мужескаго и женскаго рода (напр. садъ || вод*а*),

---

[1]) Кромѣ того, въ повседневномъ разговорѣ многія нарицательныя имена становятся какъ бы собственными, когда одного нарицательнаго имени въ связи съ обстоятельствами рѣчи достаточно для того, чтобы слушающій догадался, о которомъ именно предметѣ идетъ рѣчь. Особенно много примѣровъ можетъ представить понимаемый съ полуслова семейный разговоръ.

[2]) Нѣмецкій языкъ, какъ мы видѣли, въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко пользуется сложными словами; напр., срв. der Birken*wald*=березникъ, die Erd*beeren*=земляника.

но это различіе—чисто внѣшнее, грамматическое, опирающееся лишь на различіе окончаній. [1]) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, при всемъ кажущемся сходствѣ по окончанію между названіями предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ одного и того же рода, русскій языкъ выработалъ одно грамматическое различіе, указывающее на принадлежность имени одушевленному или же неодушевленному предмету, особенно въ словахъ мужескаго рода: въ нихъ Вин. падежъ ед. ч. сходенъ съ Род. падежомъ того же числа, когда они обозначаютъ предметы одушевленные (напр. Вин. и Род.—человѣк*а*), и съ Имен.—когда обозначаютъ предметы неодушевленные (напр. садъ); во множественномъ же числѣ это различіе, т. е. одинаковость Вин. съ Родит. (въ названіяхъ предметовъ одушевленныхъ) или же съ Имен. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ), проводится во всѣхъ родахъ. Каковъ бы ни былъ путь образованія въ русскомъ языкѣ этого формальнаго различія, но важенъ фактъ его существованія.

Теперь возникаетъ интересный вопросъ, что́ нѣкогда побудило говорившихъ отнести названія однихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. столъ, садъ) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ мужескаго пола, а названія другихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. нога, вода) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ женскаго пола? При выясненіи этого вопроса мы не выйдемъ за

---

[1]) Замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ грамматическій родъ существительнаго какъ бы закрѣпленъ за названіемъ извѣстнаго неодушевленнаго предмета, тогда какъ въ первомъ случаѣ наблюдается нерѣдко производство именъ женскаго рода отъ именъ мужескаго рода для соотвѣтствующаго пола одушевленныхъ предметовъ (купецъ<купч*иха*, аптекарь<аптекар*ша*, шалунъ<шалун*ья*, медвѣдь<медвѣд*ица* и проч.).

предѣлы фактовъ, если скажемъ, что подобное зачисленіе въ категорію мужескаго или женскаго рода происходило частію въ силу усматривавшихся въ неодушевленномъ предметѣ характерныхъ чертъ того или другаго пола, частію же въ силу того, что между самими неодушевленными предметами замѣчалось какое-либо сходство, которое могло заставить отнести названіе новаго предмета къ одному роду съ прежде зачисленными. Но какіе именно моменты заставляли причислить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неодушевленные предметы къ тому или другому роду,—вопросъ этотъ для удовлетворительнаго рѣшенія потребовалъ бы весьма сложнаго сравнительно-историческаго изслѣдованія по всѣмъ языкамъ аріо-европейскаго семейства.

Однако названія не всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ были подведены подъ категоріи муж. и женск. рода, нѣкоторыя остались не подведенными, составивъ особую группу, называемую безъ всякаго основанія среднимъ родомъ, хотя точнѣе было бы назвать *неродовою.* [1]) Любопытно, что къ данной категоріи относятся также названія нѣкоторыхъ одушевленныхъ предметовъ, какъ напр. *дитя*, или въ старо-славянскомъ названія молодыхъ животныхъ (напр. жрѣбѧ, тєлѧ, прасѧ); названія этихъ предметовъ легко могли попасть въ неродовую категорію, такъ какъ въ этомъ случаѣ не представлялось существеннымъ отмѣтить различіе по естественному полу. Съ другой стороны можно указать такія существительныя, какъ—ребенокъ, теленокъ и т. п., которыя по своей формѣ принадлежатъ къ категоріи муж. рода, хотя бы соотвѣтствующіе

---

[1]) Нѣкоторые языки, какъ напр. романскіе и семитическіе, не знаютъ такой категоріи именъ и различаютъ только два рода въ существительныхъ —мужескій и женскій, а другіе языки, напр. англійскій и турецко-татарскіе совсѣмъ не имѣютъ въ существительныхъ родовыхъ различій.

предметы по своему естественному полу и не подходили къ этой категоріи. [1])

Существительныя абстрактныя, подобно названіямъ предметовъ неодушевленныхъ, имѣютъ грамматическій родъ, напр. *раздѣлъ*—муж., *ходьба*—жен., *чтеніе*—средн.

Затѣмъ, имена существительныя представляютъ еще различія количественныя; это—такъ называемыя *единственное* и *множественное число*. [2]) Не всѣ однако существительныя имѣютъ оба числа, есть такія существительныя, которыя являются въ формѣ одного только числа—единственнаго или же множественнаго. Къ категоріи существительныхъ, имѣющихъ лишь единственное число, естественно относятся имена *собственныя* (Петербургъ), далѣе—нѣкоторыя конкретныя имена съ *собирательнымъ значеніемъ* (листва, добыча, навозъ, сажа, копоть), а также обозначающія *вещество* (золото, молоко), наконецъ—*абстрактныя* существительныя, представляющія собою субстантивныя названія качествъ и дѣйствій (красота, ходьба); [3]) къ категоріи же существительныхъ съ однимъ множественнымъ числомъ принадлежатъ названія такихъ предметовъ, которые хотя и мыслятся нами какъ одинъ предметъ, но въ представленіе которыхъ приходитъ идея пар-

---

[1]) Подобнымъ же чисто формальнымъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ относятся къ неродовой категоріи всѣ уменьшительныя на *-chen*, *-lein*, напр. Fräulein, Mütterchen, Brüderchen и т. п.

[2]) Въ старо-славянскомъ языкѣ, равно какъ и въ древне-русскомъ, было еще двойственное число, сохраняющееся доселѣ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ нарѣчій.

[3]) Абстрактныя имена съ видоизмѣненіемъ своего значенія въ сторону конкретности способны принимать форму мн. ч. (изученіе, изслѣдованіе и т. п.). Въ обыденномъ разговорѣ существительныя, употребляющіяся въ одномъ ед. ч., въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ принимать и мн. ч., какъ напр. въ выраженіяхъ угрозы (срв. фразы типа: «я тебѣ покажу Петербургъ» и т. п.).

ности или же множественности. Сюда относятся названія нѣкоторыхъ предметовъ *одежды* (брюки, помочи), предметовъ служащихъ для *ѣзды* (сани, дрожки, салазки), а также нѣкоторыхъ другихъ предметовъ *парнаго* симметричнаго строенія, напр. щипцы, ножницы, очки и т. п. Подъ идею множественности такъ или иначе можно подвести названія нѣкоторыхъ *пищевыхъ веществъ*, напр. сливки, дрожжи, отруби и т. д., а затѣмъ отглагольныя названія нѣкоторыхъ совмѣстныхъ *игръ*, напр. горѣлки, прятки, жмурки и т. п.; въ такихъ случаяхъ, какъ—похороны, крестины, поминки, роды и т. п.—имѣется въ виду множественность моментовъ, изъ которыхъ слагается дѣйствіе церемоніи или процесса. [1])

Категорія множественнаго числа имѣетъ кажущееся сходство съ категоріей существительныхъ собирательныхъ: и тутъ и тамъ обозначается множественность однородныхъ предметовъ. Разница между этими категоріями заключается въ слѣдующемъ. Существительныя собирательныя (collectiva) обозначаютъ сумму однородныхъ предметовъ какъ одно цѣлое и соот-

---

[1]) Если языки нашего семейства значительно совпадаютъ относительно существительныхъ, употребляющихся въ одномъ ед. ч. (срв. нѣмецкія соотвѣтствія приведеннымъ выше русскимъ примѣрамъ: das Laub=листва, die Beute=добыча, der Mist=навозъ, der Russ=сажа, копоть, das Gold=золото, die Milch=молоко, и т. д.), то гораздо меньше согласія относительно употребляющихся въ одномъ множ. ч., срв. нѣм.: der Schlitten=сани, die Brille=очки, die Scheere=ножницы, das Leichenbegängniss=похороны, и т. п.; при этомъ существительныя Schlitten, Brille и т. д. образуютъ также множ. число подобно обыкновеннымъ существительнымъ, тогда какъ слова «сани» и пр. естественно сохраняютъ ту же форму и для множ. числа (только съ прибавленіемъ числительныхъ къ этимъ именамъ оказывается въ русскомъ языкѣ одна особенность: числительныя берутся въ собирательной формѣ—*двое, трое, четверо* и пр.). Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльные языки согласны между собою также и относительно словъ, употребляющихся въ одномъ мн. ч., срв: нѣм. Ränke=происки, франц. les ciseaux=ножницы, les funérailles=похороны, и т. п.

вѣтственно этому имѣютъ форму единственнаго числа (стадо, тряпье, воронье), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ подобно обыкновеннымъ существительнымъ принимать и форму множественнаго числа, какъ напр. стадо—стадà, лѣсъ—лѣсà; категорія множественнаго числа не содержитъ въ себѣ такой идеи цѣлаго, но обозначаетъ простую множественность предметовъ. Кажущееся сходство существительныхъ собирательныхъ съ категоріей множественнаго числа могло быть поводомъ къ употребленію при существительномъ собирательномъ ед. ч., какъ подлежащемъ, сказуемаго во множ. числѣ, напр. въ древне-русскомъ языкѣ: „дружина моя сему смѣятися начнуть" (Лавр. лѣтоп. подъ 965 г.); „Чюдь даша плеща" [1]) (Новгор. лѣтоп. подъ 1242 г.).

Кромѣ измѣненій по числамъ, имена существительныя представляютъ еще измѣненія по падежамъ. Въ учебныхъ грамматикахъ обыкновенно насчитывается семь падежей (Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Звательный, Творительный и Предложный), тогда какъ въ дѣйствительномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи. Къ послѣднимъ нужно отнести падежъ *Исходный*, напр. и́зъ лѣсу; затѣмъ въ области такъ называемаго Предложнаго падежа [2]) нужно различать: *Мѣстный*—принимающій часто въ существительныхъ муж. р. окончаніе -у̀, напр. на дому̀; *Изъясни-*

[1]) даша плеша=побѣжали.

[2]) Наименованіе этого падежа Предложнымъ не точно въ томъ отношеніи, что съ предлогами могутъ соединяться въ русскомъ языкѣ всѣ падежныя формы, кромѣ Имен. и Зват; особенность же даннаго падежа, послужившая поводомъ къ наименованію его Предложнымъ, заключается въ томъ, что въ современномъ русскомъ языкѣ онъ не употребляется безъ предлога, хотя въ болѣе древнемъ языкѣ встрѣчался и въ безпредложномъ употребленіи, при чемъ онъ имѣлъ мѣстное значеніе, напр. «заложи Володимеръ сѵ̃тую Соѳью *Новѣгородѣ*» (Лавр. лѣтоп. подъ 1045 г.).

тельный—въ тѣхъ же существительныхъ съ окончаніемъ -ѣ, напр. о домѣ; для Винит. падежа срв. во множ. числѣ различіе смысла такихъ выраженій, какъ—въ солдаты || въ солдатъ, въ гости || въ гостей (въ первомъ случаѣ формы получили общее безлично-собирательное значеніе, а во второмъ—личное или партитивное); и др. Такъ какъ значеніе падежныхъ оттѣнковъ выступаетъ полностью въ связной рѣчи, то детальное разсмотрѣніе ихъ относится къ синтаксису.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о существованіи *члена* въ русскомъ языкѣ. Это многимъ можетъ показаться страннымъ, тѣмъ болѣе что школьная грамматика даже и не упоминаетъ о немъ, на самомъ же дѣлѣ въ русскомъ языкѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ языкамъ, существуетъ членъ, развившійся изъ указательнаго мѣстоименія *тъ* (т. е. тотъ), *та*, *то*. Развитіе члена въ русскомъ языкѣ, какъ и въ иностранныхъ, произошло путемъ *пониженія знаменательности* указательнаго мѣстоименія, которое лишилось прежней самостоятельности и стало лишь придаткомъ существительнаго, сообщая ему бо̀льшую опредѣленность. Членъ въ русскомъ языкѣ ставится не передъ существительнымъ (какъ во франц., нѣм. и англ.), а послѣ него (какъ въ болгар., румынскомъ и шведскомъ). Однако употребленіе члена въ русскомъ языкѣ не столь обычно и часто, какъ въ другихъ языкахъ, а въ литературной рѣчи онъ встрѣчается лишь въ разговорахъ и притомъ въ однообразной формѣ *-то*; если же въ народныхъ говорахъ членъ слышится довольно часто, то и здѣсь употребленіе его болѣе свойственно разговору, нежели повѣствованію. Такое употребленіе члена находится въ связи съ его значеніемъ: посредствомъ члена дѣлается какъ бы указаніе на тотъ или другой предметъ въ рѣчи. Этотъ оттѣнокъ можно усмотрѣть напр. въ слѣдующихъ фразахъ, взятыхъ изъ народнаго языка:

„Продаешь часы-ти?“ (т. е. вотъ эти именно часы, которые у тебя).

„Только бы мнѣ увидать тетю-ту“ (т. е. мою, твою и т. п.—смотря по смыслу).

Изъ этихъ же примѣровъ мы видимъ, что въ народномъ языкѣ, въ отличіе отъ литературнаго, членъ подвергается опредѣленнымъ перемѣнамъ въ своемъ видѣ, смотря по формѣ существительнаго, къ которому относится. Нужно еще указать на то, что древне-русскій языкъ зналъ употребленіе члена и передъ существительными, какъ это мы можемъ видѣть въ былинной поэзіи, напр.: „Какъ из славнова города из Мурома ис *тово* села Корочаева.... аи выехалъ Илья со двора своего во *те* ворота широкія.... и заслышалъ Соловеи разбойникъ *тово* ли тону конинова и *тое* ли онъ поески богатырския.... (Сборникъ Кирши Данилова, изд. подъ редакціею П. Н. Шеффера, 1901 г., стр. 150—151).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ употребленія *опредѣленнаго* члена, въ русской литературной и простонародной рѣчи можно усмотрѣть зачатки употребленія и *неопредѣленнаго* члена. Послѣдній, какъ и въ другихъ языкахъ, развивается изъ числительнаго „одинъ“ и, уже не обозначая числа, придаетъ существительному нѣкоторую неопредѣленность, приближаясь по значенію къ мѣстоименію „нѣкоторый“; срв. въ извѣстномъ стихотвореніи Полонскаго „Затворница“:

„Въ *одной* знакомой улицѣ
Я помню старый домъ....

Разсмотрѣвъ имя существительное съ семазіологической стороны, мы перейдемъ къ его формальной сторонѣ,—къ словоизмѣненію по *склоненіямъ* и постараемся представить *классификацію* этихъ послѣднихъ. Здѣсь нужно обратить вниманіе на различіе окончаній и на различіе ударенія.

Что касается распредѣленія склоненій по различію *окончаній*, то самыя крупныя группы соотвѣтствуютъ различію *родовъ*—мужескаго, женскаго и средняго. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ основное склоненіе (столъ, царь; рыба, земля; окно, поле) и побочное (муж.—путь, женск.—дверь, ср.—имя и т. п.), отличающееся отъ основнаго склоненія нѣкоторыми особенностями въ окончаніяхъ. Въ каждой группѣ основнаго склоненія въ свою очередь различаются разновидности—*твердая* и *мягкая*; напр. слова „столъ", „рыба", „окно", принадлежатъ къ твердымъ типамъ склоненія, а слова „царь", „земля", „поле"—къ мягкимъ. Въ учебникахъ русской грамматики различіе твердаго и мягкаго склоненія обыкновенно относится на счетъ окончаній (напр. Р. ед. стол-*а* || кул-*я*, Д. ед. стол-*у* || кул-*ю*), но это потому, что авторы ихъ разсматриваютъ склоненіе исключительно съ точки зрѣнія *орѳографіи*. Но если мы станемъ на точку зрѣнія *произношенія*, то убѣдимся, что въ большинствѣ случаевъ, не смотря на разное орѳографическое обозначеніе, окончанія въ твердомъ и соотвѣтствующемъ мягкомъ склоненіи одинаковы, разница же сводится къ твердости и мягкости предшествующаго согласнаго, т. е. того согласнаго, которымъ заканчивается основа (срв. тѣ же формы въ научно-фонетической транскрипціи: ста̊л-*á* || кул'-*á*, ста̊л-*ý* || кул'*ý*.[1]) Конечно, можно изучать различія склоненій, опираясь на правописаніе, но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать о соотношеніи между правописаніемъ и произношеніемъ. И въ твердомъ и въ мягкомъ склоненіи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя частныя группы; такъ, въ твердомъ склоненіи выдѣляются въ особую группу слова, основа кото-

---

[1]) Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя окончанія по-видимому различны въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, какъ напр. слов-*омъ* || пол-*емъ*, рыб-*ы* || бур-*и*, однако сравнительная грамматика доказываетъ, что эти различія окончаній не первичны, представляя позднѣйшія развѣтвленія одного соотвѣтствующаго окончанія.

рыхъ кончается однимъ изъ отвердѣвшихъ согласныхъ (*ш*, *ж*, *ц*), напр. отъ слова „мужъ“ въ Р. мн. вмѣсто ожидаемаго окончанія *-овъ* имѣется *-ей*, какъ остатокъ прежней мягкой флексіи [1]) (впрочемъ, въ словахъ муж. р. на *-цъ* Р. мн. получилъ уже окончаніе *-овъ*, т. е. по аналогіи къ твердому склоненію). Что касается прочихъ основъ твердаго склоненія, т. е. кончающихся первично-твердыми согласными, то нужно различать основы, кончающіяся согласными губными и передне-язычными отъ основъ на задне-язычные согласные: первыя могутъ сочетаться съ падежнымъ окончаніемъ *-ы*, а при вторыхъ вмѣсто этого окончанія является *-и* (напр. срв. столы || волки; жены || руки). Въ мягкомъ склоненіи муж. р. нужно различать склоненіе основъ на j отъ основъ на мягкіе согласные: въ послѣднихъ Р. мн. имѣетъ окончаніе *-ей* (напр. царей), а въ первыхъ *-евъ* (чаевъ). Объ особенностяхъ Вин. падежа въ склоненіи предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ (В. ед. столъ || волка и т. д.) говорилось выше.

При изученіи *ударенія* въ склоненіи нужно различать случаи *постояннаго* ударенія, когда послѣднее во всемъ склоненіи остается на одномъ и томъ же мѣстѣ (напр. споръ) и случаи *переходнаго* ударенія, когда послѣднее мѣняетъ свое мѣсто (напр. во́лка || волка́мъ). Постоянное удареніе можетъ находиться не только на основѣ (напр. „споръ“), но и на окончаніи, напр. срв. стола́, столу́, стола́ми и т. д. [2]) Что касается переходнаго ударенія, то законы его представляютъ

---

[1]) Однако и въ этой послѣдней окончаніе *-ей* не первично (срв. въ ст.-сл. языкѣ формы Р. мн. мужь, конь и пр.), но перешло путемъ аналогіи изъ склоненія типа «путь».

[2]) Правда, въ приведенномъ примѣрѣ И. ед. уже не имѣетъ ударенія на окончаніи, но необходимо допустить на основаніи сравненія съ родственными языками, что нѣкогда и здѣсь на мѣстѣ нуля имѣлось ударяемое окончаніе (ъ=ŭ), впослѣдствіи утраченное; съ утратою же окончанія, удареніе передвинулось по необходимости на основу.

особенности въ склоненіяхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, при чемъ однако типы ударенія въ твердой и мягкой разновидности каждаго изъ этихъ склоненій одни и тѣ же. Такимъ образомъ, мы принимаемъ за главное основаніе классификаціи склоненій существительныхъ различіе рода, а затѣмъ въ каждомъ склоненіи разсматриваемъ законы ударенія параллельно въ твердой и мягкой разновидностяхъ, различая при этомъ слова природныя и заимствованныя. [1])

Примѣчаніе. Какъ увидимъ далѣе, иностранныя слова въ русскомъ языкѣ принадлежатъ большею частію къ твердой разновидности склоненій. Это станетъ намъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на скудное число въ европейскихъ языкахъ мягкихъ согласныхъ, весь запасъ которыхъ обычно ограничивается немногими звуками, напр. во франц.—*л'* (полумягкое *л*), *н'* и *j* (срв. r*ol*e, camp*ag*ne, bout*eill*e), тогда какъ прочіе согласные, вообще, имѣютъ въ немъ только одно твердое произношеніе (срв. sor*t*e, sal*ad*e и т. д.).

А. *Мужескій родъ.*

Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода можно установить четыре главныхъ типа по ударенію:

---

[1]) Нерѣдко приходится сталкиваться съ ходячимъ воззрѣніемъ, совершенно ошибочнымъ, что будто бы законы ударенія въ русскомъ языкѣ не изслѣдованы; но это происходитъ отъ незнакомства съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ: уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія законы русскаго ударенія въ склоненіи и спряженіи были весьма обстоятельно разработаны А. Х. Востоковымъ (см. его Русскую грамматику), который свелъ все разнообразіе ихъ къ небольшому числу типовъ. Что касается распредѣленія почти безграничнаго числа существительныхъ по этимъ типамъ, то прежде всего слѣдуетъ выдѣлить простыя существительныя, которыхъ не такъ много и потому усвоеніе типа ихъ склоненія не представляетъ большихъ трудностей; существительныя же, образованныя съ помощью суффиксовъ, слѣдуютъ въ своемъ склоненіи тѣмъ же типамъ ударенія, какъ и простыя слова, но только въ зависимости отъ суффикса и свойственнаго ему типа ударенія, срв. пáх-арь, знáхарь и пр. (Р. ед.' -аря) ‖ звон-áрь, ключ-áрь и пр. (Р. ед. -аря́).

1) *споръ*, *родитель*. Въ склоненіи этихъ словъ, изъ которыхъ первое принадлежитъ твердой разновидности, а второе—мягкой, удареніемъ во всѣхъ падежахъ ед. и множ. числа сопровождается основа. Другіе примѣры—твердаго склоненія: стонъ, звукъ, трупъ, шумъ, хрипъ, станъ, бракъ, храмъ, братъ (И. мн. -ья), брусъ (И. мн. -ья); мягкаго склоненія: житель, пахарь и т. д.: слова иностр.: банкъ, блокъ, шарфъ, рыцарь и др. Слова, сложныя съ префиксомъ, какъ односложныя, такъ и неодносложныя, имѣютъ большею частію постоянное удареніе на основѣ, напр. с-поръ, вз-глядъ, в-кусъ, за́-пахъ, по́-двигъ, во-про́съ, на-ро́дъ, о-горо́дъ, пере-во́зъ и т. п., при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ простомъ видѣ (т. е. безъ префикса) принадлежатъ къ другимъ типамъ ударенія (напр. родъ, городъ, возъ). Однако нѣкоторыя слова, будучи сложны съ префиксомъ, имѣютъ переходное удареніе, напр. о́-стровъ, о́-кругъ, по́-гребъ; они отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что принимаютъ въ И. мн. вмѣсто окончанія *-ы* ударяемое *-а́*. Какъ видно изъ памятниковъ, послѣднее окончаніе въ словахъ муж. рода появляется сравнительно поздно взамѣнъ окончанія *-ы*, и можно думать, что и такія слова, какъ „островъ“ и пр., нѣкогда имѣли тоже постоянное удареніе на основѣ. Это подтверждаютъ случаи, когда слово имѣетъ оба окончанія, напр. „округъ“—И. мн. о́круги || округа́. Къ односложнымъ словамъ въ разсматриваемомъ типѣ принадлежатъ нѣсколько церковно-славянскихъ, напр. храмъ, гласъ, при чемъ соотвѣтствующія полногласныя русскія существительныя частію тоже имѣютъ постоянное удареніе (срв. хоромы), частію же переходное (срв. голосъ съ И. мн. на *-а́*).

2) *зубъ*, *звѣрь*. Въ этомъ типѣ удареніе имѣется на основѣ во всемъ единственномъ числѣ и И. мн. (въ названіяхъ же неодушевленныхъ предметовъ также и въ В. мн.), начиная же съ Р. мн.—на окончаніи. Другіе примѣры: богъ, воръ, волкъ, кругъ, видъ, бѣсъ; гость, го́лубь, ко́зырь, но́готь, гусь, груздь, ла́поть.

3) *полз, чай.* Въ словахъ этого типа удареніе въ ед. ч. на основѣ, а во мн. ч. на окончаніи. Другіе примѣры: носъ, сотъ, долгъ, торгъ, верхъ, пудъ, валъ, паръ, садъ, квасъ, шагъ, рядъ, жиръ, миръ, сватъ (Им. мн. на *-ья*), сынъ и кумъ (И. мн. на *-овья*), бой, рой, зять (И. мн. на *-ья*); иностр.: басъ, балъ, зонтъ. Нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается смѣшеніе втораго и третьяго типа, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя существительныя могутъ принимать въ И. мн. какъ окончаніе *-ы*, такъ и окончаніе *-а* (напр. хлѣбы || хлѣба́, вѣтры || вѣтра́), при чемъ первое окончаніе обычно является неударенным, а второе—съ удареніемъ (какъ отступленіе можно указать: цвѣты́ || цвѣта́); чаще же видимъ утвержденіе одного окончанія—*а*, напр. въ словахъ: бокъ, бѣгъ, лѣсъ, снѣгъ, бе́регъ, по́гребъ, о́стровъ, край.

4) *столъ, царь.* Здѣсь удареніе на основѣ только въ И. ед. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ и въ В. ед.), въ остальныхъ же падежахъ ед. ч. и во множ. числѣ—на окончаніи. Такъ какъ въ И. ед. удареніе перешло на основу по необходимости, вслѣдствіе исчезновенія конечныхъ краткихъ гласныхъ, то удареніе въ этомъ типѣ можетъ разсматриваться какъ постоянное на окончаніи. Другіе примѣры: волъ, дворъ, бобъ, попъ, снопъ, слонъ, клопъ, плодъ, плотъ, котъ (очень много словъ съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ), ротъ, ленъ, полкъ, холмъ, столбъ, серпъ, крестъ, шестъ, быкъ, клыкъ, языкъ, стыдъ, трудъ, грибъ, блинъ, цѣпъ, рабъ, пень, ключъ, лучъ, соловей; иностр.: винтъ, тузъ, шнуръ. Нѣкоторыя существительныя, будучи первообразными, являются двусложными въ Им. ед., получивъ вторичные бѣглые гласные *о* или же *е* съ удареніемъ на нихъ, напр. бagóръ, вихо́ръ, бобёръ, шатёръ.

Изъ указанныхъ типовъ первый и четвертый—самые частые, потому что къ нимъ принадлежатъ кромѣ словъ перво-

образныхъ также производныя, напр. стóликъ—стóлика, голи́къ—голикá; пáлецъ—пáльца, дѣлéцъ—дѣльцá и т. п.

Слово *путь*, составляющее по своимъ окончаніямъ особое склоненіе [1]), по ударенію относится къ четвертому типу.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ окончаніяхъ склоненія словъ мужескаго рода.

Родит. ед. имѣетъ два окончанія: *-а* и *-у*, напр. „цвѣтъ снѣг*а*“ || „много снѣг*у*“. Окончаніе *-а* служитъ собственно окончаніемъ Р. ед.; окончаніе же *-у* преимущественно употребляется въ именахъ существительныхъ вещественныхъ и вообще измѣряемыхъ въ зависимости отъ словъ, содержащихъ идею количества, какъ напр. въ приведенномъ выраженіи, а кромѣ того при предлогахъ исходнаго и достигательнаго значенія (иногда принимая смыслъ нарѣчія), напр. у Тургенева: „онъ поднялъ фонарь *съ* пол*у*“, „плясать *до* упад*у*“, „наконецъ *до*бился я толк*у*“. [2]) Дифференціація окончаній *-а* и *-у* начинаетъ обнаруживаться еще въ XI в., срв. „отъ льн*у*“ Свят. Сб. 1073 г. (соединеніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія), а въ XIV в. встрѣчаемъ въ памятникахъ примѣры и другихъ оттѣнковъ значенія, именно—исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ

---

[1]) Первоначально къ этому склоненію, какъ видно изъ старо-славянскаго и древне-русскаго языка, принадлежали еще нѣкоторыя другія существительныя, напр. гость, ꙁѧть, тьсть, голѫбь, ѵрьвь, огнь, и нѣк. др.; въ современномъ русскомъ языкѣ они принадлежатъ уже къ мягкому мужескому склоненію, въ которое перешли путемъ аналогіи, напр. гость—гостя (Р. ед.) и т. д.

[2]) Кромѣ указаннаго различія въ употребленіи окончаній Р. ед. *-а* и *-у* имѣетъ еще значеніе характеръ стиля, а именно—въ возвышенной рѣчи предпочитается окончаніе *-а*, на мѣстѣ котораго въ простой рѣчи можетъ быть употреблено *-у*; на это различіе въ употребленіи окончаній обратилъ вниманіе еще Ломоносовъ въ своей Россійской Грамматикѣ.

къ названіямъ вещественнымъ, напр. со брег*у*, до търг*у*. Первоначально же окончанія *-а* и *-у* принадлежали разнымъ типамъ склоненія: окончаніе *-а* принадлежало обычнымъ словамъ муж. р. (напр. рабъ), окончаніе же *-у* немногочисленнымъ основамъ муж. р. на -ŭ-, какъ это встрѣчаемъ приблизительно въ старо-славянскомъ (напр. въ словахъ сынъ, крьхъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ литовскомъ sūnùs, viršùs). Но очень рано эти склоненія начали смѣшиваться (начало этого смѣшенія, наблюдаемаго и въ другихъ славянскихъ языкахъ, вѣроятно восходитъ еще въ общеславянскую эпоху). Все-таки въ Род. ед. удержались окончанія обоихъ склоненій, дифференцировавшіяся въ русскомъ языкѣ между собою по значенію указаннымъ выше образомъ.

Предлож. ед. представляетъ два окончанія: *-ѣ* (неударяемое или ударяемое) и *-ỳ* (только ударяемое), напр. „говорить о снѣг*ѣ*“ || „стоять на снѣг*ỳ*“. Какъ можно видѣть изъ этихъ примѣровъ, форма съ окончаніемъ *-ѣ* имѣетъ значеніе дополнительное или объяснительное, а форма съ окончаніемъ *-ỳ*—мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*); форма съ окончаніемъ *-ỳ* примѣняется также при обозначеніи времени, когда что-либо совершалось, напр. „въ седьмомъ час*у* утра“. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ (изъ произведеній Тургенева) для иллюстраціи разницы по оттѣнку значенія разбираемыхъ формъ: „Потапъ въ лѣс*у*“ || „знаетъ толкъ въ лѣс*ѣ*“ (во второмъ случаѣ форма съ окончаніемъ *-ѣ* служитъ простымъ дополненіемъ на вопросъ—въ чемъ?); „на каждомъ шаг*ỳ*“ || „чуть не спотыкаясь на каждомъ шагѣ“ (т. е. своемъ,—опять предложный дополненія). [1])

---

[1]) Укажемъ еще, что—по замѣчанію Ломоносова—въ возвышенной рѣчи предпочитается окончаніе *-ѣ* вм. *-ỳ* въ повседневной рѣчи (срв. выше аналогичное замѣчаніе относительно окончаній Р. ед.).

Такъ какъ окончаніе *-у* (*-ю*) встрѣчается не только въ Предл. ед., но и въ Род. ед., то въ языкѣ проявляется стремленіе къ различенію этихъ падежей посредствомъ ударенія, или же путемъ замѣны одного изъ парныхъ окончаній другимъ. Различеніе посредствомъ ударенія наблюдается въ словахъ первыхъ трехъ типовъ ударенія (напр. съ ве́рху || на верху̀); что касается различенія посредствомъ замѣны окончаній, то оно наблюдается въ словахъ, принадлежащихъ къ четвертому типу ударенія, и обусловливается тѣмъ, что языкъ избѣгаетъ одного и того же ударяемаго окончанія (*-у̀*) въ двухъ падежахъ. Поэтому, если слово, по ударенію принадлежащее къ 4-ому типу, въ Род. ед. имѣетъ окончаніе *-у́* (напр. песку́), то Предл. ед. будетъ уже имѣть другое окончаніе, т. е. *-ѣ* (напр. на песк*ѣ*, въ табак*ѣ*); если же слово принадлежащее по ударенію къ 4-ому типу, въ Предл. ед. имѣетъ уже ударенное окончаніе *-у̀*, то окончаніемъ Род. ед. будетъ *-а̀* (наприм. въ углу̀ || угла̀, въ полку̀ || полка̀). Окончаніе Дат. ед. *-у* (*-ю*), не имѣя парнаго окончанія, не связано дифференціаціей ни съ Род. ед., ни съ Предл. ед.

Что касается происхожденія окончанія -у́ въ Предл. ед., то оно, подобно такому же окончанію въ Р. и Д. ед., происходитъ отъ древняго склоненія основъ на -у̀.

Имен. множ. кромѣ окончанія *-ы*, которое бываетъ ударяемое и неударяемое, нерѣдко принимаетъ окончаніе *-а́*, всегда сопровождающееся удареніемъ. Что касается перваго окончанія, то оно въ этомъ падежѣ не исконное и раньше вмѣсто него было окончаніе одинаковое съ старо-славянскимъ языкомъ, т. е. -и; окончаніе же *-ы* въ И. мн. явилось въ русскомъ языкѣ по аналогіи къ В. мн. того же склоненія подъ вліяніемъ другихъ склоненій, гдѣ эти падежи были сходны, особенно же подъ вліяніемъ существительныхъ женскаго рода на *-а*, въ которыхъ И. и Вин. мн. имѣли окончаніе *-ы*; впервые въ древне-русскихъ памятникахъ окончаніе *-ы* въ И. мн.

муж. встрѣчается въ XIII в., напр. чины въ Житіи Нифонта 1219 г. (съ этого же вѣка видимъ распространеніе и другихъ окончаній множ. числа женскаго рода на мужеское склоненіе, именно окончаній Д. Тв. и Предл. множ. *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*). Что касается втораго окончанія *-á*, то для уясненія его происхожденія, важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что это окончаніе способны принимать только существительныя, принадлежащія по ударенію къ первымъ тремъ типамъ, въ которыхъ подобное же окончаніе Род. ед. не имѣетъ на себѣ ударенія (таковы—бокъ, глазъ, домъ, лѣсъ, островъ и т. п.). Можно думать, что окончаніе *-á* въ И. мн. муж. явилось по аналогіи къ среднему роду; тамъ тоже И. мн. оканчивается на *-а* съ удареніемъ, когда въ Род. такое же окончаніе не имѣетъ ударенія (напр. дѣ́ло, сло́во); это распространеніе окончанія средняго рода на мужескій могло совершиться тѣмъ легче, что склоненіе словъ средняго рода почти одинаково со склоненіемъ мужескаго рода, разница лишь въ Им. Вин. обоихъ чиселъ. Время перенесенія окончанія *-á* въ И. мн. муж. рода довольно позднее: XV—XVI вв.

Окончаніе *Род.* множ. *-овъ* перешло изъ прежняго склоненія основъ на -ŭ- очень рано.

Б. *Женскій родъ.*

Слова, принадлежащія къ женскому склоненію, относительно ударенія классифицируются на слѣдующіе типы:

1) *рѣпа*, *ду́ля*. Удареніе постоянное на основѣ. Другіе примѣры: ба́ба, гри́ва, ни́ва, жи́ла, си́ла, му́ха, доро́га, коро́ва, берёза; пти́ца, кры́ша; да́ча, ту́ча, встрѣ́ча; бу́ря, ба́шня, па́шня, ня́ня, ба́ня, пу́ля и пр.; иностр.: блу́за, бо́мба, би́ржа, ба́рка, и др. Къ этому типу принадлежитъ много производныхъ существительныхъ, напр. ло́дка, у́лица и пр.; иностр. —кварти́ра, плане́та и т. д.

2) *рука́, земля́.* Удареніе въ большей части падежей, какъ и въ Им. ед., падаетъ на окончаніе; на основу удареніе переходитъ въ Вин. ед. и въ Им. мн., а также въ Р. мн. Переходъ ударенія на основу въ В. ед. не поддается объясненію по крайней мѣрѣ на почвѣ одного русскаго языка; что касается перехода ударенія на основу въ И. мн., то онъ, вѣроятно, вызванъ дифференціаціей къ однозвучной формѣ Р. ед.; переходъ же ударенія на основу въ Род. мн. вызванъ фонетическою причиною, именно—утратою произношенія конечныхъ *-ъ, -ь*, какъ это ясно видно на принадлежащихъ къ данному типу полногласныхъ существительныхъ: сторона́—сто́рону || сторо́нъ, также – голова́, борода́, борозда́, сковорода́. Другіе примѣры: вода́, гора́, доска́, рука́, спина́, стѣна́, щека́, душа́.

3) *корма́, свѣча́.* Этотъ разрядъ отличается отъ предшествующаго только тѣмъ, что въ немъ В. ед. уже относится къ падежамъ съ удареніемъ на окончаніи, такъ что переходъ ударенія на основу ограничивается только Им. и Род. множ. Другіе примѣры: овца́, верста́, волна́, косма́, рѣка́, слеза́; возжа́, ноздра́, головня́ (Р. множ. на -е́й); иностр.—тюрьма́. Впрочемъ, во многихъ словахъ даннаго типа удареніе, будучи постояннымъ на окончаніи во всемъ единств. числѣ, можетъ переходить на основу не только въ Им. и Род. множ., но и въ остальныхъ падежахъ множ. числа; срв.: жена́, вдова́, сестра́ (Р. мн.—сестёръ, гдѣ ё по аналогіи къ случаямъ бѣглаго гласнаго), серьга́, гроза́, скула́, ветла́, десна́, игра́, волна́; земля́; судья́ (м. р.) и свинья́ (Р. мн. на -е́й); сюда надо отнести также многосложныя существительныя на -ота́, напр. кислота́ (во мн. ч. кисло́ты и пр.), высота́, острота́, красота́, нечистота́. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ удареніе колеблется, т. е. при образованіи отъ такихъ словъ падежныхъ формъ удареніе можетъ быть двоякое, напр. се́рьгамъ || серьга́мъ; срв. далѣе—труба́, скала́, слуга́, роса́, коза́, пила́, изба́, гряда́. Затруднительность опредѣленія ударенія въ

этихъ случаяхъ обнаруживается изъ того, что спрашиваемый обыкновенно не сразу опредѣляетъ удареніе, но старается придумать фразу съ искомою формой и произнести эту фразу такъ, какъ она сама скажется, т. е. какъ бы невольно. Вполнѣ естественно, что при этомъ встрѣчаются и индивидуальныя колебанія.

4) *княжна́, простыня́.* Сюда относится немногочисленная группа существительныхъ, въ которыхъ удареніе остается на окончаніи во всѣхъ падежахъ единств. и множ. числа (оставляя въ сторонѣ извѣстную особенность Р. мн.); другіе примѣры: мечта́, черта́, хвала́, госпожа́, статья́, бадья́; иностр. —бахча́.

Къ женскому склоненію принадлежатъ еще такія слова, какъ „кость", т. е. оканчивающіяся въ И. ед. мягкими (или также отвердѣвшими *ж* и *ш*) согласными. Въ этихъ существительныхъ два типа по ударенію: 1) удареніе постоянное на основѣ, напр. мысль, дань, брань, нить; крова́ть, болѣ́знь, пре́лесть, возвы́шенность; 2) удареніе остается на основѣ во всѣхъ падежахъ ед. ч., а во мн. ч. оно находится на основѣ только въ Имен. падежѣ, въ остальныхъ же падежахъ переходитъ на окончаніе, напр. дверь, степь, кость, мышь, бровь, соль, по́дать, во́лость, вѣ́домость, до́лжность, це́рковь и проч. [1]) Односложныя слова въ Предл. ед. при мѣстныхъ предлогахъ *въ* и *на* переносятъ удареніе на окончаніе, особенно если получаютъ значеніе обстоятельственное, напр. на печи́. Этотъ переносъ ударенія представляетъ аналогію съ именами существительными муж. р., принимающими при тѣхъ же условіяхъ въ Предл. ед. окончаніе *-у́*.

---

[1]) Къ этому типу принадлежатъ слова «мать» и «дочь», имѣющія въ прочихъ падежахъ передъ окончаніями древніе звуки -ер-, теперь кажущіеся какъ бы «наращеніемъ».

В. *Средній родъ.*

Существительныя средняго рода относительно законовъ ударенія въ склоненіи представляютъ слѣдующіе четыре типа:

1) *богáтство, гадáнье*: удареніе постоянное на основѣ въ обоихъ числахъ, подобно такому же типу въ склоненіяхъ муж. и женск. рода. Другіе примѣры: крéсло, шúло (И. мн. на *-ья*), пúршество, княжество, жилúще, занятіе.

2) *слóво, пóле*: въ единств. числѣ удареніе на основѣ, во множ. числѣ на окончаніи, т. е. подобно третьему типу въ мужескомъ склоненіи. Другіе примѣры: стáдо, мѣсто, дѣло, тѣло, мыло, зéркало, пóле, мóре.

3) *винó, ружьё*: въ единств. числѣ удареніе на окончаніи, а во множ. числѣ на основѣ, т. е. обратно съ предъидущимъ типомъ и подобно нѣкоторымъ случаямъ третьяго типа въ женскомъ склоненіи. Другіе примѣры: бедрó, весло́, ребрó, винó, гнѣздó, долотó, колесó, рѣшетó, лицó, копьё.

4) *веществó, остріё* (остреё): удареніе во всѣхъ падежахъ единств. и множеств. числа на окончаніи. Другіе примѣры: торжествó, существó, лезвеё, бытіé. Подобный типъ ударенія мы встрѣчали и въ склоненіи другихъ родовъ.

Изъ представленныхъ четырехъ типовъ склоненія средняго рода наиболѣе характерными являются второй и болѣе по сравненію съ нимъ многочисленный—третій. Такъ называемыя имена съ наращеніемъ (úмя, сѣмя и др.) принадлежатъ ко второму типу (только слово „знáмя“ можетъ имѣть и другое передвиженіе ударенія—„знамéна“); изъ первоначальныхъ именъ съ суф. *-сс-*, только „нéбо“ сохранило въ склоненіи этотъ комплексъ и притомъ лишь во мн. ч., другія же имена, какъ напр. „слово“, перешли по аналогіи въ обыкновенное склоненіе на *-о* (т. е. безъ „наращенія“).

Мы прослѣдили цѣлый рядъ типовъ ударенія въ русскомъ склоненіи. Сравнительная грамматика позволяетъ показать связь этихъ типовъ съ типами ударенія другихъ аріо-европейскихъ языковъ—санскритскаго, греческаго и литовскаго (только они сохранили болѣе или менѣе древнее удареніе). Такъ, въ нихъ мы встрѣчаемъ оба типа постояннаго ударенія, т. е. на основѣ и окончаніи, напр. греч. *γόγος*, *βωμός*. Для выясненія типовъ русскаго переходнаго ударенія нужно обратить вниманіе на т. наз. третье [1]) склоненіе особенно односложныхъ словъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ: въ этихъ словахъ удареніе въ косвенныхъ падежахъ (т. е. не Им. и Вин.) всѣхъ чиселъ удареніе переходитъ на окончаніе. Въ русскомъ языкѣ подобный переходъ ударенія мы наблюдали въ одномъ множественномъ числѣ, напр. гу́си—гусе́й, мы́ши—мыше́й, во́лки—волко́въ и проч., при чемъ въ единственномъ числѣ тѣхъ же словъ удареніе оказывается постояннымъ на основѣ и это однообразіе могло отчасти получиться подъ вліяніемъ аналогіи. Другія модификаціи русскаго переходнаго ударенія могли обусловливаться, какъ мы указывали, стремленіемъ къ дифференціаціи по ударенію различныхъ падежей сходнаго окончанія, напр. срв. жены || же́ны, окна́ || о́кна и проч.; присоединившееся же въ дифференціаціи дѣйствіе аналогіи могло въ иныхъ случаяхъ провести одинъ типъ

---

[1]) Къ этому склоненію относятся основы, кончавшіяся первоначально согласнымъ, напр. греч. ὀπ-ός (Р. ед. отъ ὀψ) и т. д. Въ русскомъ языкѣ эти согласныя основы перешли въ гласныя склоненія, напр. мышь (греч. μῦς, лат. mūs), соль (греч. ἅλς, лат. sal). Этотъ переходъ, вѣроятно, обусловленъ сильнымъ различіемъ формы И. ед. отъ другихъ падежей, происшедшимъ благодаря исчезновенію въ славянскихъ языкахъ конечныхъ согласныхъ въ И. ед. Въ такомъ случаѣ переходъ словъ третьяго склоненія въ гласныя склоненія надо отнести ко временамъ славянскаго праязыка. Остаткомъ первоначальнаго третьяго склоненія въ русскомъ языкѣ является такъ наз. склоненіе съ наращеніемъ: мать—матери, имя—имени и пр., т. е. въ древнихъ основахъ на плавный и носовой согласный.

ударенія черезъ ед. ч., а другой типъ черезъ мн. ч. однихъ и тѣхъ же словъ, какъ напр. въ среднемъ родѣ. Подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи и совершилось видоизмѣненіе древняго переходнаго ударенія въ нѣсколько типовъ. Литовское удареніе въ склоненіи представляетъ большое сходство съ русскимъ; такъ, въ немъ мы встрѣчаемъ переходъ ударенія на основу въ Вин. ед., подобный русскому типу въ женскомъ склоненіи рука́—ру́ку, какъ напр. въ соотвѣтствующемъ литовскомъ словѣ ranką̀ (Им. ед.)—ranką (В. ед.). Особенно же большое согласіе въ системахъ русскаго ударенія съ тѣми славянскими языками, которые удержали подвижность ударенія, особенно съ сербскимъ, напр. русскому различію вода́—во́ду—во́ды соотвѣтствуетъ въ сербскомъ во̀да—во̏ду—во̏де, или русскому различію село́—се́ла отвѣчаетъ въ сербскомъ сѐло—се̏ла; въ виду этого согласія можно относить начало такихъ русскихъ видоизмѣненій древняго ударенія въ общеславянскую эпоху.

Глава VIII.

Имя существительное со стороны словообразованія. Такъ называемыя корневыя существительныя; существительныя первообразныя и производныя.

Въ главѣ, служащей введеніемъ въ морфологію, мы указывали (стр. 106), что слова могутъ быть *корневыми* (напр. вод-а), въ которыхъ корень и основа совпадаютъ, и *производными* отъ другихъ словъ (напр. вод-янка). Мы считали возможнымъ допустить такое дѣленіе въ виду общаго характера названной главы; но теперь мы должны внести нѣкоторыя дополненія въ это подраздѣленіе, примѣнительно къ категоріи имени существительнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что въ русскомъ языкѣ корневыхъ существительныхъ, строго говоря, не существуетъ, такъ какъ въ нихъ корень всегда распространенъ тематическимъ элементомъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ существительныя, состоящія изъ одного корня, безъ какого-либо тематическаго добавленія (напр. русскому слову „мыш-ь" соотвѣтствуетъ скт. mūš-, греч. μῦς, лат. mūs, нѣм. Maus). [1]) Такимъ образомъ, существительныя

---

[1]) Конечно, и такія корневыя существительныя не представляютъ собою чистыхъ корней, но являются уже опредѣленною частью рѣчи—именемъ существительнымъ извѣстнаго типа склоненія.

въ русскомъ языкѣ, обыкновенно называемыя *корневыми* (мыш-ь, вод-а), правильнѣе будетъ назвать *первообразными*, при чемъ въ эту категорію можно зачислить не только такія существительныя, гдѣ корень распространенъ тематическимъ гласнымъ, но и тѣ, въ которыхъ къ первоначальному корню прибавленъ суффиксъ. Существительныя же съ дальнѣйшимъ наращеніемъ суффиксовъ мы будемъ называть *производными*. Кромѣ того, необходимо помнить, что и многія первоначально производныя слова, благодаря процессу опрощенія, для непосредственнаго чутья уже представляются какъ простыя. Поэтому, при разсмотрѣніи именъ существительныхъ со стороны словообразованія, необходимо имѣть въ виду возможность двухъ точекъ зрѣнія—историко этимологической и статической и строго ихъ разграничивать.

Что касается порядка разсмотрѣнія суффиксовъ, служащихъ для образованія существительныхъ, то обычно ихъ располагаютъ чисто внѣшнимъ образомъ въ порядкѣ алфавитномъ или же соотвѣтственно физіологическимъ категоріямъ звуковъ. Само собою разумѣется, что при такомъ распредѣленіи совершенно нарушается семазіологическая связь суффиксальныхъ оттѣнковъ. Желая съ своей стороны выдвинуть въ морфологіи на первый планъ семазіологическую сторону, мы постараемся вопросъ о суффиксахъ именъ существительныхъ свести на вопросъ о суффиксальныхъ категоріяхъ, посредствомъ которыхъ классифицируется въ русскомъ языкѣ все разнообразіе предметовъ міра.

Прежде всего мы остановимся на тѣхъ немногихъ первообразныхъ существительныхъ русскаго языка, которыя представляютъ собою отголосокъ или пережитокъ *первоначальныхъ корневыхъ существительныхъ*. Эти существительныя русскаго

языка могутъ быть подраздѣлены на простыя и сложныя. Первыя служатъ для названія разныхъ конкретныхъ представленій, вторыя же распадаются на два отдѣла, смотря по тому, является ли существительное въ качествѣ конечнаго или же начальнаго члена сложенія: въ первомъ случаѣ такія существительныя служатъ для обозначенія дѣятелей, а во второмъ случаѣ, когда корневое имя занимаетъ начальное (т. е. второстепенное) мѣсто въ сложеніи, значеніе его можетъ быть уже болѣе разнообразнымъ, завися въ значительной степени отъ главнаго члена сложенія. Что касается внѣшней стороны, то слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какимъ звукомъ заканчивался первоначально корень—согласнымъ или же гласнымъ, такъ какъ эти два типа корней въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи отражаются на почвѣ славянскихъ языковъ не вполнѣ одинаково, съ чѣмъ мы также будемъ считаться въ своемъ изложеніи.

Начнемъ свое разсмотрѣніе съ *простыхъ* первообразныхъ существительныхъ, корень которыхъ оканчивался *согласнымъ*. Какъ мы уже указали, эти существительныя въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ представляютъ корень распространенный тѣмъ или другимъ тематическимъ элементомъ, соотвѣтственно чему они примкнули къ тому или другому гласному склоненію, напр. мыш-ь, зим-*а*, и т. д. А такъ какъ тематическіе гласные перестали со временемъ чувствоваться составною частью основы и отошли къ окончаніямъ, то языкъ какъ бы вновь вернулся къ первоначальному типу корневыхъ именъ (срв. *зима*-хъ → *зим*-ахъ, т. е. тематическое *а* отошло къ окончанію и основа вновь совпала съ корнемъ). Представимъ теперь примѣры того, какъ отражаются первоначальныя корневыя имена, заканчивавшіяся согласнымъ, въ русскомъ языкѣ и по какому типу они склоняются:

1) Существительное въ русскомъ языкѣ принадлежитъ къ твердому склоненію муж. рода, напр. н о с-ъ (срв. лат. В. ед.

nār-em, скт. Тв. ед. nas-ā́) [1]), дом-ъ (срв. скт. dam-);

2) Существительное принадлежитъ къ мягкому склоненію муж. рода, напр. ден-ь (срв. ст.-слав. форму Р. ед. отъ этого слова, образованную по согласному склоненію—дьн-є); къ этому же склоненію отнесено и заимствованное слово гус-ь (срв. греч. дорич. χᾶν, Р. ед. χᾶν-ός → *χανσ-ός) [2]);

3) Существительное принадлежитъ въ русскомъ языкѣ къ твердому склоненію жен. рода на -*а*, напр. зим-*а* (срв. лат. hiem-s, греч. χιών при Р. ед. χιόν-ος);

4) Существительное принадлежитъ къ соотвѣтствующей мягкой разновидности того же склоненія, напр. земл-*я* (срв. греч. χαμ-αί);

5) Существительное принадлежитъ въ русскомъ языкѣ къ именамъ ж. р. на -ь, напр. мыш-ь; сол-ь, вес-ь (т. е. „селеніе", срв. скт. viç- „кланъ, сельская община").

Переходу корневыхъ именъ, кончавшихся согласнымъ, изъ согласнаго въ гласное склоненіе особенно благопріятствовалъ на почвѣ общеславянской законъ устраненія согласныхъ съ конца словъ: благодаря этому фонетическому закону должна была получаться большая разница между формою И. ед., въ которой конечный согласный корня утрачивался, и тѣми падежными формами, гдѣ тотъ же согласный сохранялся подъ

---

[1]) Для незнакомыхъ со сравнительною грамматикой языковъ нашего семейства замѣтамъ, что окончанія приведенныхъ словъ (лат. -em, скт. -ā) не имѣютъ ничего общаго съ тематическимъ гласнымъ, представляя собою исключительно падежныя окончанія первоначальнаго согласнаго склоненія.

[2]) Слово «гусь» считается заимствованнымъ (изъ германской языковой области, срв. нѣм. *Gans*) по соображеніямъ сравнительно-фонетическимъ: такъ какъ греческому χ при литовскомъ ž, какъ мы знаемъ, въ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ *з*, а не *г*, то по-русски природное слово звучало бы *зусь (срв. литов. žąsis).

защитою слѣдовавшаго за нимъ гласнаго въ окончаніи; аналогія же легко возстановляла утраченный конечный согласный корня въ И. ед. путемъ перехода слова въ гласное склоненіе того или другаго типа, гдѣ уже и въ И. ед. за конечнымъ согласнымъ корня слѣдовалъ тематическій гласный. Однакожъ было бы слишкомъ поспѣшно сдѣлать выводъ, что всѣ перечисленныя русскія существительныя и имъ подобныя, которымъ въ томъ или другомъ древнемъ языкѣ нашего семейства соотвѣтствуетъ корневое образованіе, непремѣнно были корневыми въ эпоху аріо-европейскаго праязыка передъ раздѣленіемъ его на вѣтви, такъ какъ въ послѣднемъ могли быть діалектическія варіаціи въ словообразованіи такого рода, что въ одной діалектической области данное существительное было корневое, тогда какъ въ другихъ областяхъ ему соотвѣтствовало слово, уже распространенное тѣмъ или другимъ тематическимъ гласнымъ; срв. напр. греческому корневому существительному χίων, уже упоминавшемуся выше, въ санскритѣ соотвѣтствуетъ существительное гласнаго склоненія—hāsás, или русскому слову дом-ъ имѣются соотвѣтствующія слова тоже гласнаго склоненія въ скт., греч. и лат. (damás, δόμος, domus), и т. п. Мы можемъ лишь утверждать, что нѣкоторыя изъ такихъ существительныхъ и въ славянской языковой области были когда-то корневыми.

Что касается простыхъ первообразныхъ существительныхъ, корень которыхъ заканчивался не согласнымъ, а *гласнымъ*, то въ качествѣ примѣровъ укажемъ слова: бров-ь (срв. скт. bhrū-š при Р. ед. bhruv-ás, греч. ὀφρύ-ς при Р. ед. ὀφρύ-ος), кров-ь (крък-ь); такъ какъ корень ихъ оканчивался на *ū= рус. ы (ст.-сл. ы), то И. ед. ожидался бы *бры и *кры (*бръ, *кръ), но эти формы утратились, замѣнившись новообразованіями по аналогіи существительныхъ ж. р. на -ь (-ь), т. е. бровь (бръвь), кровь (кръвь). [1]).

---

[1]) Какъ мы уже указывали (стр. 79, 80), ае. *ū отражается въ ст.-сл.

Разобранныя нами корневыя существительныя принадлежатъ къ типу простыхъ. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію корневыхъ именъ, входящихъ въ составъ *сложныхъ словъ* и прежде всего остановимся на томъ случаѣ, когда они являются *вторымъ членомъ сложенія*. Относящіяся сюда имена служатъ для названія *дѣятелей* по соотвѣтствующему дѣйствію. Эта категорія въ санскритѣ выступаетъ съ большею ясностью, чѣмъ въ другихъ языкахъ, встрѣчаясь отъ корней, оканчивавшихся какъ гласнымъ звукомъ, такъ и согласнымъ; для случая корней на гласный срв. второй членъ въ такихъ санскритскихъ сложеніяхъ, какъ vana-*ja*-s „рожденный въ лѣсу, дикій", vana-*pá*-s „стерегущій лѣсъ, лѣсной сторожъ", vana-*stha*-s „находящійся въ лѣсу, дикій". [1]) Мы видимъ, что въ приведенныхъ примѣрахъ вторымъ членомъ сложенія является имя, состоящее изъ одного глагольнаго корня, не распространеннаго никакимъ словообразовательнымъ суффиксомъ. Однако надо замѣтить, что приведенныя санскритскія корневыя существительныя помимо сложеній не употребляются. Такимъ образомъ и въ санскритѣ они уцѣлѣли лишь въ качествѣ пережитковъ въ сложеніяхъ. Въ русскомъ языкѣ такія образованія представляютъ уже дальнѣйшее словообразовательное расширеніе, срв. -б á-*й* (краснобай), -д ѣ-*й* (злодѣй, лицедѣй)

въ видѣ ы (рус. ы); но такое отраженіе имѣетъ мѣсто лишь въ концѣ слова и въ положеніи передъ согласнымъ; въ положеніи же передъ гласными (которыми въ склоненіи разсматриваемыхъ словъ начиналось большинство надежныхъ окончаній) *ū видоизмѣнялось въ односложныхъ корняхъ въ соотвѣтствующій краткій гласный съ губнымъ придувнымъ согласнымъ, т. е. ŭv (ст.-сл. ъв).

[1]) Нѣкоторыя изъ такихъ образованій въ санскритѣ являются съ значеніемъ глагольнаго прилагательнаго (причастія) и образуютъ степени сравненія, напр. ratna-*dhā*-tamas «сокровища наиболѣе подающій» (эпитетъ бога Агни). Въ санскритскихъ примѣрахъ можно видѣть отголосокъ первоначальной тѣсной связи между двумя частями рѣчи—именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, а также между этими послѣдними и глаголомъ.

-зѣ-*й* (ротозѣй) и т. п. Въ санскритѣ мы видимъ этого рода образованія и для корней, кончавшихся согласнымъ, напр. havya-*váh*- „*несущій* жертву“ (эпитетъ Агни) и т. п. Можно думать, что и славянскіе языки имѣютъ отголоски такихъ сложеній, но только въ нихъ второй членъ получилъ тематическій гласный и перешелъ въ гласное склоненіе (срв. рус. по*лотеръ* и т. п.).

Мы остановимся теперь на тѣхъ случаяхъ, когда корневое имя является въ качествѣ *перваго члена сложенія*. Эти случаи очень трудны для разъясненія, такъ какъ корневое имя въ такихъ сложеніяхъ, занимавшее начальную (т. е. второстепенную) часть, благодаря процессу опрощенія утратило свой самостоятельный оттѣнокъ значенія, переставъ также употребляться въ языкѣ и въ качествѣ отдѣльнаго слова. При такихъ обстоятельствахъ подобныя слова далеко еще не получили окончательнаго сравнительно-этимологическаго разъясненія и даже не всѣ еще приведены въ извѣстность. Изъ помѣщаемыхъ далѣе примѣровъ нѣкоторые получаютъ здѣсь новое этимологическое освѣщеніе. [1])

Примѣры:

Гос-подь. Аналогичное сложеніе представляютъ языки греч. и скт.: *δεσ-πότης*, jās-patis. Правда, *δεσ*- отличается отъ *гос*- гласнымъ, но это—весьма обыкновенное чередованіе *ĕ || *ŏ; въ зависимости же отъ палятальности гласнаго, первоначальный глубокій задне-язычный согласный (*g^2) въ греческомъ смягчился въ передне-язычный (*δ*); точно также санскр. *j* (т. е. дж') слова jāspatis можно разсматривать какъ смягченіе

[1]) Укажемъ кстати, что въ русской грамматической литературѣ корневымъ именамъ посвящено особое изслѣдованіе: *А. Л. Погодинъ*, Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ (1903); въ этомъ сочиненіи для собранныхъ въ немъ примѣровъ даются обстоятельныя библіографическія указанія.

того же праязыковаго согласнаго *g'. Впрочемъ нѣмецкій лингвистъ Бругманъ усматриваетъ въ греч. δεσ- отраженіе Р. ед. корневой основы *dem- „домъ", при чемъ δεσ- получилось будто-бы изъ *δεν-ς, хотя замѣтимъ, что такое звукоизмѣненіе не является вполнѣ обычнымъ для греч. языка; можно прибавить, что въ санскритѣ имѣется соотвѣтствующее сложеніе *dam*-patis „хозяинъ дома". Слово „господь" встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Въ старомъ русскомъ языкѣ употреблялась еще форма *господарь*, въ малорусскомъ сохраняющаяся еще и теперь (*г*оспóдар) въ смыслѣ „хозяинъ дома"; отъ этого слова происходитъ и наше *государь*: неударяемый слогъ *спо*, произносимый на *о* (можетъ быть даже съ нюансомъ *у*), легко могъ замѣниться посредствомъ *спу* и затѣмъ *су*. [1])

ка-лѣка, срв. литов. kója (латыш. kâja) „нога"; что же касается втораго члена сложенія, то онъ выражаетъ лишеніе (срв. древне-русское отъ*лькъ* „остатокъ").

ка-луга, *ка*-лужа, т. е. ножная лужа, въ смыслѣ — мелкая, переходная; второй членъ сложенія существуетъ въ языкѣ и какъ особое слово.

бер-лога, срв. нѣм. *Bären*-lager.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ сложеніяхъ разсматриваемаго типа первая часть имѣетъ глагольно-корневой характеръ. Сюда, намъ кажется, можно отнести такія слова, какъ: *гай*-воронъ (срв. *юж.* гай «крикъ», гаить

---

[1]) Любопытна судьба начальнаго *гос-* разсматриваемаго слова въ русскомъ языкѣ. Такъ какъ обѣ составныя части слова *гос-подь* не имѣютъ родства въ русскомъ языкѣ, то слово это, будучи одинокимъ, легко подверглось фонетическимъ перемѣнамъ, особенно при содѣйствіи акустическаго фактора Изъ формы *государь* получилось *сударь* черезъ потерю начальнаго неударяннаго слога; а это послѣднее слово, когда употреблялось какъ прибавочное въ отвѣтахъ, сократилось до частицы *-съ* (напр. слушаю-съ и т. п.). Потерю начальнаго слога *го* представляетъ и простонар. «спожинки» (день успенія или рождества Богородицы).

«кричать»), древ.-рус. *за*-вранъ, тотъ же корень только со смягченіемъ *г* въ *ж* и въ словѣ *жа*-воронокъ; *б*а-хвалъ (срв. баять). Въ словѣ *ра*-дуга въ первомъ членѣ сложенія я усматриваю тотъ же корень, который находится въ прил. *ра*-дъ (срв. греч. ῥάδιος при сравн. степ. ῥᾴ-ων, и въ сложеніи ῥάθυμος); съ этимъ объясненіемъ гармонируетъ бѣлорусское наименованіе радуги—*весёлка*, малор. *весёлка*, *веселиця*; что же касается втораго члена сложенія, то указаніе дуги входитъ въ названіе радуги и въ другихъ языкахъ, напр. нѣм. der Regen*bogen*, англ. rain*bow*, фр. *arc*-en-ciel, а въ санскритѣ слово dhánvan ср., одного корня съ нашимъ словомъ «дуга», означаетъ лукъ для стрѣльбы и радугу.

Какъ мы уже указывали, къ категоріи первообразныхъ именъ кромѣ собственно корневыхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ корень не былъ распространенъ никакимъ словообразовательнымъ элементомъ, относятся еще тѣ имена, въ которыхъ корень получилъ распространеніе *тематическимъ гласнымъ*, или же первично присоединеннымъ *суффиксомъ*. Мы не будемъ исчислять всѣхъ относящихся сюда первообразныхъ существительныхъ, такъ какъ примѣры ихъ приведены въ достаточномъ количествѣ въ предъидущей главѣ при распредѣленіи существительныхъ по склоненіямъ, при чемъ мы указывали преимущественно существительныя первообразныя. Намъ остается здѣсь сдѣлать нѣкоторыя семазіологическія и сравнительно-этимологическія разъясненія. Прежде всего мы остановимся на существительныхъ, въ которыхъ корень распространенъ лишь *тематическимъ гласнымъ*. Среди нихъ выдѣляется категорія словъ глагольнаго происхожденія, означающихъ при одной и той же формѣ различные роды представленій, стоящихъ въ томъ или другомъ отношеніи къ соотвѣтствующему дѣйствію. Такъ, одно и то же первообразное имя можетъ употребляться для обозначенія самаго дѣйствія, дѣятеля, а также объекта и орудія дѣйствія, что свидѣтельствуетъ о древности такихъ словъ, такъ какъ, очевидно, въ эпоху ихъ образованія аріо-европейскій праязыкъ еще недостаточно выработалъ особыя формальныя средства для выраженія столь

различныхъ категорій представленій; въ настоящее время мы находимъ уже нѣкоторыя особенности въ этихъ словахъ при употребленіи ихъ въ томъ или другомъ указанномъ смыслѣ. Такъ, значеніе дѣятеля или субъекта дѣйствія они сохраняютъ лишь въ концѣ сложеній (напр. водо-*возъ*, водо-*носъ*), остальныя же значенія находятся въ связи съ присоединяемыми различными префиксами, напр. вывозъ и выносъ (дѣйствіе), навозъ и наносъ (объектъ дѣйствія; сюда же относится и безпредложное „возъ"), перевозъ и подносъ (орудіе дѣйствія). [1])

Кромѣ приведеннаго типа первообразныхъ существительныхъ встрѣчается нѣкоторое количество такихъ, первоначальный корень которыхъ получилъ удвоеніе, напр. коло-колъ, глаголъ, старин. пра-поръ „знамя", пе-пелъ (въ послѣднемъ случаѣ не полное удвоеніе). Такъ какъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ подобное удвоеніе корня встрѣчается въ перфектѣ глаголовъ, выражающемъ результатъ совершившагося дѣйствія, то съ этимъ можно поставить въ связь перфективное значеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ (глаголъ=„сказанное"; пепелъ=„сгорѣвшее" отъ К. *pel || *per, срв. по́ло-мя и греч. *πρή-θω*).

Обратимся къ первообразнымъ существительнымъ, въ которыхъ корень распространенъ *первичнымъ присоединеніемъ суффикса*. Какъ извѣстно, всѣ предметы міра, становясь объ-

---

[1]) Въ санскритѣ въ такихъ сложеніяхъ значеніе дѣятеля является обыкновенно тоже лишь въ концѣ сложеній, прочія же значенія можетъ имѣть простое существительное, напр. скт. vāhas=тащущій (субъектъ дѣйствія—въ концѣ сложеній), тащеніе (названіе дѣйствія), повозка (объектъ дѣйствія); хотя простое слово vāhás обозначаетъ также «упряжное или верховое животное, лошадь, волъ», т. е. какъ бы дѣятеля (собств. тотъ, кто везетъ), но здѣсь по-видимому уже утратилась глагольная идея и слово подверглось опрощенію.

ектами нашихъ представленій, классифицируются нашимъ умомъ и зачисляются въ тѣ или другія образующіяся въ умѣ категоріи. Внѣшними выразителями этого процесса являются суффиксы, которые, присоединяясь къ корню, опредѣляютъ принадлежность обозначаемаго предмета къ тому или другому классу бытій. Разсматривая съ семазіологической стороны примѣры первичнаго распространенія корней посредствомъ суффиксовъ, мы замѣчаемъ, что послѣдніе въ этомъ случаѣ служатъ уже для болѣе опредѣленнаго различенія тѣхъ основныхъ категорій, которыя такъ несовершенно дифференцированы въ первообразныхъ словахъ съ простымъ тематическимъ гласнымъ. Для указанія дѣятеля или субъекта опредѣленнаго дѣйствія въ разсматриваемыхъ теперь словахъ служатъ суффиксы *-тель*, *-ецъ*, *-ачъ* [1]) и нѣк. др., напр. жи-*тель*, жн-*ецъ*, ков-*ачъ*; для обозначенія дѣйствія—суффиксы *-тво*, *-тва*, напр. ши-*тво*, би-*тва*, а раньше еще *-ть* [2]); слова, обозначавшія дѣйствіе, иногда получали примѣненіе и для выраженія объекта дѣйствія, срв. яс-*тво*, ши-*тво*, пас-*тва*, пода-*ть*, а кромѣ того служилъ суф. *-нь*, напр. да-*нь*; наконецъ, для обозначенія орудія дѣйствія примѣнялся суффиксъ *-ло*, напр. би-*ло*, ши-*ло*. Однако въ современномъ языкѣ далеко не всѣ первично присоединенные суффиксы имѣютъ ясно выступающій оттѣнокъ значенія, нѣкоторые не указываютъ уже опредѣленнаго класса именныхъ представленій и, съ точки зрѣнія живаго чутья, явля-

---

[1]) Возможно предположить, что въ суффиксахъ *-ецъ* (ст.-сл. -ьць), *-ачъ* и т. п., въ которыхъ согласному предшествуетъ гласный, этотъ послѣдній лишь со временемъ присоединился къ суффиксу, первоначально же являлся тематическимъ гласнымъ.

[2]) Именныя представленія дѣйствія, для которыхъ служилъ первоначально суффиксъ *-ть*, измѣнились въ своемъ значеніи, перешедши въ глагольную категорію неопредѣленнаго наклоненія, напр. жи-*ть*, пи-*ть*; для именнаго же значенія сталъ примѣняться болѣе распространенный суффиксъ *-тіе* или *-тьё*, напр. жи*тьё*, пи*тьё* и пр.

ются не суффиксами, а принадлежностью корня. Между тѣмъ сравнительно-грамматическій анализъ обнаруживаетъ ихъ суффиксальное происхожденіе; срв. суф. *-м-*: дым-ъ, храм-ъ; суф. *-н-*: стан-ъ, ворон-ъ, весн-а; суф. *-р-*: жир-ъ, пир-ъ, дар-ъ, мѣр-а, ребр-о; суф. *-л-*: узел-ъ (ст.-сл. жъ-лъ), сокол-ъ, жил-а, мгл-а; суф. *-с-* или *-х-*: голос-ъ, пух-ъ; суф. *-к-*, напр. полк-ъ. [1]) Можно предположить, что нѣкоторые изъ такихъ суффиксальныхъ элементовъ первоначально даже и не были настоящими суффиксами, а только заканчивали собою отдѣльные корни, отъ которыхъ затѣмъ могли отойти къ тематическому гласному путемъ морфологическаго переразложенія; [2]) этимъ отчасти можетъ объясняться отсутствіе знаменательности въ такихъ суффиксахъ, кажущихся аморфными. Конечно, иные первичные суффиксы могли имѣть знаменательное происхожденіе (напр. мѣстоименное), и вся трудность задачи сводится къ тому, чтобы распредѣлить суффиксы по ихъ происхожденію на эти двѣ

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что при сравнительно-этимологическомъ изученіи первообразныхъ существительныхъ русскаго языка необходимо обратить вниманіе на корневые гласные при томъ или другомъ суффиксальномъ элементѣ (другими словами, какой видъ корня, имѣется при этомъ—первый полный, второй полный, или же сокращенный), а вмѣстѣ съ тѣмъ и на типъ ударенія; въ самомъ дѣлѣ, напр. въ муж. родѣ многія первообразныя существительныя съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ имѣютъ удареніе постоянное на окончаніи (волъ, дворъ и т. д.), а въ женскомъ и среднемъ родѣ удареніе падаетъ на окончаніе (въ ед. ч.) весьма часто при корневомъ гласномъ *е* (весна́, сестра́, весло́, село́ и пр.).

[2]) Можно думать, что морфологическое переразложеніе играло видную роль и при происхожденіи такъ называемыхъ тематическихъ гласныхъ. Срв. напр. въ именахъ тематическое *о* ‖ *е*: въ аріо-европейскомъ праязыкѣ былъ рядъ односложныхъ корней, кончавшихся этимъ гласнымъ (срв. мѣстоименные корни qo-, to- и пр.); послѣдній въ этомъ случаѣ конечно не имѣлъ знаменательности и затѣмъ путемъ морфологическаго переразложенія отошелъ къ окончаніямъ (т. е. -o͡s, -o͡m и т. д.), которыя уже въ этомъ видѣ могли затѣмъ по аналогіи прибавляться къ инымъ корнямъ, кончавшимся на согласный.

категоріи. Сопоставляя употребленіе аморфныхъ суффиксовъ съ суффиксами живыми, т. е. удержавшими свое суффиксальное значеніе, замѣчаемъ ту разницу между ними, что въ то время какъ первые являются какъ бы окостенѣвшими въ отдѣльныхъ образованіяхъ и неподвижными, послѣдніе могутъ въ теченіи времени расширяться путемъ поглощенія предшествующихъ словообразовательныхъ элементовъ и давать такимъ образомъ начало новымъ суффиксальнымъ разновидностямъ, напр. -къ, -икъ, -чикъ и пр.

Передъ нами теперь слѣдующій и самый обширный отдѣлъ—*производства существительныхъ отъ другихъ словъ посредствомъ суффиксовъ*. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ образованіями позднѣйшихъ эпохъ сравнительно съ прежде разсмотрѣнными, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что болѣе обширныя суффиксальныя наращенія относятся къ позднѣйшему времени по сравненію съ соотвѣтствующими менѣе обширными. Естественно думать, что при этомъ широкій ростъ суффиксальнаго словообразованія шелъ рука объ руку съ прогрессомъ въ умственной жизни народа. Обращаясь теперь къ самому разсмотрѣнію суффиксовъ даннаго отдѣла, мы должны сдѣлать предварительную оговорку, что все многообразіе ихъ оттѣнковъ, развитіе которыхъ продолжается и теперь въ языкѣ, не можетъ быть заключено въ совершенно опредѣленныя и неподвижныя схемы.

Всѣ суффиксы производныхъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ можно подраздѣлить на нѣсколько наиболѣе крупныхъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ основнымъ типамъ именныхъ представленій или бытій. Не всегда однако съ каждымъ отдѣльнымъ суффиксомъ соединяется одинъ опредѣленный оттѣнокъ значенія, но чаще одинъ и тотъ же суффиксъ имѣетъ

по нѣскольку смысловыхъ оттѣнковъ, при чемъ нерѣдко одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія передается различными суффиксами. Подобно тому какъ въ первообразныхъ суффиксальныхъ существительныхъ, благодаря первичному присоединенію суффиксовъ опредѣленнѣе выступали основныя категоріи бытій по сравненію съ первообразными безсуффиксальными именами, такъ теперь съ дальнѣйшимъ развитіемъ суффиксальнаго словообразованія дифференціація смысловыхъ оттѣнковъ становится болѣе детальною и еще болѣе опредѣленною. Разсмотримъ главнѣйшія категоріи суффиксовъ именъ существительныхъ совмѣстно съ ихъ значеніемъ такъ, какъ онѣ представляются намъ въ современномъ русскомъ языкѣ. При этомъ обзорѣ мы будемъ различать именныя представленія міра одушевленнаго и неодушевленнаго, а также конкретныя и абстрактныя и, наконецъ, съ оттѣнками увеличенія и уменьшенія.

I. Именныя представленія дѣятелей или дѣйствующихъ лицъ по роду ихъ дѣйствій или занятій. Къ этой категоріи относятся:

1) Существительныя, образованныя отъ глаголовъ съ помощью суффиксовъ *-ецъ*, *-чикъ*, *-щикъ*, *-тель*, *-арь*, *-тай* въ простомъ видѣ ихъ или же распространенномъ:

-ецъ: купи́ть<куп*е́цъ*; **-овецъ**: торгова́ть (торгу́ю)<торг-*о́вецъ*; **-лецъ**, **-алецъ**, **-ялецъ**, **-ѣлецъ**, **-илецъ**: пришл-*е́цъ* (или прише́*лецъ*), дав-*а́лецъ*, посто-*я́лецъ*, влад-*ѣ́лецъ*, сид-*ѣ́лецъ*, корм-*и́лецъ*. [1])

-чикъ: вози́ть<во́з-*чикъ*, переводи́ть<перево́д-*чикъ*.

-щикъ: спо́рить<спо́р-*щикъ*, откупа́ть<откуп-*щи́къ*; **-овщикъ**:

---

[1]) Примѣры на *-л-ецъ* происходятъ отъ прежнихъ формъ причастія на *-лъ* (владѣл-ъ<владѣл-ецъ), которыя въ современномъ языкѣ имѣютъ уже значеніе прошедшаго времени вслѣдствіе опущенія при нихъ формъ глагола «быть»—есмь, еси и пр.

бунтова́ть<бунт-*овщи́къ*; **-ировщикъ:** лакирова́ть<лак-*иро́вщикъ*; **-авщикъ:** продава́ть<продав-*щи́къ*; **-альщикъ** или **-яльщикъ:** купа́ть<куп-*а́льщикъ*, ма́зать<ма́з-*альщикъ*, мѣня́ть<мѣн-*я́льщикъ*; **-овальщикъ:** рисова́ть<рис-*ова́льщикъ*; **-ѣльщикъ** и **-ельщикъ:** говѣ́ть<гов-*ѣльщикъ*, плати́ть<плат-*е́льщикъ*; **-ильщикъ:** кури́ть<кур-*и́льщикъ*. [1])

-атель: чита́ть<чит-*а́тель*, дѣ́лать<дѣл-*атель*; **-ователь:** толкова́ть<толк-*ова́тель*; **-ѣтель:** владѣ́ть<влад-*ѣтель*; **-итель:** пра́вить<прав-*и́тель*.

-арь: печь<пе́к-*арь*, лѣчи́ть<лѣ́к-*арь*; писа́ть<пи́с-*арь*.

-атай: (воз)глаша́ть<глаш-*а́тай*.

Примѣчаніе 1. Отъ словъ на *-ецъ*, *-никъ* и *-щикъ* названія лицъ женскаго пола оканчиваются на *-ица* (кормил*ица*, переводч*ица*, плательщ*ица*), оканчивающіяся на *-тель* распространяются прибавленіемъ суффикса *-ница* (читательн*ица*), наконецъ—отъ словъ на *-арь* женскій родъ образуется на *-арка* и *-арша* (лѣкар*ка*, лѣкар*ша*).

Примѣчаніе 2. Заимствованныя слова латинскаго происхожденія, принадлежащія къ данной категоріи, оканчиваются на *-торъ*, *-аторъ*, *-иторъ*, напр. инспек*торъ*, администр*аторъ*, репет*иторъ* (женскій родъ образуется на *-ша*, или же сохраняетъ французское окончаніе *-триса*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ муж. родъ также удерживаетъ французскій видъ: акт*ёръ*, визит*ёръ*, гувернёръ.

2) Существительныя, образованныя отъ существительныхъ, обозначающихъ необходимый предметъ въ занятіяхъ,— съ помощью суффиксовъ *-акъ*, *-арь*, *-никъ*, *-щикъ*:

-акъ или **-якъ:** ры́ба<рыб-*а́къ*, мо́ре<мор-*я́къ*.

-арь: ры́ба<ры́б-*арь*, ключъ<ключ-*а́рь*.

-никъ: хлѣ́бъ<хлѣ́б-*никъ*, печь<печ-*ни́къ*. [2])

---

[1]) Относительно *-л-* передъ *-щикъ* см. предъидущую сноску.

[2]) Здѣсь отъ производящаго имени кромѣ существительныхъ на *-никъ* одновременно образуются и прилагательныя на *-ный* или *-ной*. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ и возникъ самый суф. *-никъ* (съ *н* передъ *-икъ*).

-чикъ: монéта<монет-*чикъ*, газéта<газéт-*чикъ*.

-щикъ: стеклó<стекóль-*щикъ*, кáменъ<кáмень-*щикъ*, барабáнъ <барабáнь-*щикъ*; -овщикъ: лáмпа<лáмп-*овщикъ*, гуртъ <гурт-*овщикъ*.

Примѣчаніе 1. Къ данной категоріи принадлежатъ существительныя иностраннаго происхожденія на *-антъ*, напр. фáбрика<фабрикáнтъ (франц. le fabricant, нѣм. Fabrikant), квартúра<квартирáнтъ.

Примѣчаніе 2. Въ нѣмецкомъ языкѣ наиболѣе обычнымъ суффиксомъ для разсматриваемой категоріи служитъ *-er*. Въ словахъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго съ этимъ суффиксомъ, послѣдній передается неодинаково въ зависимости отъ эпохи заимствованія. Наиболѣе раннія заимствованія относятся къ XIII в., напр. мастеръ или мастерь (ср.-вхн. meister) «глава ордена», а также въ смыслѣ «ремесленникъ». Слово «рыцарь» (ср.-вхн. ritter, riter) въ Новгород. лѣт. по списку XV в. подъ 1242 г. встрѣчается съ удержаніемъ звука *т*—рыторъ; но въ концѣ XIV в. въ жалов. грам. 1388 г. уже съ звукомъ *ц*—рыцерь (вѣроятно, черезъ посредство польскаго языка, срв. соврем. пол. rycerz). Слово «кухмистръ» или «кухмистеръ» (пол. kuchmistrz) встрѣчается уже въ Соф. врем. подъ 1507 г., гдѣ упоминается «Яковъ кухмистръ» въ числѣ литовскихъ пословъ къ кн. Вас. Иван. При болѣе точномъ заимствованіи позднѣйшаго времени слова оканчиваются на *-еръ*, напр. «почтмейстеръ». Впрочемъ слово «*егерь*» (также «лагерь») представляетъ другую русскую разновидность даннаго нѣмецкаго суффикса. Въ словѣ «*слесарь*» (нѣм. Schlösser) имѣется подстановка суффикса *-арь* по созвучію съ нѣм. «*er*; слово же Mahler заимствовано въ видѣ «маля́ръ».[1]) Слова «слесарь» и «маляръ» находятся въ согласіи съ польскими—ślosarz, malarz.

II. Субстантивныя представленія лицъ по ихъ свойствамъ. Сюда относятся:

1) производныя отъ глаголовъ посредствомъ суффикса -ýнъ (ж. р. -ýнья), напр. болтáть<болт-*ýнъ*;

2) отъ прилагательныхъ посредствомъ суффиксовъ *-ецъ*, *-икъ*, *-якъ*, *-ачъ*, *-арь*, *-ѣй*, *-ышъ*:

При словѣ «волшеб*ник*ъ» имя производящее (для даннаго существительнаго и соотвѣтствующаго прилагательнаго) уже не употребляется, но оно существовало въ древнемъ языкѣ, срв. волъжба (Ипат. лѣтоп. подъ 1250 г.).

[1]) Возможно, что аналогіи этого слова послѣдовало и слово столя́ръ (нѣм. der Tischler)=польск. stolarz.

-ецъ (жен. р. -ица): ста́рый<ста́р-*ецъ*, слѣпо́й<слѣп-ецъ; -ивецъ: лѣни́вый<лѣн-*и́вецъ*.

-икъ: ста́рый<стар-*и́къ* (ж. р. стар-у́ха).

-якъ или -анъ: бѣ́дный<бѣдн-*я́къ*, чужо́й<чуж-*а́къ*.

-ачъ: ло́вкій<ловк-*а́чъ*.

-арь: глухо́й<глух-*а́рь*.

-ѣй: бога́тый<богат-*ѣ́й*.

-ышъ: го́лый<гол-*ы́шъ*, крѣ́пкій<крѣп-*и́шъ*.

3) отъ существительныхъ, обозначающихъ часть тѣла, обращающую на себя вниманіе другихъ,—посредствомъ суффиксовъ *-унъ*, *-анъ*, *-ачъ*:

-унъ: горбъ<горб-*у́нъ*.

-анъ: го́рло<горл-*а́нъ*.

-ачъ: горбъ<горб-*а́чъ*. [1])

III. Названія лицъ по ихъ происхожденію изъ извѣстныхъ страны, города и вообще мѣстности, или же по ихъ принадлежности къ какой-нибудь народности. Они образуются распространеніемъ производящихъ существительныхъ суффиксами *-ецъ*, *-ичъ*, *-якъ*, *-инъ* (женскій родъ въ нихъ оканчивается на *-ка*):

-ецъ: Голла́ндія<голла́нд-*ецъ*, Петербу́ргъ<петербу́рж-*ецъ*; -анецъ или -янецъ: Аме́рика<америк-*а́нецъ*, Ита́лія<италь-*я́нецъ*.

-ичъ: Кострома́<костром-*и́чъ*, Вя́тка<вя́т-*ичъ*.

-якъ: Сиби́рь<сибир-*я́къ*, Ту́ла<тул-*я́къ*.

---

[1]) Въ случаѣ сила<сил-*а́чъ* производящее обозначаетъ извѣстное качество, а производное на *-а́чъ*—лицо, обладающее въ большой степени этимъ качествомъ.

-инъ: англичáне<англичáн-*инъ*, литвá<литв-*úнъ*. [1])

IV. Названія лицъ по ихъ родовому происхожденію образуются посредствомъ суффиксовъ -ичъ и -овичъ или -евичъ:

-ичъ: кнúзь<кнúж-*ичъ*.

-овичъ (ж. р. на *-овна*): попъ<поп-*óвичъ*.

-евичъ (ж. р. на *-евна*): царь<цар-*éвичъ*. [2])

Примѣчаніе. Къ этой категоріи относятся и собственныя имена существительныя, служащія для отчествъ и фамилій. Первоначально языкъ могъ довольствоваться одними личными именами, но очень рано явилась потребность различать лица со сходными именами, что и достигалось присоединеніемъ къ личному имени дополнительнаго по отцу; [3]) впослѣдствіи сверхъ этихъ двухъ именъ стало употребляться еще третье (фамильное), названіе котораго происходило частью изъ личныхъ свойствъ или занятій основателя фамиліи, или же отъ названія мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, а частію и отъ личныхъ именъ. [4]) Что касается отчествъ, то въ русскомъ языкѣ, подобно другимъ славянскимъ, суффиксомъ для такихъ именъ служитъ *-ичъ* или *-вичъ* (-овичъ, -евичъ)—для муж. рода; женскій родъ къ такимъ отчествамъ русскій языкъ образуетъ посредствомъ суффиксовъ *-овна, -евна, -ична, -ична*. Для образованія фамилій языкъ пользуется суффиксами *-овъ* или *-евъ*, *-инъ* и *-скій*. [5]) Кромѣ того въ фамиліяхъ встрѣчаются еще такія

---

[1]) Здѣсь производящее во множ. числѣ, или же собирательное; суффиксъ *-инъ* нѣкоторыми считается происшедшимъ отъ древняго слова «инъ», означавшаго «одинъ» (а также—«иной, нѣкоторый, тотъ»).

[2]) Слогъ *-ов-* или *-ев-* указываетъ на ближайшее происхожденіе этихъ названій отъ прилагательныхъ (попо*въ*, цар*евъ*), что согласуется и съ образованіемъ «кня*ж*ичъ», гдѣ *ж* могло перейти изъ производящаго прилагательнаго «кня*ж*ій».

[3]) Такое пополненіе личныхъ именъ встрѣчается уже въ древнихъ памятникахъ аріо-европейскихъ языковъ, напр. въ санскритѣ (V ī r a s ē n a-sutás=сынъ Вирасена или Вирасеновичъ), древне-греческомъ (Πηλείδης—сынъ Пелея) и др.

[4]) Въ русской литературѣ существуетъ особая монографія о родовыхъ прозваніяхъ: К а р н о в и ч ъ Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Спб. 1886.

[5]) Среди донскихъ казаковъ вм. *-скій* употребляется *-сковъ*.

суффиксальныя окончанія, какъ: *-ово́* (Хитрово́), *-а́го* (Мертва́го), [1]) *-ы́хъ* или *-скихъ* (Черныхъ, Еловскихъ), [2]) *-енко*, *-якъ* и *-юкъ* (Шевченко, Чернякъ, Павлюкъ). [3])

V. Что касается названій животныхъ, растеній и минераловъ, то здѣсь мало вполнѣ опредѣленныхъ суффиксовъ, а потому мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые. Въ названіяхъ животныхъ при производствѣ именъ женскаго рода русскій языкъ пользуется часто суффиксомъ *-ица* (напр. медвѣдь<медвѣд-*ица*), а для названій молодыхъ животныхъ суффиксомъ *-енокъ* (напр. медвѣдь<медвѣж-*енокъ*).[4])

При обозначеніи предметовъ міра растительнаго суф. *-овникъ* нерѣдко служитъ для указанія кустарниковыхъ растеній, напр. терно́вникъ, крыжо́вникъ и т. п., а суф. *-никъ* и *-някъ*—для отличія разныхъ породъ лѣса (бере́зникъ, липня́къ), *-ина* и *-и́ка* для обозначенія ягодныхъ растеній (рябина, смородина, земляника), *-икъ*, *-овикъ*, *-окъ* и нѣк. др.—въ названіяхъ грибовъ, напр. рыжикъ, березовикъ, опенокъ.

Въ названіяхъ предметовъ минеральнаго царства суффиксы *-никъ* или *-някъ* служатъ, подобно тѣмъ же суффиксамъ въ названіяхъ міра растительнаго, для указанія той или другой минеральной породы или почвы, напр. песча́никъ, извѣстня́къ; для той же цѣли иногда служитъ суф. *-окъ*, напр. сугли́нокъ;

---

[1]) Второе окончаніе въ сущности одинаково съ первымъ, различаясь отъ него лишь удареніемъ и орѳографіей.

[2]) Въ такомъ видѣ суффиксы обычно употребляются въ Сибири и возникли какъ отвѣтъ на вопросъ *чьихъ ты*, *онъ* и пр., подобно тому какъ на вопросъ *чей* или *кого ты* и пр. возникли отвѣтные суффиксы *-ово* или *-аго*. Въ Сибири существуетъ для этихъ случаевъ даже особаго вида вопросительное мѣстоименіе—*чёевинъ? чёичъ? чёевъ?*

[3]) Три послѣдніе суффикса употребительны въ Малороссіи.

[4]) Для обозначенія мяса животныхъ, употребляемаго въ пищу, прибавляется суффиксъ *-ина*, напр. бара́н-*ина*, осетр-*ина* и пр.

суф. *-икъ* встрѣчаемъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ минераловъ, напр. плавикъ, кровавикъ.

VI. Что касается существительныхъ, служащихъ обозначеніемъ разнообразныхъ предметовъ культуры, т. е. предметовъ жилища, утвари, орудій, одежды, пищи и также комфорта, то значительное количество ихъ уже получило обозначеніе въ языкѣ въ эпохи развитія первообразныхъ существительныхъ. Послѣ того языкъ, по мѣрѣ появленія новыхъ культурныхъ предметовъ въ жизни, частію примѣняетъ прежнія наименованія, а частію образуетъ новыя имена существительныя прибавленіемъ префиксовъ и суффиксовъ къ ранѣе образованнымъ первообразнымъ именамъ, обозначающимъ близкія по смежности или сходству представленія, напр. свѣча< *подсвѣчникъ*, рука<ручк*а* (для письма).

Наиболѣе распространенными суффиксами въ новообразуемыхъ существительныхъ разсматриваемой категоріи служатъ *-никъ* и *-ница*, присоединяющіеся къ производящимъ словамъ для приданія имъ весьма разнообразныхъ значеній, напр. нагрудникъ, игольникъ, чайникъ, сахарница, песочница. Въ этихъ примѣрахъ новый культурный предметъ названъ по другому предмету, къ которому онъ находится въ извѣстномъ пространственномъ отношеніи, или же такъ или иначе служитъ для него. Нѣкоторыя существительныя представляютъ названія по глагольному дѣйствію, напр. умывальникъ, подойникъ, мельница; въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ образованіе существительныхъ по глаголу съ помощью другихъ суффиксовъ, напр. *-ево* (кружить<круж-*ево*); суф. *-ня* служитъ для показанія мѣста для производства работы или вообще совершенія дѣйствія (пекарня, бѣлильня, купальня); суф. *-ало* или *-ило* для обозначенія орудій дѣйствій, напр. опах-*ало*, точ-*ило*.

Наконецъ, необходимо помнить, что благодаря позаимствованію многихъ культурныхъ предметовъ отъ другихъ на-

родовъ, въ русскій языкъ вошли вмѣстѣ съ заимствованными предметами и соотвѣтствующія иностранныя названія ихъ.

VII. Переходя отъ конкретныхъ существительныхъ къ абстрактнымъ, мы прежде всего укажемъ на субстантивныя названія дѣйствій, которыя образуются отъ соотвѣтствующихъ глаголовъ при помощи слѣдующихъ суффиксовъ:

-ніе (-еніе, -аніе, -ѣніе, -ываніе и т. п.) и **-тіе**: писáть< пис-*áніе*, склáдывать<склáд-*ываніе*, взять<взя́-*тіе*. Суффиксъ *-ніе*—самый употребительный, а суф. *-тіе* встрѣчается только при глаголахъ извѣстнаго типа. [1])

-ба: палить<паль-*бá*, молотить<молоть-*бá*. Особенно часты такія образованія отъ глаголовъ на *-ить*.

-ство: воровáть<вор-*овствó*, колдовáть<колд-*овствó*. Въ большомъ числѣ случаевъ такія существительныя происходятъ отъ глаголовъ на *-овать*.

-ствіе: дѣй-*ствіе*, восшéствіе. Въ этой группѣ много словъ церковно-славянскаго происхожденія.

---

[1]) Суффиксы *-ніе* и *-тіе*, съ предшествующимъ гласнымъ, представляютъ собою дальнѣйшее образованіе отъ прич. прош. страд., при чемъ согласные *н* и *т* являются именно тѣми согласными, которые служатъ для образованія данной причастной формы. Однакожъ эти существительныя не имѣютъ страдательнаго значенія; въ этомъ могло сказаться дѣйствіе аналогіи глагольныхъ существительныхъ на *-ть*. Связь же съ прич. прош. стр. обнаруживается (кромѣ параллелизма въ производствѣ) изъ конструкціи при этихъ существительныхъ: дѣйствующій предметъ ставится при нихъ въ Твор. пад., т. е. какъ въ страд. оборотѣ. Самое же значеніе ихъ, какъ упомянуто, соотвѣтствуетъ глаголу въ дѣйствительной формѣ, при чемъ удерживаются и «видовыя» различія, напр. несеніе || ношеніе и т. п.; далѣе, если производящій глаголъ сочетается съ неопред. накл., то и происходящее отъ него существительное можетъ сохранить такое словосочетаніе, напр. стремлюсь доказать || стремленіе доказать (удерживаются также Дат. падежъ и предложныя конструкціи, прямое же дополненіе по общему правилу переходитъ въ Род. падежъ).

-ка: обши́в-*ка*, кла́д-*ка*.

-ня́: страп-*ня́*, рѣз-*ня́*; -отня́: бѣг-*отня́*; -овня́: болт-*овня́*. Выражается усиленность дѣйствія.

Примѣчаніе. Во многихъ случаяхъ разсматриваемыя существительныя обозначаютъ не только дѣйствіе, но и продуктъ дѣйствія, напр. писаніе, обшивка и т. д. Въ этомъ послѣднемъ значеніи многія изъ такихъ существительныхъ относятся къ предшествующему VI-ому отдѣлу.

VIII. Опредмеченныя представленія качествъ производятся въ языкѣ отъ соотвѣтствующихъ прилагательныхъ съ слѣдующими суффиксами:

-ба: злой<зло́*ба*, худо́й<худо*ба́*.

-ость и -есть: живо́й < жи́в-*ость*, жесто́кій < жесто́к-*ость*, свѣ́жій<свѣ́ж-*есть*; -ность: че́стный <че́ст-*ность*; -ивость: игри́вый<игр-*и́вость*; -авость: лука́вый<лук-*а́вость*.

-ота: пе́стрый<пестр-*ота́*; че́рный<черн-*ота́*, глухо́й<глух-*ота́*. Обыкновенно—отъ прилагательныхъ, обозначающихъ цвѣтъ, а также физическій недостатокъ.

-изна: криво́й<крив-*изна́*.

Примѣчаніе. Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами абстрактныхъ существительныхъ, происходящихъ отъ глаголовъ и прилагательныхъ, русскій языкъ представляетъ не мало случаевъ образованія абстрактныхъ существительныхъ отъ другихъ существительныхъ, нерѣдко конкретныхъ. Въ этихъ образованіяхъ обычными суффиксами являются *-ица*, *-ство*, *-іе*, при чемъ такія слова часто представляютъ собою сложенія, или же начинаются префиксами, особенно отрицательнымъ *без-*. Суффиксы *-ица* и *-іе* придаютъ слову одинаковое значеніе и встрѣчаются въ нѣкоторыхъ образованіяхъ рядомъ; срв. безвод*ица* ‖ безводь*е*: «Мы лишились множества людей отъ безводицы» (*Пушкинъ*, Зап. Моро-де-Бразе) ‖ «отъ безводья и безхлѣбья, среди крымскихъ солончаковъ...» (*Гоголь*, Тарасъ Бульба). Въ качествѣ примѣровъ для суффикса *-ство* укажемъ: умъ<безу́м-*ство* (‖ *-іе*), шалопа́й ‖ шалопа́й-*ство*, банкро́тъ (иностр.)<банкро́т-*ство*; этотъ суффиксъ нерѣдко является распространеннымъ предшествующими суффиксальными элементами, напр. взя́точ-никъ<взя́точ-*ничество*, уч-и́тель<уч-*и́тельство*, пис-а́тель<пис-*а́тельство*. Иногда абстрактныя существительныя принимаютъ собирательный оттѣнокъ значенія, становясь въ то же время конкретными, напр. «священство»=1) названіе опредѣленнаго духовнаго сана, 2) духовенство (срв.

«усадилъ священство за почетный столъ»—у *Тургенева* VIII, стр 250, изд. 1883). [1]) Мы видимъ, что русскій языкъ проявляетъ большую способность къ абстрактнымъ образованіямъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о духовной развитости и зрѣлости народа, владѣющаго такимъ языкомъ.

IX. До сихъ поръ мы разсматривали такія производныя существительныя, которыя, благодаря принятому ими суффиксу, получили новое значеніе по сравненію съ своимъ производящимъ; это значеніе находится въ нѣкоторомъ легко подразумѣваемомъ соотношеніи къ значенію производящаго слова, срв. рыба<рыб-*áкъ* (т. е. лозящій рыбу), печь<печ-*нúкъ* (дѣлающій печи), молоко́<моло́ч-*никъ* (продающій молоко, или же посуда для молока). Теперь передъ нами новый типъ производныхъ, въ которыхъ сохраняется основное значеніе производящаго, видоизмѣняется лишь оттѣнокъ представленія одного и того же предмета, который можетъ мыслиться большимъ или малымъ, а также съ оттѣнкомъ пренебрежительнымъ или же ласкательнымъ. Ясно, что эти производныя существительныя могутъ происходить только отъ существительныхъ. Суффиксы, съ помощью которыхъ могутъ образовываться такія производныя существительныя, суть слѣдующіе:

1) Увеличительныя имена пользуются суффиксами:

-ище (-ища): домъ<дом-*úще* (рука́<руч-*úща*).

-ина: звѣрь<звѣр-*úна*.

2) Уменьшительныя существительныя имѣютъ суффиксы:

-ецъ: уро́дъ<уро́д-*ецъ*.

-инъ: столъ<сто́л-инъ; -чинъ: младенецъ<младен-*чинъ*.

---

[1]) Здѣсь умѣстно указать также на то, что вообще субстантивныя названія качествъ иногда переносятся на самыя лица, какъ напр. «старина», т. е. подобно древне-греческимъ существительнымъ муж. рода перваго склоненія (напр. ἱππότη-ς, νεανίκ-ς).

-окъ, -очекъ (-ёкъ, -ёчекъ): **го́лосокъ**<**голос-*о́къ*<**голос-*о́чекъ***, **ого́нь**<**огон-*ёкъ*<**огон-*ёчекъ***

-ица: **вода́**<**вод-*ица*.**

-ка: **бля́ха**<**бляш-*ка*, кана́ва**<**кана́в-*ка*;** [1]) **-очка; -ечка**: **цѣпь**<**цѣп-*о́чка*, мете́лка**<**мете́л-*очка*, доска́**<**дощ-*ёчка*; -ичка**: **пти́ца**<**пт*и́чка*; -ынка**: **простыня́**<**прост-*ы́нка*, -ушка**: **дере́вня**<**дерев-*у́шка*, изба́**<**изб-*у́шка*.**

-ко: **у́хо**<**уш-*ко́*; -ечко**: **кольцо́**<**коле́чко*; -ико**: **лицо́**<**ли́ч-*ико*.**

-цо́, -це: **о́зеро**<**озер-*цо́*, блю́до**<**блю́д-*це*; -ецо́**: **письмо**<**письм-*ецо́*.**

Примѣчаніе 1. Уменьшительныя имена весьма часто получаютъ въ языкѣ значеніе обыкновенныхъ; въ такомъ случаѣ они принимаютъ обычно новый оттѣнокъ значенія и въ свою очередь могутъ образовывать новыя уменьшительныя путемъ дальнѣйшаго распространенія уменьшительными суффиксами, напр. клубо́къ (собственно—уменьш. отъ «клубъ»)<клубо́чекъ, носо́къ (напр. у чайника или сапога, собственно—уменьш. отъ «носъ»)<носо́чекъ. Иногда въ языкѣ рядомъ съ уменьшительными словами, уже утратившими свой оттѣнокъ уменьшительности, все еще продолжаютъ существовать и ихъ производящія, напр. до́ждикъ || дождь. [2])

Примѣчаніе 2. Русскій языкъ очень широко пользуется уменьшительными существительными, какъ это нерѣдко встрѣчаемъ въ народной поэзіи; [3]) въ повседневномъ же разговорѣ уменьшительныя имена часто употребляются для оттѣнка почтительности или уваженія, а также для приданія своей рѣчи особенной ласковости. [4]) Привычкѣ называть въ разговорѣ обыкно-

---

[1]) При этомъ суффиксѣ по большей части уже не сохраняется оттѣнокъ уменьшительности, при чемъ и самое значеніе слова отошло отъ первоначальнаго, напр. вил-*ка*, пѣн-*ка* и т. п.

[2]) Что слово «до́ждикъ» имѣетъ уже неуменьшительное значеніе, подтверждается тѣмъ, между прочимъ, что оно употребляется на ряду съ обыкновенными, напр. у Лермонтова: «вѣдь, напримѣръ, въ *дождикъ*, въ *холодъ*, цѣлый день на охотѣ» (Герой наш. вр., гл. I).

[3]) См. напр. Великорусскія народныя пѣсни, изданныя проф. А. И. Соболевскимъ, т. 1 (1895) № 401.

[4]) Примѣръ перваго оттѣнка встрѣчаемъ у Тургенева въ разсказѣ «Малиновая вода» въ рѣчи бывшаго дворецкаго Тумана (обращаясь къ ав-

венные предметы уменьшительными именами много способствуетъ подчиненность и зависимость лица, говорящаго съ высшими; при частотѣ такого явленія уменьшительныя существительныя легко переходятъ въ категорію обыкновенныхъ; здѣсь, такимъ образомъ развитіе языковаго явленія зависитъ отъ соціальныхъ условій. Существительныя, обозначающія разнаго рода мѣру, которыя по этому не должны бы имѣть уменьшительныхъ образованій, въ дѣйствительности имѣютъ таковыя; этими послѣдними обычно пользуются въ томъ случаѣ, когда хотятъ произвести впечатлѣніе малости просьбы, напр.: «отпусти на *недѣльку*»; «*гривенничекъ* всего стоитъ», и т. п. [1]) Кромѣ того, уменьшительныя имена въ разговорѣ нерѣдко употребляются для обозначенія представленій съ противоположнымъ оттѣнкомъ значенія, т. е. увеличительнымъ, при чемъ самая рѣчь получаетъ какъ бы характеръ юмора или ироніи; напр. «ну, и *морозецъ* сегодня!»[2]) Такого рода примѣры, встрѣчающіеся сплошь и рядомъ, достаточно убѣждаютъ въ томъ что семазіологическая жизнь и развитіе суффиксовъ происходитъ не въ отдѣльныхъ словахъ, а въ живой рѣчи.

3) Уничижительныя или пренебрежительныя пользуются суффиксами увеличительныхъ или же уменьшительныхъ, напр. ла́п-*ища*, звѣр-*ю́шка*. Кромѣ того, для оттѣнка пренебреженія часто служитъ суффиксъ *-ёнка*; срв. напр.: лошадка (уменьш.) || лошадёнка (уничижит.), избушка (уменьш.) || избёнка (уничиж.). [3]) Пренебрежительныя формы въ рѣчи

тору разсказа, онъ спрашиваетъ: «А что это у васъ *пёсикъ* англицкій, али фурлянскій какой?» въ разговорѣ же съ мужикомъ Степой пользуется обыкновенными именами), а также у Маркевича въ романѣ «Четверть вѣка назадъ» въ рѣчи домашняго учителя изъ семинаристовъ; весьма характернымъ примѣромъ втораго оттѣнка могутъ служить письма Макара Алексѣевича Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго.

[1]) Срв. Мандельштамъ І., Объ уменьшительныхъ суффиксахъ въ русскомъ языкѣ со стороны ихъ значенія (Къ исторіи поэтическаго стиля), въ Ж. М. Н. Пр., часть 348, 1903 г., стр. 348. Цитируемая статья (l. c. стр. 34—66, 317—353) заслуживаетъ особаго вниманія по богатству собраннаго и разсмотрѣннаго въ ней матеріала.

[2]) Замѣтимъ, что русскому увеличительному суффиксу *-ище* въ греч. соотвѣтствуетъ суф. -ωκος съ уменьшительнымъ оттѣнкомъ значенія.

[3]) Уничижительный оттѣнокъ послѣдняго слова ясно проглядываетъ въ выраженіи: «въ дрянной, полуразвалившейся *избёнкѣ*» (Тургеневъ, Сочиненія, изд. 1883 г., т. II, стр. 21).

нерѣдко служатъ для придапія предмету малой значительности въ глазахъ слушателя; такъ, напр. Хорь въ извѣстномъ разсказѣ Тургеневѣ не безъ лукавства скромно замѣчаетъ о себѣ: „торгуемъ по-маленьку *маслишкомъ*, да *дегтишкомъ*“.

4) Ласкательныя имена могутъ образовываться какъ для обыкновенныхъ, такъ и для уменьшительныхъ существительныхъ. Такъ, напр., отъ обыкновеннаго существительнаго „голова“ происходитъ ласкательное „голов*ушка*“; что касается соотвѣтствующаго уменьшительнаго „голов*ка*“, то оно, какъ и вообще уменьшительныя, можетъ соединять въ себѣ и ласкательный оттѣнокъ; если же такое образованіе кажется недостаточнымъ для выраженія ласки, то отъ него можетъ быть произведено новое уменьшительно-ласкательное существительное на *-очка* или *-онька* (головочка, головонька). [1]) Русскій языкъ вообще весьма богатъ уменьшительно-ласкательными существительными, что̀ отчасти можетъ считаться показателемъ душевной мягкости русской народности. Здѣсь, такимъ образомъ, развитіе суффиксальное объясняется уже не соціальными условіями, а факторомъ народной психологіи. Замѣтимъ еще, что подобно тому какъ иронія можетъ переводить уменьшительныя имена въ увеличительныя, такъ здѣсь этимъ путемъ при соотвѣтственномъ измѣненіи интонаціи достигается переходъ ласкательнаго оттѣнка въ уничижительный, напр. умница, чадушко и др.

Примѣчаніе. Личныя имена въ русскомъ языкѣ проявляютъ особенную склонность къ ласкательнымъ и уничижительнымъ образованіямъ; обыкновенно суффиксами ласкательными служатъ: *-я* или *-а* (Ва́н-*я*, Та́п-*я*, Миш *а*, Груш-*а*), *-енька* (Ми́т-*енька*, Груш-*енька*), *-ичка* (Ва́н-*ичка*, Ду́н-*ичка*), *-ушка*

---

[1]) Ласкательныя образованія могутъ быть и отъ иностранныхъ словъ; срв. напр. слово «тантушка» (отъ нѣм. Tante «тетка») въ Исторіи лейтенанта Ергунова у Тургенева.

или *-юшка* (Ива́н-*ушка*, Андре́-*юшка*, Степанид-*ушка*, Та́н-*юшка*), а уничижительныхъ | *-ка* (Ваня-*ка*, Груш-*ка*). [1])

Всматриваясь во все многообразіе суффиксовъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ особенно способны къ дальнѣйшему суффиксальному разростанію путемъ постепеннаго поглощенія предшествующихъ суффиксальныхъ элементовъ (напр. *-тель -атель*, *-ыватель* и т. п.). Ближайшее наблюденіе показываетъ, что такому росту подвергаются главнымъ образомъ тѣ суффиксы, которые служатъ къ образованію самыхъ основныхъ категорій именныхъ представленій, именно—дѣятелей, дѣйствій, объектовъ и орудій дѣйствій. Сверхъ того, какъ уже было указано, русскій языкъ представляетъ почти неисчерпаемое обиліе наращенныхъ ласкательныхъ образованій.

---

[1]) Эти послѣднія имена играютъ важную роль въ отпискахъ служилыхъ людей къ государямъ московской Руси, при чемъ употребленіемъ такихъ именъ (Ванька и т. п.) достигалось собственное уничиженіе. Такъ именуютъ себя при Иванѣ III наименѣе значительные люди или «людишки»; болѣе знатные пользуются уже уменьшительными, а не уничижительными суффиксами (напр. Иванецъ, Васюкъ) и лишь самые знатные пишутся полными именами. При Иванѣ IV Грозномъ даже и знатныя лица стали писаться не только уменьшительными, но обыкновенно и уничижительными.

Глава IX.

Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи.

Именемъ прилагательнымъ называется измѣняемая часть рѣчи, обыкновенно служащая для опредѣленія имени существительнаго. Самый терминъ „прилагательное" выражаетъ, что эта часть рѣчи употребляется въ приложеніи къ существительному, при чемъ прилагательнымъ обозначается какое-либо частное представленіе въ цѣломъ представленіи даннаго предмета. Связь же частнаго представленія со своимъ сложнымъ въ сферѣ языка выражается *согласованіемъ* прилагательнаго съ существительнымъ, напр. красн*ый* столъ, красн*ая* доска и т. п. [1]) Имя прилагательное, относясь къ

---

[1]) По поводу даннаго нами опредѣленія прилагательнаго можно было бы возразить, что, напр., въ выраженіи: передай книгу въ переплетѣ--слово «въ переплетѣ», согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, нужно считать прилагательнымъ, такъ какъ оно обозначаетъ *одинъ изъ признаковъ другаго представленія*. Это замѣчаніе было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы часть рѣчи опредѣлялась только по значенію, но въ опредѣленіе каждой части рѣчи должна входить также характеристика ея со стороны формальной, почему мы и указали, что прилагательное согласуется со своимъ существительнымъ, т. е. что ему свойственна опредѣленная форма.

существительному, можетъ являться въ предложеніи не только опредѣленіемъ (красный столъ и т. п.), но также входить въ составъ сказуемаго, напр. столъ — красенъ, доска — красна и т. п. Соотвѣтственно этому синтаксическому различію, прилагательное имѣетъ двѣ формы: *простую*—для сказуемаго (напр. красенъ, -а, -о) и *сложную*—для опредѣленія (красный, -ая, -ое). [1]) Сложная форма образовалась изъ простой чрезъ присоединеніе древняго мѣстоименія *и*, *я*, *е* (т. е. напр. добръ + *и*, добра + *я*, добро + *е*), представляющаго собою родъ члена. Раньше простая форма прилагательнаго употреблялась и какъ опредѣленіе, но теперь (за исключеніемъ притяжательныхъ на *-инъ* и *-овъ*) только какъ сказуемое. Отголоски употребленія прилагательнаго въ простой формѣ въ качествѣ опредѣленія нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ народной словесности, напр. въ былинахъ, особенно въ типичныхъ сочетаніяхъ, ставшихъ какъ бы формулами, напр. „у ласков*а* князя Владимера“ и т. п. Такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ прилагательное въ простой формѣ является, за извѣстнымъ исключеніемъ, только въ качествѣ сказуемаго, при чемъ согласуется съ своимъ подлежащимъ, подлежащее же всегда стоитъ въ Имен. падежѣ, то вполнѣ понятно, что въ литературномъ языкѣ простое прилагательное способно имѣть только форму Имен. падежа, напр. въ ед. ч.: умéнъ—умнá—умнó, во мн. ч.: умны́. [2]) Въ качествѣ же опредѣлительныхъ словъ прилагательныя имѣютъ полное склоненіе, согласуясь со своимъ су-

---

[1]) Изъ другихъ языковъ аріо-европейскихъ укажемъ на существованіе простой и сложной формъ прилагательнаго съ подобной же синтаксической дифференціаціею ихъ въ литовскомъ и нѣмецкомъ.

[2]) Что касается ударенія при этомъ, то оно частію слѣдуетъ данному примѣру (срв. еще: *жóлтъ*—желтá—желтó—желты́), или же на окончаніе переходитъ только въ женскомъ родѣ ед. ч. напр. *сухъ*—сухá—сýхи, *дóрогъ*—дорогá—дóрого—дóроги, *вéселъ*—веселá—вéсело—вéселы; наконецъ, удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. *здорóвъ*—здорóва—здорóво—здорóвы.

ществительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; поэтому склоняются всѣ сложныя прилагательныя (напр. добрый человѣкъ, добраго человѣка и пр.), а изъ прилагательныхъ съ простою формою только извѣстныя притяжательныя (напр. Ивановъ день, Иванова дня и пр.).

Что касается *системы ударенія въ склоненіи* прилагательныхъ, то эта система очень проста: удареніе здѣсь бываетъ только постоянное—или на основѣ, или на окончаніи, при чемъ прилагательныя твердаго склоненія могутъ имѣть то и другое удареніе (напр. до́брый, слѣпо́й), прилагательныя же мягкаго склоненія встрѣчаются только съ удареніемъ на основѣ (напр. ве́рхній).

И такъ, имена прилагательныя обычно являются въ *двухъ формахъ*—простой и сложной, соотвѣтственно синтаксическому различію въ употребленіи. Не всѣ однакожъ прилагательныя способны къ этимъ двумъ формамъ: нѣкоторыя прилагательныя являются *только въ одной* формѣ, или краткой (напр. Ивановъ и т. п.), или же полной (напр. деревянный и т. п.), независимо отъ того, служатъ ли они словами опредѣлительными, или же являются въ роли сказуемаго, напр.: Сашинъ карандашъ || карандашъ—Сашинъ; деревянный домъ || домъ—деревянный. Первую группу прилагательныхъ съ одною формою составляютъ извѣстнаго образованія притяжательныя, а вторую—относительныя прилагательныя.

Какъ извѣстно, имена прилагательныя могутъ измѣняться по *степенямъ сравненія* (напр. добрый—добрѣе—самый добрый). Однако многія прилагательныя не имѣютъ движенія по степенямъ сравненія, когда качество не можетъ мыслиться въ смыслѣ сравнительномъ и превосходномъ. Къ прилагательнымъ, не измѣняющимся по степенямъ сравненія принадлежатъ всѣ *притяжательныя* и *относительныя*; прочія прилагательныя измѣняются по степенямъ сравненія и въ грамма-

тикахъ называются *качественными*. Первыя прилагательныя всегда производныя отъ другой части рѣчи, при чемъ притяжательныя происходятъ только отъ существ., напр. Иванъ< Иванов*ъ*, Вася<Вас*инъ*, отецъ<отц*овъ*, братъ<брат*нинъ*, село<сель*скій*, относительныя же отъ разныхъ частей рѣчи, напр.: отъ сущ.—дерево<дерев*янный*, шерсть<шерст*яной*, часъ<час*овой*, годъ<год*овой*, пудъ<пуд*овой*, семья<семей*ный*, жена<жен*атый*, нога<безног*ій*; отъ числ.—двое<двой*ной*, трое<трой*ной*; отъ нарѣчія: здѣсь<здѣ*шній*, вчера<вчера*шній*. Къ прилагательнымъ качественнымъ относятся всѣ первообразныя прилагательныя (напр. твердый, гордый, хитрый, добрый, острый, синій, бѣлый и пр.), а также нѣкоторыя изъ производныхъ, какъ напр. умъ<ум*ный*, ласка<ласк*овый*, печаль<печаль*ный* и т. п.

Примѣчаніе. Что касается частныхъ суффиксальныхъ оттѣнковъ въ имени прилагательномъ, то характеръ ихъ обусловливается основнымъ смысломъ данной части рѣчи—выражать одинъ изъ признаковъ субстантивнаго представленія. Само собою понятно, что признакъ не можетъ представлять того разнообразія категорій, какое свойственно самымъ субстантивнымъ представленіямъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ уже разсмотрѣнныя нами основныя различія прилагательныхъ качественныхъ, относительныхъ и притяжательныхъ, а также различія по степенямъ сравненія, то остальные болѣе частные суффиксальные оттѣнки прилагательныхъ служатъ для усиленія или ослабленія признака, а также для приданія прилагательнымъ увеличительнаго и уменьшительно-ласкательнаго характера, именно: 1) суффиксы, служащіе для показанія присутствія въ предметѣ признака въ обыкновенной или же преувеличенной степени, при чемъ самыя прилагательныя произведены отъ существительныхъ, обозначающихъ представленіе этого признака, срв. кудри < кудр-*явый*, лѣнь < лѣн-*ивый*; губы < губ-*истый*, имя<имен-*итый*, санъ<сан-*овитый*, голосъ<голос-*истый*[1]); 2) суффиксы, посредствомъ которыхъ качество прилагательнаго представляется ослабленнымъ, срв. чёрный<черн-*оватый*, синій<син *ватый*; 3) суффиксы прилагательныхъ увеличительныхъ, срв. толстый<толст-*ущій*; 4) суффиксы прилагательныхъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ, срв. добрый<добр-*енькій*, сухой<сух-*онькій* или сух-*енькій*, сѣдой<сѣд-*ёхонькій*, малый<мал-*ёшенькій*. [2])

---

[1]) Суффиксъ *-истый* можетъ имѣть еще и другое значеніе—«подобный чему-либо, сходный съ чѣмъ-либо», напр. *серебристый*, *шелковистый*.

[2]) Уменьшительныя прилагательныя очень часто сочетаются съ умень-

Намъ нужно теперь разсмотрѣть образованіе степеней сравненія именъ прилагательныхъ.

Сравнительная степень въ именахъ прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ *-ѣе* или *-е*; но такъ бываетъ только въ томъ случаѣ, если прилагательное служитъ сказуемымъ; если же оно должно быть употреблено въ качествѣ опредѣленія, то сравнительная степень не имѣетъ особой формы и выражается прибавленіемъ слова „болѣе" къ прилагательному.

Изъ приведенныхъ суффиксовъ послѣдній (*-е*) имѣетъ ограниченное употребленіе, будучи закрѣпленъ за небольшимъ числомъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. худой<хуже и т. п.), суффиксъ же *-ѣе* кромѣ другихъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. новый<новѣе) имѣетъ широкое употребленіе въ прилагательныхъ производныхъ, образованныхъ чрезъ прибавленіе разныхъ суффиксовъ (напр. правд-ив-ый и т. д.). Въ виду различій, существующихъ между суффиксами сравнит. степени *-ѣе* и *-е*, мы дадимъ особо характеристику того и другаго суффикса и остановимся сначала на болѣе употребительномъ *-ѣе*. Въ томъ случаѣ, когда этотъ суффиксъ служитъ для образованія сравнительной степени въ прилагательныхъ простѣйшаго образованія, то онъ всегда сопровождается удареніемъ независимо отъ мѣста ударенія въ положительной степени, напр. живо́й<живѣ́е, новый<новѣ́е, а́лый<алѣ́е и т. д.; въ прилагательныхъ болѣе сложнаго образованія удареніе сравнительной степени слѣдуетъ ударенію положительной степени соотвѣтствующаго

шительными существительными (родъ согласованія), между тѣмъ какъ въ увеличительныхъ выраженіяхъ такого рода согласованіе не обычно, срв.: маленькій домикъ || большущій домъ. Примѣры согласованія прилагательныхъ съ существительными по уменьшительности представляетъ въ изобиліи языкъ Гоголя и стоящій къ нему довольно близко языкъ Тургенева (срв. напр. у послѣдняго въ *Бѣжиномъ лугѣ*: «армячокъ чуть держался на его *узенькихъ плечикахъ*»).

прилагательнаго, находясь на томъ или другомъ слогѣ основы, окончаніе же *-ѣе* въ этомъ случаѣ не имѣетъ на себѣ ударенія, напр. лукáвый<лукáвѣе, льстúвый<льстúвѣе, правдúвый<правдивѣе. Что касается окончанія *-е* (je), то подъ вліяніемъ j, входившаго въ составъ этого окончанія, предшествующіе согласные смягчились такъ, какъ это было указано въ фонетикѣ, т. е. напр. дешéвый<дешéвле, крутóй<крýче, худóй<хýже, при чемъ удареніе никогда не падаетъ на окончаніе *-е*, а только на основу. Если положительная степень прилагательнаго оканчивается на *-кій* или *-окій* (короткій, гладкій, жидкій, рѣдкій, близкій, низкій, узкій, высокій, широкій), то при образованіи сравнительной степени на *-е* суффиксальный слогъ положительной степени отсутствуетъ, т. е. сравнительная степень образуется такъ, какъ будто бы въ положительной степени на концѣ имѣлось не *-кій* или *-окій*, а *ый*; [1]) если же въ положительной степени указаннымъ окончаніямъ предшествуетъ плавный или носовой согласный, то сравнительная степень встрѣчается съ окончаніемъ *-ше*, напр. тонкій<тонь*ше*, далекій<даль*ше*, но слово „широкій“ съ такимъ образованіемъ сравн. степени (ширше) встрѣчается только въ говорахъ, въ литературномъ же языкѣ будетъ „шире“; два же прилагательныя, корень которыхъ кончается на звонкій взрывной *б* (глубокій<глуб*же*, слабкій или чаще слабый <слаб*же*) вмѣсто окончанія *-ше* подставили *-же*, вѣроятно подъ вліяніемъ аналогіи такихъ прилагательныхъ, какъ „рѣдкій“ и „низкій“, въ сравн. степ. которыхъ *ж* получилось фонетически: благодаря этому корневое *б* удерживается и въ сравн. степени.

Превосходная степень именъ прилагательныхъ образуется посредствомъ окончанія *-ѣйшій* или, послѣ шипя-

---

[1]) Это явленіе наблюдается въ родственномъ образованіи сравнит. степени и въ другихъ языкахъ, напр. лат. magnus<major (изъ *magjor), греч. ἡδύς<ἡδίων, ἐχθρός<ἐχθίων и проч.

шихъ, *-айшій* (напр. краснѣйшій, легчайшій), при чемъ иногда усиливается прибавленіемъ приставки *наи-*. Болѣе употребительное образованіе превосх. степени—посредствомъ прибавленія къ положительной степени слова *самый*. Обѣ формы превосходной степени могутъ являться какъ въ качествѣ опредѣленія, такъ и сказуемаго.

Скажемъ въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о двухъ другихъ частяхъ рѣчи, обычно придающихся для опредѣленія къ имени существительному, т. е. именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ опредѣлительно-указательныхъ.

Въ именахъ числительныхъ нужно обратить вниманіе на сущность семазіологическаго различія между *количественными* и *порядковыми* числительными: первыя означаютъ сумму единицъ (напр. пять тетрадей), а вторыя—ту единицу, на которой останавливается счетъ (напр. пятая тетрадь);[1]) этому семазіологическому различію соотвѣтствуетъ различіе формальное: количественныя числительныя, начиная съ числа „пять", имѣютъ форму существительнаго того или другаго типа (срв. пять, сорокъ, сто, тысяча), тогда какъ всѣ порядковыя по своей формѣ являются прилагательными; затѣмъ—та и другая категоріи представляютъ особенности въ согласованіи (срв. пять тетрадей, пятью тетрадями || пятая тетрадь, пятою тетрадью), при чемъ только порядковыя числительныя имѣютъ полное согласованіе со своимъ существительнымъ.

---

[1]) Въ зависимости отъ того, что числительныя представляютъ послѣдовательный рядъ чиселъ, въ нихъ легко проявляется дѣйствіе аналогіи между названіями смежныхъ чиселъ: такъ, въ русскомъ языкѣ названіе «*д*евять» имѣетъ *д* вм. первоначальнаго *н* (срв. лат. *n*ovem, нѣм. *n*eun и проч.) по аналогіи къ смежному числительному «*д*есять». Этотъ типъ аналогіи встрѣчаемъ также въ числительныхъ другихъ языковъ; срв. въ греческомъ на гераклейскихъ таблицахъ ὀκτώ, ἐννέα, гдѣ густое придыханіе объясняется аналогіей къ двумъ предшествующимъ числительнымъ; въ нѣм. *v*ier начальное *f* вм. *w* по аналогіи къ слѣдующему числу—*f*ünf и др.

Говоря при классификаціи частей рѣчи о мѣстоименіяхъ, мы ихъ раздѣлили на личныя и опредѣлительно-указательныя: первыя занимаютъ самостоятельное положеніе рядомъ съ именемъ существительнымъ, вторыя же, подобно прилагательнымъ, служатъ для опредѣленія существительныхъ. Къ личнымъ мѣстоименіямъ нужно причислить возвратное. Близко къ личнымъ мѣстоименіямъ подходятъ воспросительныя „кто?“ и „что?“, которыя подобно личнымъ не различаютъ въ своей формѣ категоріи рода, при чемъ первое („кто?“) спрашиваетъ объ одушевленномъ предметѣ, а второе („что?“) о неодушевленномъ. Но какъ при личныхъ и возвратномъ мѣстоименіяхъ существуетъ прилагательная форма (мой, свой, вашъ и пр.), такъ и при неродовыхъ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ, которыя въ отвѣтѣ требуютъ названія предмета, имѣются родовыя (какой? который? чей?), требующія въ отвѣтѣ опредѣлительнаго слова. Вопросительныя мѣстоименія могутъ требовать въ отвѣтѣ указательныхъ опредѣленій разнаго рода, и здѣсь лежитъ переходъ ко всѣмъ прочимъ мѣстоименіямъ (тотъ, этотъ, самый, весь, всякій, каждый). Наконецъ, связь между вопросительными въ прилагательной формѣ и относительными мѣстоименіями видна изъ того, что форма одного мѣстоименія нерѣдко примѣняется и для обозначенія другаго, напр. въ русскомъ литературномъ вопросительныя мѣстоименія приняли значеніе и относительныхъ, въ бѣлор. и малор. встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. примѣненіе относительнаго мѣстоименія въ качествѣ вопросительнаго, именно „якій“ (т. е. какой), которое употребляется тоже какъ вопросительное и относительное.

Глава X.

Глаголъ въ отношеніи семазіологическомъ: понятіе о залогѣ, видѣ и проч. Классификація спряженій и удареніе въ нихъ.

Выше, говоря о категоріи имени существительнаго, мы установили разницу между нею и категоріею глагола, а именно: существительными обозначаются наши предметныя или опредмеченныя представленія, тогда какъ глаголы служатъ для выраженія нашихъ представленій или дѣйствія въ его совершеніи субъектомъ или же состоянія послѣдняго, напр. *несу*, *спитъ*. Мы видѣли также, что соотвѣтственно съ этимъ основнымъ различіемъ существительное измѣняется по падежамъ, показывающимъ разныя отношенія, въ какихъ можетъ находиться предметное представленіе въ предложеніи, между тѣмъ какъ глаголъ модифицируется оттѣнкомъ времени, а кромѣ того числа и лица соотвѣтственно субъекту предложенія. Но изъ того же основнаго различія проистекаетъ цѣлый рядъ другихъ особенностей въ той и другой части рѣчи, и мы обратимся теперь къ болѣе полному и послѣдовательному изученію смысловыхъ моментовъ русскаго глагола, каковыми являются залогъ, видъ, наклоненіе, время, число и лицо.

I. *Залогъ*. Соотвѣтственно различной природѣ нашихъ дѣйствій глаголы классифицируются на роды или *залоги*. Школьная грамматика насчитываетъ шесть самостоятельныхъ

залоговъ: дѣйствительный, страдательный, средній, возвратный, взаимный и общій. Но это подраздѣленіе не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ не всѣ эти залоги равноправны между собою: два изъ нихъ, *дѣйствительный* и *средній*, какъ соотвѣтствующіе двумъ основнымъ родамъ дѣйствій, должны быть признаны главными, остальные же могутъ разсматриваться какъ частные случаи этихъ главныхъ.

Обратимся теперь къ разъясненію этихъ двухъ основныхъ родовъ дѣйствій: одни дѣйствія мы представляемъ себѣ какъ совершаемыя надъ какимъ-либо предметомъ (объектомъ), напр. *вяжу* чулокъ, *читаю* книгу и т. п., другія же какъ просто проявляемыя субъектомъ безъ отношенія къ какому-либо объекту, напр. *иду*, *лежу* и пр. Глаголы, обозначающіе дѣйствія перваго рода, называются *переходными* (дѣйствительными), глаголы же обозначающіе дѣйствія втораго рода—*непереходными* (средними). Мы можемъ также назвать эти два рода глаголовъ глаголами *дѣйствія* и глаголами *состоянія*, при чемъ внѣшнимъ образомъ это смысловое различіе выражается присутствіемъ или же отсутствіемъ при глаголѣ Винит. падежа.

Попробуемъ вникнуть въ различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ, для чего сначала остановимся на дѣйствіяхъ простѣйшаго класса—физическихъ и притомъ обозначаемыхъ глаголами *первичными* (непроизводными). Не трудно замѣтить, что наши физическія дѣйствія распадаются на два класса: одними мы оперируемъ надъ міромъ объективнымъ (сюда относятся такіе глаголы, какъ: бью, трясу, ѣмъ, сосу и пр.), другія касаются состоянія самаго субъекта или его перемѣщенія въ пространствѣ (сюда относятся глаголы: *лежу*, *стою*, *бѣгу*, *ѣду* и т. п.). Первыя дѣйствія принадлежатъ къ разряду переходныхъ, а вторыя—непереходныхъ. Что касается дѣйствій, относящихся къ нашей психической жизни, то одни изъ нихъ принадлежатъ къ области *сенсорной*, т. е. къ области умственнаго воспріятія, другія же къ

области *чувствованій* или эмоцій и вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Глаголы, служащіе для обозначенія первыхъ принадлежатъ къ переходнымъ (вижу, слышу), а служащіе для обозначенія вторыхъ—къ непереходнымъ (скорблю). [1]).

Все сказанное относится лишь къ кореннымъ глаголамъ. Что касается *отъименныхъ* глаголовъ, то они принадлежатъ какъ къ переходнымъ, такъ и къ непереходнымъ, при чемъ залогъ ихъ опредѣляется отношеніемъ между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Напр. отъ прилагат. *черный* происходятъ глаголы: *чернить* и *чернѣть*. Разъяснимъ на приведенномъ примѣрѣ связь между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Въ первомъ случаѣ (чернить) глаголъ означаетъ: дѣлать что-либо такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго (напр. чернить бумагу=дѣлать ее черною). Соотвѣтственно этому оттѣнку значенія глаголъ естественно принадлежитъ къ отдѣлу переходныхъ. Во второмъ случаѣ (чернѣть) глаголъ означаетъ, что самъ субъектъ испытываетъ измѣненіе, становясь такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго, и, соотвѣтственно такому смыслу, глаголъ принадлежитъ къ отдѣлу непереходныхъ (напр. рука чернѣетъ = становится черною). [2]) Мы видимъ на тѣхъ же примѣрахъ, что смысло-

---

[1]) Различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ рельефно отразилось въ способѣ составленія сложныхъ глагольныхъ формъ въ новыхъ языкахъ аріо-европейскаго семейства; срв. напр. во франц.: j'ai lu le livre («я прочиталъ книгу») первоначально значило «я имѣю прочитанною книгу», но—je suis venu («я пришелъ») первоначально значило «я самъ есмь пришедшій или пришедши». Соотвѣтствующее различіе мы встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ, англійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ.

[2]) Разсмотрѣнное различіе глаголовъ на *-ить* и *-ѣть*, происходящихъ отъ прилагательнаго, ясно видно на выраженіи тѣхъ же представленій въ нѣмецкомъ языкѣ; тамъ они обыкновенно передаются описательно съ помощью глаголовъ «*machen*» (дѣлать) и «*werden*» (становиться), напр. чернить=*schwarz machen* (также schwärzen), чернѣть—*schwarz werden*.

вое различіе залога сопровождается и формальнымъ различіемъ, проходящимъ черезъ спряженіе этихъ глаголовъ (чернить -ю, чернѣть -ѣю). Но смысловыя соотношенія между отъименными глаголами и производящими именами весьма разнообразны, и не всегда удается подвести отдѣльные отъименные глаголы къ какой-либо опредѣленной категоріи, тѣмъ болѣе, что не вездѣ эти смысловыя соотношенія легко выяснить и не всегда они сопровождаются одними и тѣми же формальными отличіями. [1])

Кромѣ отъименныхъ глаголовъ въ языкѣ есть еще категорія *отглагольныхъ* глаголовъ, тоже производныхъ, но уже не отъ именъ, а отъ другихъ глаголовъ, корневыхъ или отъименныхъ (мету<подметаю, слѣплю<ослѣпляю). Значеніе залога въ глаголахъ отглагольныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію залога глагола производящаго.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ классахъ глаголовъ (коренныхъ, отъименныхъ и отглагольныхъ) можно встрѣтить случаи, когда присоединеніе префикса къ непереходному глаголу превращаетъ послѣдній въ переходный, напр. хожу по площади || прохожу площадь. Въ этомъ случаѣ присоединеніе пре-

---

[1]) Разсмотримъ для примѣра еще нѣсколько типовъ отъименныхъ глаголовъ. Глаголы, происходящіе отъ существительныхъ, тоже могутъ быть какъ переходными (напр. золото<золотить), такъ и непереходными (напр. рыбакъ<рыбачить). Это различіе происходитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ производный глаголъ выражаетъ—«*обработывать* (покрывать) *что-либо* тѣмъ матеріаломъ, какой обозначенъ производящимъ существительнымъ», а во второмъ случаѣ—«*быть кѣмъ-либо*, соотвѣтственно значенію производящаго существительнаго». Такимъ образомъ переходный или же непереходный смыслъ глагола опредѣляется значеніемъ производящаго существительнаго. Подобнымъ же образомъ глаголы на *-овать*, происходящіе отъ существительныхъ, являются частію переходными (напр расходъ<расходовать), частію непереходными (напр. царь<царство<царствовать). Такимъ образомъ глаголы, происходящіе отъ существительныхъ и обозначающіе «быть кѣмъ-либо», оканчиваются неодинаково: на *-ить* или *-овать*).

фикса, ограничивая область глагольнаго дѣйствія, заставляетъ представлять послѣднюю, какъ объектъ дѣйствія. Аналогичное явленіе можно встрѣтить и въ другихъ языкахъ, при чемъ часто значеніе такого производнаго глагола оказывается измѣненнымъ сравнительно съ простымъ. Напр. лат. venire „приходить“ || invenire „находить“, или нѣм. kommen „приходить“ || bekommen „получать“, stehen „стоять“ || verstehen „понимать“ (соотвѣтственно различію залога, сложныя времена этихъ глаголовъ образуются въ нѣмецкомъ съ помощью глагола *sein* или же *haben*, напр. ich *bin* gekommen || ich *habe* bekommen).

Такъ какъ съ однимъ и тѣмъ же глаголомъ обыкновенно соединяется по нѣскольку значеній, то иногда бываетъ, что глаголъ въ одномъ своемъ значеніи является переходнымъ, а въ другомъ значеніи—непереходнымъ, напр. играть въ шашки || играть пьесу, говорить что-либо || говорить о чемъ. Такое двоякое употребленіе глагола встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣм. das Wasser *kochen*=кипятить воду, das Wasser *kocht*=вода кипитъ.

Далѣе, нѣкоторые глаголы, имѣвшіе въ числѣ значеній переходное, могутъ со временемъ потерять послѣднее, напр. *воевать* (срв. воевати Болгарьску землю—Лавр. подъ 944 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ произойти пропускъ имени (особенно однокореннаго) въ Вин. падежѣ, послѣ чего глаголъ сталъ непереходнымъ, имѣя значеніе, раньше передававшееся двумя словами—переходнымъ глаголомъ и именемъ (срв. въ старомъ языкѣ такія выраженія, какъ пиръ пировать, думу думать; въ друг. языкахъ: нѣм. er hat ein schönes Leben gelebt, лат. pugnam pugnare, греч. *μάχην μάχεσθαι*; вмѣсто однокореннаго существительнаго можетъ стоять синонимическое, напр. фран. pleurer les larmes). Въ виду столь разнообразныхъ усложненій детальныя указанія переходнаго и непереходнаго залога глаголовъ принадлежатъ словарю.

Такъ какъ дѣйствительный залогъ обозначаетъ дѣйствіе, которое производится субъектомъ надъ кѣмъ или чѣмъ-либо, то ясно, что то же самое дѣйствіе можетъ быть представлено также и со стороны испытывающаго его объекта (напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ). Глагольныя выраженія такого обратнаго дѣйствія носятъ названіе *страдательнаго залога.* Что касается дѣйствій непереходныхъ (т. е. безъ объекта дѣйствія), то естественно, что выражающіе ихъ глаголы не способны къ обратной или страдательной формѣ, напр. онъ *ходитъ.* Такимъ образомъ одни дѣйствія мы можемъ представлять себѣ и выражать двояко—какъ производимыя субъектомъ и какъ испытываемыя, а другія дѣйствія мы представляемъ себѣ и выражаемъ только какъ производимыя субъектомъ. И такъ, страдательный залогъ можетъ разсматриваться какъ параллельный или дополнительный къ дѣйствительному.

Обратный или страдательный залогъ въ русскомъ языкѣ не имѣетъ особой самостоятельной формы, выражаясь трояко: 1) посредствомъ причастія съ краткимъ окончаніемъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ (я посылаемъ, я былъ посылаемъ), 2) безлично—посредствомъ глагола дѣйствительнаго въ 3 л. множ. ч. съ присоединеніемъ Вин. пад. (меня посылаютъ) и 3) глагольною формою, получаемою изъ дѣйствительнаго залога чрезъ прибавленіе *-ся* || *-сь* (посылаюсь). Первые два способа выраженія страдательнаго залога получаются путемъ сочетанія словъ—синтаксически; что касается третьяго способа, то хотя онъ и выражается посредствомъ одной формы (на *-ся*), но эта послѣдняя, какъ увидимъ далѣе, можетъ обозначать собою и нѣкоторые другіе залоги, такъ что значеніе страдательнаго залога обнаруживается изъ смысла цѣлаго предложенія, т. е. тоже синтаксически. Вотъ почему ученіе о страдательномъ залогѣ въ русскомъ языкѣ въ значительной мѣрѣ относится къ синтаксису.

Давъ общее понятіе о различіи глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ, мы должны перейти къ указанію въ той и другой группѣ частныхъ подраздѣленій.

При глаголахъ дѣйствительныхъ объектомъ можетъ быть не только сторонній предметъ, но и самъ субъектъ дѣйствія, а нѣкоторыя дѣйствія представляютъ взаимность между двумя и болѣе предметами, при чемъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на другіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ испытываетъ такое же дѣйствіе со стороны другихъ: я *бью* собаку || я *бью* себя || мы *бьемъ* себя(=-бьемъ другъ друга). Соотвѣтственно этому дѣйствительные глаголы являются: 1) объективными, 2) возвратными и 3) взаимными. Относительно первой изъ этихъ категорій сказано нами уже достаточно; слѣдуетъ только прибавить, что при такихъ глаголахъ, смотря по обстоятельствамъ, объектъ можетъ называться и не называться. [1]) Вторая и третья категоріи въ русскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ переходятъ въ отдѣлъ непереходныхъ глаголовъ. Благодаря этому, всѣ непереходные глаголы можно теперь раздѣлить на три категоріи: 1) собственно или первично-среднія (*иду*), 2) возвратно-среднія (*бьюсь объ стѣну*) и 3) взаимно-среднія (*бьемся на кулакахъ*).

Остаемся въ сторонѣ среднія глаголы первой категоріи [illegible], такъ какъ мы говорили объ нихъ въ началѣ [illegible] о залогахъ; обратимся теперь къ болѣе [illegible] разнообразной второй категоріи—возвратно-среднихъ. Мы

---

[1] [illegible]

уже упомянули, что они нѣкогда принадлежали къ дѣйствительному залогу (напр. я мою себя), но со временемъ возвратное мѣстоименіе срослось съ глагольною формою и первоначальная прозрачность состава утратилась. Въ этомъ случаѣ произошло уже *опрóщеніе*, только при существованіи котораго прибавка *-ся* и могла испытать такое сильное измѣненіе, превратившись при извѣстномъ фонетическомъ условіи въ *-с'* и даже *-с* (напр. мóјус' или мóјус). Въ этомъ случаѣ возвратность значенія можетъ еще чувствоваться по соотношенію съ однородною дѣйствительною формою, отъ которой происходитъ возвратная (мою<моюсь). Большая степень обособленности получается, когда значеніе глагола на *-ся* разошлось съ соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ, напр. „онъ плачетъ и *убивается*". [1]) Такъ какъ возвратные глаголы на *-ся* || *-сь* естественно уже не могутъ сочетаться съ Винительн. падежомъ, то и будутъ переходить по смыслу въ категорію непереходныхъ или среднихъ глаголовъ. [2])

---

[1]) Въ случаѣ примѣненія средне-возвратныхъ формъ для выраженія страдательнаго залога, такого измѣненія смысла не можетъ наблюдаться, такъ какъ страдательный залогъ является всегда дополнительнымъ къ своему дѣйствительному и значеніе его должно гармонировать съ дѣйствительнымъ, срв. лошадь плетется (средне-возвр. залогъ) || кружево плетется (страд. зал.). Ясно также, что такіе глаголы, какъ *каяться*, не могутъ имѣть страд. значенія, такъ какъ нѣтъ того дѣйствит. глагола, къ которому могло бы быть составлено страдательное или обратное выраженіе.

[2]) Примѣненіе возвратнаго мѣстоименія *ся* для средне-возвратнаго значенія имѣетъ мѣсто только въ балтійско-славянскихъ языкахъ. Во франц. и нѣмецкомъ употребляются мѣстоименія соотвѣтствующаго лица, напр. франц. je *me* tiens, нѣм. ich halte *mich*. Многимъ средне-возвратнымъ глаголамъ русскаго языка соотвѣтствуютъ въ другихъ языкахъ простые средніе, напр. во франц.: уменьшаться — diminuer, возвращаться — retourner, оставаться—rester и пр. Здѣсь мы имѣемъ наглядное подтвержденіе того, что глаголы на *-ся* принадлежатъ по смыслу къ категоріи средняго залога.

Такъ какъ глаголы на *-ся* въ русскомъ языкѣ перешли въ категорію глаголовъ состоянія, то, благодаря этому обстоятельству, въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ типъ особыхъ безличныхъ оборотовъ, напр. *мнѣ думается*, рядомъ съ соотвѣтствующими личными, напр. *я думаю*; разница между приведенными выраженіями по значенію та, что личное выраженіе показываетъ, что самъ субъектъ проявляетъ данный умственный процессъ, тогда какъ безличное выраженіе констатируетъ лишь присутствіе даннаго психическаго состоянія у извѣстнаго лица; поэтому личное выраженіе имѣетъ болѣе рѣшительный характеръ, а безличное является болѣе смягченнымъ, болѣе слабымъ. Подобная же разница между выраженіями: *я хочу* || *мнѣ хочется*; срв. далѣе *я не пишу* || *мнѣ не пишется* и проч., даже въ среднихъ глаголахъ, напр. *я не сплю* || *мнѣ не спится*.

Но есть небольшое число такихъ средне-возвратныхъ глаголовъ на *-ся*, у которыхъ родственная дѣйствительная форма вышла изъ употребленія (напр. каяться, смѣяться), вслѣдствіе чего въ нихъ утратилось основаніе для поддержанія значенія возвратности. Это—уже вполнѣ обособившіеся или изолировавшіеся средне-возвратные глаголы. Для глагола „каяться“ дѣйствительная форма „каять“ извѣстна изъ памятниковъ древне-русскаго языка въ значеніи „бранить, порицать“ по XIII вѣкъ, въ болѣе спеціальномъ значеніи „исповѣдывать“ еще и въ памятникахъ XVI вѣка, а въ поговоркахъ и до сихъ поръ въ обоихъ значеніяхъ; напр.: „стараго не бьютъ, мертваго не каютъ“, „не наше дѣло попа каять: на то есть другой попъ“. Такіе глаголы, какъ „каяться“, въ грамматикахъ называются общимъ залогомъ—безъ всякаго основанія.

Переходимъ къ послѣдней группѣ непереходныхъ глаголовъ—*взаимно-среднихъ*. Они, какъ и возвратные, образуются отъ дѣйствительныхъ, но въ нихъ *-ся* имѣетъ значеніе

„другъ друга", напр. мы боремся=мы боремъ другъ друга. Подобно возвратнымъ, и эти глаголы уже подверглись опрощенію, почему и могутъ быть названы взаимно-средними. Въ связи съ спеціальнымъ значеніемъ прибавки *-ся*, эти глаголы представляютъ нѣкоторое несоотвѣтствіе по значенію между единственнымъ и множественнымъ числомъ: если во множ. числѣ *-ся* легко понимается въ смыслѣ другъ друга, то нельзя того же сказать про един. число, напр. „я борюсь". Естественно предположить, что сначала формы взаимнаго залога возникли во множественномъ числѣ (мы боремся...), а послѣ образовалось и единственное число по аналогіи къ другимъ глаголамъ (напр. моемся : моюсь=боремся : *x*; *x*=борюсь). [1])

Такъ какъ взаимный залогъ образуется совершенно сходно съ возвратнымъ, то и въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ же градаціи, какъ и въ средне-возвратномъ; и здѣсь глаголы на *-ся* могутъ имѣть свою дѣйствительную форму (бью<бьюсь), могутъ разойтись по значенію съ послѣдней (деру || дерусь) и наконецъ соотвѣтствующая дѣйствительная форма можетъ быть утрачена (борюсь). [2])

II. *Видъ*. Говоря о залогахъ, мы видѣли, что дѣленіе глаголовъ на переходные и непереходные первоначально опирается на различіе природы или характера самыхъ дѣйствій. Что касается видовъ, то они обозначаютъ различные оттѣнки отдѣльныхъ дѣйствій (какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ), главнымъ образомъ ихъ совершаемость или исполнен-

---

[1]) Для иллюстраціи возникновенія подобныхъ новообразованій, приведемъ еще извѣстный разсказъ о томъ, какъ ученикъ пишетъ роднымъ, чтобы они его взяли на каникулы: «всѣ мои товарищи разъѣхались, позвольте и *мнѣ разъѣхаться*».

[2]) Во франц. и нѣм. взаимный залогъ образуется одинаково съ возвратнымъ, но въ этомъ случаѣ личное мѣстоименіе имѣетъ значеніе взаимное, напр. франц. je *me* bats, nous *nous* battons; нѣм. ich schlage *mich*, wir schlagen *uns*. Въ этихъ языкахъ взаимный залогъ, какъ и возвратный, является частнымъ случаемъ дѣйствительнаго.

ность. Школьная грамматика обыкновенно насчитываетъ четыре вида въ глаголахъ—*совершенный*, *несовершенный*, *однократный* и *многократный*; однако эти виды нельзя признать равноправными, такъ какъ два послѣдніе являются лишь частными случаями первыхъ. Основными видами глагола нужно признать несовершенный и совершенный соотвѣтственно тому, что мы можемъ каждое глагольное дѣйствіе представлять себѣ двояко: какъ совершающееся и какъ исполненное. Точнѣе было бы назвать и самые виды глагола совершающимся и исполненнымъ, вмѣсто обычныхъ недостаточно точныхъ терминовъ „несовершенный“ и „совершенный“. Тотъ и другой видъ глаголовъ не одинаково богаты временами: совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ по отношенію ко всѣмъ тремъ временамъ (несу—несъ—буду нести) [1]), а дѣйствіе исполненное только къ двумъ—прошедшему и будущему (принесъ—принесу). Такимъ образомъ, только совершающееся дѣйствіе обладаетъ настоящимъ временемъ, которое поэтому является его типичною принадлежностью, два же другихъ времени свойственны тому и другому виду. Такимъ образомъ оттѣнки видовъ въ глагольныхъ формахъ выражаются совмѣстно съ категоріею времени; но если бы мы захотѣли представить себѣ оттѣнки совершаемости и исполненности дѣйствія независимо отъ этой категоріи, то должны обратиться къ повелительному и неопредѣленному наклоненіямъ, такъ какъ они не имѣютъ сами по себѣ различія временъ (срв. пиши || напиши, писать || написать).

Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію глаголовъ того и другаго вида.

---

[1]) Будущее время глаголовъ несовершеннаго вида въ русскомъ языкѣ выражается съ помощью будущаго времени глагола *быть* и неопред. наклоненія даннаго глагола.

А. *Глаголы совершающагося дѣйствія.*

Совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ или конкретно, какъ наличное или происходящее на глазахъ (*летѣть*, напр. „птица летитъ“), или же абстрактно, какъ обычное для субъекта или свойственное ему (*летать*, напр. „птица летаетъ“). Такимъ образомъ въ глаголахъ совершающагося дѣйствія мы будемъ различать два оттѣнка значенія— конкретный и абстрактный, назвавъ ихъ *значеніемъ первымъ* (напр. летѣть) и *вторымъ* (напр. летать). Эта разница двухъ оттѣнковъ значенія въ глаголахъ совершающагося дѣйствія, имѣетъ мѣсто какъ въ простыхъ глаголахъ не сложенныхъ съ предлогомъ (безпредложныхъ), такъ и въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ (предложныхъ). Такъ какъ послѣдніе при этомъ представляютъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ первыми, то мы разсмотримъ передачу того и другаго значенія (т. е. перваго и втораго) сначала въ глаголахъ безпредложныхъ, а затѣмъ въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ.

1. *Глаголы безпредложные.* Сравнимъ выраженія „птица *летитъ*“ и „птица *летаетъ*“; оба выраженія содержатъ глаголъ несовершеннаго вида, но въ первомъ случаѣ обозначается дѣйствіе какъ бы совершающееся передъ глазами, тогда какъ во второмъ случаѣ дѣйствіе можетъ мыслиться какъ обычное свойство субъекта и тогда оно даже не представляется совершающимся въ данный моментъ. Указанныя два смысловыя различія мы и обозначаемъ какъ *значеніе первое* и *второе*. Только немногіе глаголы имѣютъ различную форму въ первомъ и второмъ значеніи; бо́льшая часть глаголовъ имѣетъ одну и ту же форму для обоихъ значеній, напр. „учу“=1) теперь учу), 2) вообще учу, т. е. ученіе составляетъ мое обыкновенное занятіе. Глаголы втораго значенія, имѣющіе особую форму, какъ напр. „летать“, могутъ примѣ-

няться не только для обозначенія свойства субъекта, но также и для обозначенія наличныхъ дѣйствій; въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ особый оттѣнокъ значенія, который легко уловить, если сравнимъ напр. выраженія: „птица *летитъ* надъ садомъ“ (=теперь летитъ по опредѣленному направленію и со свойственною продолжительностью дѣйствія) || „птица *летаетъ* надъ садомъ“ (=теперь летаетъ по разнымъ направленіямъ, откуда происходитъ оттѣнокъ большей продолжительности). Возьмемъ еще примѣръ: въ выраженіи „кто вамъ несетъ (теперь на глазахъ) молоко?“—значеніе глагола конкретное простой длительности, въ выраженіи же „кто вамъ *носитъ* (обыкновенно) молоко?“—значеніе обычности, т. е. абстрактное; послѣдняя форма можетъ быть употреблена и въ случаѣ наличности дѣйствія съ оттѣнкомъ неопредѣленности направленія и большей длительности, напр. въ выраженіи: „мать *носитъ* ребенка по комнатѣ“. Въ извѣстной баснѣ Крылова выраженіе „по улицамъ Слона *водили*“ принадлежитъ по смыслу къ послѣднему случаю.

Что касается разныхъ способовъ, существующихъ въ русскомъ языкѣ для выраженія перваго и втораго значенія въ простыхъ глаголахъ, то такихъ способовъ три: чаще всего оба значенія передаются одною и тою же глагольною формою, различаясь по контексту рѣчи (напр. *красить*, *учить*); въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ эти значенія выражаются глаголами одного и того же корня, но разнаго суффиксальнаго образованія иногда въ соединеніи съ различіемъ корневаго гласнаго (нести || носить; летѣть || летать), и, наконецъ, очень рѣдко—глаголами разнаго корня (идти || ходить). Упомянутое чередованіе корневаго гласнаго при производствѣ отъ глагола перваго значенія глагола со вторымъ значеніемъ называютъ подъемомъ [1]).

---

[1]) Въ примѣрѣ летѣть || летать хотя и имѣется одинаковый гласный, но, судя по старо-славянск. летѣти || лѣтати, и тутъ былъ подъемъ;

2. *Глаголы предложные* несовершеннаго вида, какъ было упомянуто, имѣютъ тоже два значенія, первое и второе, при чемъ разница съ значеніемъ соотвѣтствующихъ простыхъ глаголовъ только та, что предложный глаголъ выражаетъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ еще и направленіе указываемое предлогомъ (префиксомъ). Что касается внѣшней или формальной стороны предложныхъ глаголовъ несовершеннаго вида, которая служитъ для передачи значеній перваго и втораго, то оказывается неодинаковость въ зависимости отъ того, какъ обозначаются эти значенія (1-ое и 2-ое) въ соотвѣтствующихъ безпредложныхъ глаголахъ: двумя ли глаголами (напр. несу—ношу), или же однимъ (напр. крашу). Въ томъ случаѣ, когда первое и второе значеніе передаются двумя формами простаго глагола (нести—носить), предлогъ прибавляется къ глаголу втораго значенія и полученная предложная форма несовершеннаго вида совмѣщаетъ въ себѣ уже два значенія—первое и второе, напр. носить<выносить (простой глаголъ „носить" служитъ только для втораго значенія, а предложный глаголъ „выносить" употребляется и въ первомъ и во второмъ значеніи, какъ напр. въ выраженіи „кто *выноситъ* молоко?" въ смыслѣ—теперь, или же—обычно); если же присоединить префиксъ къ простому глаголу перваго значенія, то, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такой предложный глаголъ будетъ уже принадлежать къ совершенному виду (напр. нести<принести).

Примѣчаніе. Есть впрочемъ случаи, когда и безпредложный глаголъ несовершеннаго вида втораго значенія (т. е. напр. *носить*), получивъ новый смыслъ, отсутствующій въ соотвѣтствующемъ глаголѣ перваго значенія (напр. *нести*), при этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляется уже въ обоихъ значеніяхъ первомъ и второмъ; напр. глаголъ *носить* кромѣ обычнаго смы-

---

подобный же подъемъ встрѣчаемъ также въ сосѣднемъ съ русскимъ языкомъ литовскомъ языкѣ, напр. metù || mẽtau. Въ нѣкот. случаяхъ подъемъ сохранился только при соединеніи съ предлогами (напр. тру || затираю и пр.).

сла можетъ имѣть, въ отношеніи къ предметамъ одежды, еще новый смыслъ —«быть одѣтымъ во что-либо» (напр. въ выраженіи «ношу платье»), и въ этомъ послѣднемъ случаѣ глаголъ «носить» употребляется уже какъ въ первомъ, такъ и во второмъ значеніи. Если къ такому глаголу съ измѣненнымъ смысломъ присоединится префиксъ, то глаголъ можетъ перейти въ совершенный видъ. Напр. сравни пары выраженій: заносить кому-либо книгу (несоверш.) || заносить платье (въ особомъ знач. «много надѣвать, затаскать»—соверш.); вывозить (несоверш.) || вывозить (соверш.). Срв. далѣе отъ глагола летать: «слетать» съ чего-либо (несов.) || слетать=сбѣгать (соверш.). Если глаголъ съ измѣненнымъ значеніемъ по присоединеніи префикса перешелъ въ совершенный видъ, то несовершенный видъ при томъ же префиксѣ получается уже путемъ производства отъ даннаго глагола новаго глагола (напр. *заніашивать*, *разніашивать* платье), о чемъ будетъ сказано ниже.

Если же въ простомъ глаголѣ несовершеннаго вида первое и второе значеніе выражены одною и тою же формою, то присоединеніе предлога къ такому глаголу переводитъ его въ категорію совершеннаго вида (напр. крашу<раскрашу); чтобы получить въ этомъ случаѣ предложный глаголъ несовершеннаго вида (въ обоихъ значеніяхъ), то данный глаголъ распространяется новымъ суффиксомъ, такъ что оканчивается въ 1 ед. наст. на *-áю* при неопр. на *-áть* (напр. теку—вытеку<вытекаю, тру<растираю, лью<разливаю), или на *'-ываю'-иваю* (сосу<высасываю, курю<выкуриваю)[1]). При этомъ производствѣ новаго глагола мы встрѣчаемъ уже раньше упоминавшуюся перемѣну нѣкоторыхъ корневыхъ гласныхъ (*сосу*<выс*а*сываю, т*ᴧ*ру растираю), извѣстную подъ именемъ подъема, хотя—надо замѣтить—въ русскомъ языкѣ случаи подъема при этомъ рѣже по сравненію со старо-славянскимъ, срв. напр. рус. могу< помогаю=ст.-слав. могѫ<помагаѭ и др. [2]) Въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Сюда же подойдутъ по образованію и случаи несовершеннаго вида предложныхъ глаголовъ съ измѣненнымъ смысломъ, о которыхъ было сказано выше.

[2]) Аналогичные примѣры видовыхъ отношеній въ польскомъ языкѣ, какъ напр. skoszyć—skakać—wyskakiwać, brać—wybrać—wybierać слѣдуютъ въ отношеніи удареній общему правилу польскаго ударенія.

случаяхъ безпредложный глаголъ вышелъ изъ употребленія, такъ что остались только предложныя обозначенія разсматриваемаго типа, напр. „*обуваю*“ и „*разуваю*“; въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ предложные глаголы разошлись по значенію со своими простыми и чрезъ то обособились, напр. кажу< *сказываю*, пасу<*спасаю*.

Что касается значенія разсматриваемыхъ предложныхъ отглагольныхъ глаголовъ совершающагося дѣйствія на *-áю* и *'-ываю* (*'-иваю*), то въ нихъ можно установить нѣсколько различій по оттѣнку значенія:

а) случаи, гдѣ префиксъ придаетъ глаголу оттѣнокъ направленія, напр. *от*дирать, *пере*крашивать;

б) случаи, гдѣ префиксъ не выражаетъ направленія, при чемъ 1) значеніе глагола оказывается измѣненнымъ, напр. занашивать (въ смыслѣ—затаскивать) платье, 2) значеніе глагола не измѣнено, а префиксъ указываетъ, что дѣйствіе начинается или заканчивается, напр. *за*пѣвать, *про*читывать (начинательность обычно выражается префиксомъ *за*, а заканчиваемость не имѣетъ для своего выраженія одного постояннаго префикса), 3) префиксъ можетъ придавать оттѣнокъ уменьшительности или ласкательности, напр. *по*хаживать, *по*глядывать (для этого оттѣнка значенія префиксъ *по* является обычнымъ, показывая, что дѣйствіе совершается небольшими частями, по-немногу), и нѣкоторые другіе оттѣнки.

Нужно еще замѣтить, что разсматриваемые отглагольные глаголы на *-áть* и *-'ывать* (*'-ивать*) встрѣчаются иногда и безъ префиксовъ, но въ этомъ случаѣ они принимаютъ особый оттѣнокъ значенія, употребляясь въ разсказѣ о прошломъ въ смыслѣ прошедшаго обыкновенія (напр. *ѣдáлъ*=

случалось ѣсть, *нашивалъ*=бывало носилъ); [1]) въ связи съ этою особенностью значенія они уже не употребляются въ настоящ. времени. Примѣры изъ писателей: „не то на серебрѣ, на золотѣ *пдалъ*“ (Грибоѣдовъ); „что бы ни понадобилось, обыкновенно *говаривали*: надо спросить у Натальи Савишны“ (Гр. Л. Н. Толстой). Глаголы эти употребляются еще въ формѣ неопредѣл. наклон. въ безличныхъ отрицательныхъ выраженіяхъ, напр. (въ пѣснѣ) : „ужъ какъ мнѣ по этимъ сѣничкамъ *не хаживати*, родну матушку за рученьку *не важивати*“, и т. п.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія глаголовъ совершающагося дѣйствія упомянемъ, что всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два класса—*непрерывныхъ* (напр. несу, плыву) и *кратныхъ*, представляющихъ какъ бы рядъ моментовъ (напр. трясу, махаю), дѣленіе это является важнымъ по отношенію къ способу образованія совершеннаго вида отъ глаголовъ той и другой категоріи, о чемъ будетъ говориться въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Б. *Глаголы исполненнаго (совершеннаго) дѣйствія.*

Мы уже видѣли, что исполненность дѣйствія выражается чаще всего помощью присоединенія префикса къ простому глаголу (нести<принести), иногда же простымъ глаголомъ того же корня, но другаго образованія (напр. бросать—бросить), или наконецъ глаголомъ другаго корня (брать—взять).

Прежде всего постараемся объяснить, какимъ образомъ прибавленіе префикса вызываетъ измѣненіе вида и даже производитъ перемѣну времени, переводя настоящее время въ будущее (напр. клалъ—наклалъ, кладу—накладу). Естествен-

---

[1]) Эти глаголы въ грамматикахъ принято выдѣлять въ особую категорію многократнаго вида; однако разсматривать ихъ какъ особый самостоятельный видъ нѣтъ основанія, да и самый терминъ «многократность» не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію этихъ глаголовъ.

но предположить, что первоначально присоединеніе предлога къ простому глаголу не обусловливало совершеннаго вида, но выражало то же дѣйствіе совершающимся въ направленіи и въ границахъ, опредѣляемыхъ предлогомъ. Благодаря этой опредѣленности, дѣйствіе съ теченіемъ времени стало представляться въ своемъ результатѣ, т. е.: въ формѣ прошедшаго времени (напр. наклалъ) не какъ совершавшееся, но какъ совершившееся, а въ формѣ настоящаго времени (напр. накладу) не какъ совершающееся. но какъ такое, которое совершится въ направленіи, опредѣленномъ предлогомъ. Въ томъ случаѣ, когда несовершенный видъ въ простомъ глаголѣ для своего перваго и втораго значенія имѣютъ разныя образованія, напр. несу—ношу, то указанное измѣненіе вида и времени вслѣдствіе присоединенія префикса, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто только при глаголѣ перваго значенія, напр. несу<принесу, вторая же форма (ношу) въ случаѣ соединенія съ предлогомъ (напр. привошу) осталась для выраженія совершающагося дѣйствія, при чемъ расширилась въ своемъ примѣненіи, служа не только для втораго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявъ на себя и первое значеніе. Въ томъ же случаѣ, когда для перваго и втораго значенія простой глаголъ несовершеннаго вида имѣетъ одну лишь форму (напр. крашу), и она въ соединеніи съ префиксомъ перешла въ значеніе вида совершеннаго (напр. крашу<перекрашу), то для восполненія предложной формы вида несовершеннаго, языкъ воспользовался дальнѣйшимъ производствомъ отъ даннаго глагола, напр. перекрашиваю. [1])

---

[1]) Отголосокъ или пережитокъ той эпохи, когда предложный глаголъ не пріобрѣлъ еще въ формѣ настоящаго времени значенія будущаго, мы встрѣчаемъ и въ современномъ языкѣ (обыкновенно при нарѣчіи *какъ*) для оттѣнка неожиданности при изображеніи прошедшихъ событій, напр. «какъ *закричатъ* онъ, такъ всѣ и побѣжали отъ него». Особенно часты эти случаи въ нашихъ былинахъ. Переходъ въ предложныхъ глаго-

Предложные глаголы совершеннаго вида представляютъ два частныхъ случая въ своемъ значенія: а) глаголъ обозначаетъ исполненное дѣйствіе+оттѣнокъ направленія, указываемый предлогами, напр. : *вы*рвалъ зубъ, *со*рвалъ цвѣтокъ, *ото*рвалъ пуговицу и т. п., и б) глаголъ обозначаетъ просто исполненное дѣйствіе безъ оттѣнка направленія, напр. „вымазалъ". Одинъ и тотъ же простой глаголъ, соединяясь съ разными префиксами, вступаетъ въ ту или же другую изъ этихъ категорій, напр. рядомъ съ глаголами—„накрасилъ", „перекрасилъ" и т. п., выражающими кромѣ исполненности дѣйствія еще и направленіе, имѣется глаголъ „вы́красилъ", который означаетъ просто совершенность дѣйствія. Второй изъ этихъ типовъ совершеннаго вида распадается на два случая : когда глаголъ выражаетъ, что дѣйствіе начато (напр. *за*пѣлъ), и когда выражаетъ, что оно исполнено или окончено, напр. *с*пѣлъ или *про*пѣлъ.

Глаголы совершеннаго вида окончательные болѣе разнообразны по префиксамъ, напр. *вс*потѣлъ, *вы*красилъ, *на*поилъ, *о*стригъ, *по*цѣловалъ, *про*читалъ, *с*пряталъ. Надо думать, что и въ этихъ случаяхъ префиксъ первоначально придавалъ свой оттѣнокъ направленія дѣйствію, съ теченіемъ же времени этотъ оттѣнокъ утратился вслѣдствіе того, что при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ одно изъ направленій могло быть наиболѣе обычнымъ, такъ что глаголъ употреблялся чаще всего съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, оттѣнокъ направленія стирался, что и переводило глаголъ въ категорію просто совершеннаго вида безъ оттѣнка направленія. Нерѣдко для одного и того же простаго глагола при одномъ и томъ же его значе-

---

лахъ значенія настоящаго времени въ будущее мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, напр. не прѣречетъ (Остр. Ев.)— будущ. вр., тогда какъ простой глаголъ имѣетъ значеніе настоящ. времени.

ніи видъ совершенный безъ оттѣнка направленія можетъ быть выраженъ помощью двухъ или болѣе предлоговъ, напр. строилъ<выстроилъ, построилъ. [1]) Если простой глаголъ имѣетъ не одно значеніе, то совершенный видъ выражается или посредствомъ одного и того же префикса, или же посредствомъ разныхъ префиксовъ (валялъ<*вывалялъ* т. е. „запачкалъ" напр. платье, *свалялъ* напр. сапоги).

Что касается глаголовъ совершеннаго вида начинательныхъ, то обыкновенно они образуются помощью префиксовъ *за* или *по*, смотря по характеру дѣйствій, напр. *за* при глаголахъ рѣчи, пѣнія и т. п. (запѣлъ, засвисталъ, закричалъ и др.), *по*—при глаголахъ движенія (пошелъ, поѣхалъ, поплылъ и др.). [2])

Кромѣ того развился цѣлый рядъ другихъ оттѣнковъ, напр. уменьшительности и ласкательности (поиграть, попѣть; въ нѣм. передается посредствомъ ein wenig, напр. spiele ein wenig=поиграй), оттѣнокъ удовлетворенности дѣйствіемъ (наговориться, наиграться), увлеченія дѣйствіемъ (заговориться). Присоединеніе того или другаго префикса для выраженія совершеннаго вида можетъ стать предметомъ болѣе спеціальнаго изученія.

Какъ мы уже говорили, различіе вида несовершеннаго и совершеннаго въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ достигается различіемъ суффиксовъ, при чемъ оба глагола могутъ быть

---

[1]) Иногда выборъ того или другаго префикса обусловливается говоромъ; напр. обычно въ литературномъ языкѣ говорится «*поставить* самоваръ», но у Тургенева встрѣчаемъ—«*наставить* самоваръ».

[2]) Языки, не выработавшіе въ префиксѣ оттѣнка начинательности, пользуются описательными выраженіями, напр. въ нѣм. присоединеніемъ глаголовъ anfangen или beginnen (напр. онъ заплакалъ=er fing an zu weinen), во франц.—commencer à.

безпредложными, напр. бросать—бросить, пускать—пустить, садиться—сѣсть и т. д. Отношеніе вида совершеннаго къ несовершенному въ этихъ глаголахъ можно сопоставить съ тѣмъ случаемъ предложныхъ глаголовъ, когда въ послѣднихъ присоединеніе предлога придаетъ только совершенность и не выражаетъ оттѣнка направленія, т. е.

бросалъ : бросилъ=красилъ : выкрасилъ.

Въ разсматриваемыхъ глаголахъ настоящее время также получило значеніе будущаго. [1]) Если къ этимъ глаголамъ присоединить предлогъ, то чрезъ это прибавится только оттѣнокъ направленія, видовая же категорія останется та же, напр. сѣлъ<присѣлъ.

Примѣрами того случая, когда глаголы несовершеннаго и совершеннаго вида происходятъ отъ разныхъ корней, могутъ служить : бралъ—взялъ, клалъ—положилъ, говорилъ—сказалъ.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ совершеннаго вида нужно отличить случай однократности, являющійся при нѣкоторыхъ глаголахъ. Дѣло въ томъ, что дѣйствія (какъ переходныя, такъ и непереходныя) представляютъ собою два класса—непрерывныя (напр. несу, плыву) и кратныя, представляющія какъ бы рядъ моментовъ (напр. качать, махать). Глаголы, обозначающіе какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія, образуютъ обыкновенный совершенный видъ помощью префиксовъ (поплылъ, замахалъ), но вторые глаголы сверхъ того иногда могутъ образовывать безпредложный совершенный видъ съ помощью суффикса *н* || *ну* (дернетъ, дернулъ; махнетъ,

---

[1]) Измѣненіе значенія настоящаго времени безпредложнаго глагола въ будущее не чуждо въ отдѣльныхъ примѣрахъ и нѣкоторымъ другимъ аріо-европейскимъ языкамъ; срв. въ *греч.* εἰμι, πίομαι и др., *нѣм.* wir *kommen* gleich—«мы сейчасъ придемъ».

махнулъ), при чемъ эти глаголы на *-нуть* служатъ для обозначенія одного момента такого кратнаго дѣйствія, почему и называются однократными. Присоединеніе префикса къ однократному глаголу не измѣняетъ вида, а только придаетъ оттѣнокъ направленія, какъ это вообще бываетъ въ случаѣ безпредложныхъ глаголовъ совершеннаго вида, т. е.

бросилъ : перебросилъ=кинулъ : перекинулъ.

Примѣчаніе. Двумъ основнымъ видамъ русскаго глагола въ другихъ языкахъ нерѣдко соотвѣтствуютъ различія временъ, именно—прошедшихъ и частію будущаго. Такъ напр. въ греческомъ языкѣ русскому несовершенному виду прошедшаго времени соотвѣтствуетъ imperfectum, а совершенному—аористъ и перфектъ. Въ лат. языкѣ для прошедшаго несоверш. служитъ imperfectum, а для соверш.—перфектъ, въ которомъ смѣшались времена, соотвѣтствующія греческому аористу и перфекту. Франц. языкъ, подобно другимъ романскимъ образовавшійся изъ латинскаго, унаслѣдовалъ отъ послѣдняго различіе дѣйствій совершающагося и исполненнаго (imparfait и passé défini). Кромѣ того франц. яз. представляетъ еще новое образованіе прошедшаго времени—passé indéfini, соотвѣтствующее по смыслу греч. перфекту. Чѣмецкій яз. почти не различаетъ вида несовершеннаго и совершеннаго, и изъ имѣющихся въ этомъ языкѣ двухъ прошедшихъ одно (imperf.) примѣняется въ историческомъ разсказѣ, соотвѣтствуя греческимъ временамъ—imperf. и аористу, а другое (perf.) соотвѣтствуетъ греч. перфекту. Такимъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ только въ послѣднемъ случаѣ обозначена въ глагольной формѣ совершенность дѣйствія, въ первомъ же случаѣ форма не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на видъ дѣйствія, такъ что послѣдній только подразумѣвается изъ смысла рѣчи. Поэтому нѣмцу, въ родномъ языкѣ котораго почти нѣтъ особыхъ глагольныхъ формъ для отличія видовъ дѣйствія совершающагося и исполненнаго, труднѣе овладѣть русскимъ глаголомъ, нежели французу. [1]) Вообще же можно замѣтить, что какъ русскій языкъ компенсируетъ недостатокъ нѣкоторыхъ формъ времени путемъ видовъ, такъ въ другихъ языкахъ, наоборотъ, недостаточность видовыхъ глагольныхъ образованій восполняется развитіемъ формъ времени.

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ изъ русской рѣчи нѣмца относительно видовъ русскаго глагола : «это надо читать» (вм. прочитать), «завтра я буду отъиграться» (вм. отъиграюсь), «какъ вамъ правился (вм. понравился) спектакль?».

III. Разсмотрѣвъ съ достаточною подробностью наиболѣе трудныя семазіологическія категоріи въ глаголѣ, каковыми являются залоги и виды, мы скажемъ теперь въ краткихъ словахъ о прочихъ категоріяхъ измѣненій глагола, т. е. о *наклоненіи*, *времени*, *числѣ* и *лицѣ*. Различіе наклоненій основывается на томъ, является ли представленіе дѣйствія (какого бы залога и вида ни былъ глаголъ) только умственнымъ актомъ, или же къ этому акту присоединяется моментъ желательно-волеваго побужденія и повелѣнія. Въ первомъ случаѣ употребляются формы глагола, служащія для обозначенія дѣйствія какъ факта и именуемыя *изъявительнымъ* наклоненіемъ (напр. читаю, я читалъ и проч.); во второмъ случаѣ употребляется форма прошедшаго времени съ присоединеніемъ частицы *бы*, т. е. такъ наз. *сослагательное* наклоненіе (напр. „почиталъ бы я!“, „почиталъ бы ты!“) и, наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ—особая форма *повелительнаго* наклоненія (напр. бери!). [1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ семазіологическое сродство между сослагательнымъ и повелительнымъ наклоненіями; разница же между ними заключается въ томъ, что сослагательное наклоненіе можетъ имѣть смыслъ какъ субъективный (напр. „поигралъ бы я!“), такъ и объективный (напр. „поигралъ бы ты!“), повелительное же наклоненіе имѣетъ лишь объективный оттѣнокъ значенія, почему и не имѣетъ формы перваго лица. Въ связи съ указаннымъ выше семазіологическимъ отличіемъ изъявительнаго наклоненія отъ на-

---

[1]) Говоря о наклоненіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду употребленіе ихъ только въ главныхъ предложеніяхъ, оставляя въ сторонѣ придаточныя, въ которыхъ наклоненія могутъ получать другіе оттѣнки значенія. Что касается такъ наз. *неопредѣленнаго наклоненія*, то оно не принадлежитъ къ наклоненіямъ, а представляетъ собою «общую» глагольную форму и стоитъ особнякомъ, т. е. составляетъ самостоятельную категорію. По происхожденію своему оно представляетъ падежную форму имени, и иные склонны считать въ силу этого неопредѣленное наклоненіе существительнымъ и для

клоненій сослагательнаго и желательнаго находится еще то, что только въ изъявительномъ наклоненіи глаголъ измѣняется по временамъ, тогда какъ другія наклоненія не соединены сами по себѣ съ значеніемъ того или другаго времени. Въ изъявительномъ наклоненіи различаются времена дѣйствій *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*. Мы уже знаемъ, что настоящее время служитъ для выраженія совершающагося какъ бы на глазахъ дѣйствія и такимъ образомъ отвѣчаетъ умственному акту „воспріятія", а кромѣ того, оно можетъ обозначать дѣйствіе какъ обычное, т. е. абстрактно. Что касается двухъ другихъ временъ, то прошедшее время служитъ выраженіемъ умственнаго акта „воспоминанія", а будущее соотвѣтствуетъ акту „ожиданія", если дѣйствіе относится къ другому лицу, и акту „намѣренія", если дѣйствіе относится къ самому говорящему, т. е. къ первому лицу. [1]) Намъ остается прибавить, что *личныя окончанія* глагола, особыя въ единственномъ и множе-

---

современнаго русскаго языка; однакожъ ясно, что явленія современнаго языка нельзя опредѣлять мѣркою прошлаго. Сравнивая выраженія: я люблю *пѣть* ‖ я люблю *пѣніе*, легко замѣтить, что въ первомъ случаѣ предполагается, что я самъ люблю пѣть, тогда какъ во второмъ случаѣ нѣтъ этого оттѣнка лица. Выраженіе: ты любишь *пѣть*=указываетъ на второе лицо (т. е. какъ бы: ты любишь ты пѣть). И въ случаѣ объективнаго значенія неопредѣленному наклоненію присущъ оттѣнокъ лица (срв. я велю *вамъ* читать). Глагольность неопред. наклоненія, этой общей формы глагола, подтверждается также тѣмъ, что оно распространяется тѣми же падежными формами, какъ и соотвѣтствующій личный глаголъ (срв. читаю *книгу* ‖ читать *книгу*, но: чтеніе *книги*).—Наше *повелительное* наклоненіе, какъ видно изъ сравненія съ греч., произошло изъ желательнаго, срв. бери=φέρε; (отголосокъ прежняго значенія можно видѣть въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*приди* онъ ко мнѣ, я помогъ бы ему»).

[1]) О прошедшемъ времени мы уже говорили, что разныя категоріи этого времени другихъ языковъ русскій языкъ вознаграждаетъ путемъ примѣненія видовыхъ образованій. Такъ, нѣкоторые языки различаютъ прошедшее время только что происшедшее, при чемъ состояніе дѣйствія еще продолжается (это—такъ наз. перфектъ въ языкахъ греческомъ и нѣмецкомъ и passé indéfini во французскомъ), и такое прошедшее время, которое

ственномъ числѣ, служатъ для выраженія связи дѣйствія, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ соотвѣтствующаго числа и лица.

Отъ семазіологической стороны русскаго глагола мы перейдемъ къ его флексійной сторонѣ, т. е. къ *спряженію*. Здѣсь намъ представляется задача—классифицировать глаголы, т. е. распредѣлить ихъ по разрядамъ. Классифицировать спряженія мы будемъ съ двухъ точекъ зрѣнія—по различію окончаній и по различію ударенія, т. е. какъ мы поступали и при классификаціи склоненій именъ существительныхъ.

Выдѣливъ въ особую группу спряженіе трехъ глаголовъ—*есмь*, *ѣмъ* и *дамъ*, представляющихъ собою пережитки нѣкогда болѣе обширнаго класса глаголовъ такъ наз. нетематическаго (т. е. безъ тематическаго гласнаго) спряженія, мы примемъ для всѣхъ прочихъ глаголовъ общепринятое дѣленіе спряженій на такъ называемыя А) „первое", куда принадлежатъ глаголы съ окончаніемъ *-ешь* во 2-мъ лицѣ ед. ч., и *-утъ* или *-ютъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч., и Б) „второе", куда относятся глаголы съ окончаніемъ *-ишь* во 2-мъ лицѣ ед. ч. и *-атъ* или *-ятъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч. Каждый типъ спряженія является въ двухъ разновидностяхъ: 1) спряженіе безъ *-ся* (напр. мою, пошу) и II) спряженіе съ *-ся -сь* (наприм.

совершилось въ прошломъ и потому имѣетъ историческій характеръ; срв. выраженія «сторожъ пришелъ» (и теперь еще здѣсь) ‖ «сторожъ приходилъ» напр. вчера), или въ страдательномъ залогѣ: «карета подана» (и теперь на-лицо ‖ «карета была подана» (когда-бы то ни было въ прошломъ). Въ древне-русскомъ языкѣ это двоякое различіе прошедшаго времени иногда передается разными временными образованіями; такъ, въ нашей древней лѣтописи прошедшее на *-хъ* и проч. нерѣдко употребляется въ смыслѣ историческаго прошедшаго, а на *-лъ* (въ страд. на *-нъ*) въ смыслѣ перфекта особенно въ дословномъ приведеніи разговора; срв. «и *рече* царь *переклюкала* мя *еси* Ольга» (Лавр. подъ 955 г.); «*рьша* же кияне... князь нашъ *убьенъ*, а княгини наша хоче за вашь князь» (Лавр. подъ 945 г).

моюсь, ношусь). Для наглядности указаннаго подраздѣленія спряженія глаголовъ (исключая *дамъ* и пр.), приведу нѣсколько формъ спряженія настоящаго времени:

Первое спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся:
мо*ю*	мо*юсь*
мо*ешь*	мо*ешься*
мо*ютъ*	мо*ются*.

Второе спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся
нош*у*	нош*усь*
нос*ишь*	нос*ишься*
нос*ятъ*	нос*ятся*.

Не трудно видѣть, что спряженіе на *-ся* получается изъ спряженія безъ *-ся*, при чемъ неударяемое *-ся* сохраняется въ положеніи послѣ согласныхъ, въ положеніи же послѣ гласныхъ сократилось въ *-сь*. Въ виду столь простаго соотношенія между этими разновидностями спряженія мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь глаголами безъ *-ся*. Какъ первое спряженіе, такъ и второе въ свою очередь подраздѣляются на болѣе мелкіе разряды въ зависимости отъ различій окончаній неопредѣленнаго наклоненія: въ первомъ спряженіи неопред. накл. кромѣ окончанія *ть* или *ти́* [1]) встрѣчается съ окончаніемъ *-ать*, напр. несу—нес*ти*, сосу—сос*ать*; во второмъ спряженіи кромѣ окончанія *-ить* неопр. накл. имѣетъ еще окончаніе *-ѣть* (или, послѣ шипящихъ, *-ать*). [2]) Такимъ образомъ

---

[1]) Окончаніемъ неопр. накл. служитъ *-ти́*, если на него падаетъ удареніе; въ случаѣ же ударенія на основѣ окончаніе неопр. накл. является въ сокращенномъ видѣ *-ть*.

[2]) Въ соотвѣтствіи съ окончаніями неопр. наклоненія находятся окончанія прошедшаго времени, напр. кол*оть*—кол*олъ*, чит*ать*—чит*алъ*, крас*ить*—крас*илъ*.

мы получаемъ въ томъ и другомъ спряженіи по два различія. Затѣмъ въ первомъ спряженіи въ томъ и другомъ различіи настоящее время можетъ представлять или твердое спряженіе (несу, сосу), или же мягкое (колю—колоть, стелю—стлать); кромѣ того, особый разрядъ твердаго спряженія составляютъ глаголы на *-ну*, напр. вяну, крикну. Такимъ образомъ, первое спряженіе подраздѣляется на пять частныхъ разрядовъ, а второе спряженіе на два, всего—семь разрядовъ. Всѣ эти разряды, полученные нами чрезъ сопоставленіе образованія настоящаго времени съ образованіемъ неопр. наклоненія (и прошедшаго времени), мы должны разсмотрѣть еще по типамъ ударенія.

Въ настоящемъ времени глаголовъ удареніе представляетъ три типа: 1) удареніе постоянное на основѣ (напр. вя́ну), 2) удареніе переходное—въ 1-мъ лицѣ ед. ч. на окончаніи, а въ прочихъ лицахъ на основѣ (напр. тону́), 3) удареніе постоянное на окончаніи (напр. беру́). Удареніе повелительнаго наклоненія находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1-го лица ед. наст., напр. вя́ну—вя́нь, тону́—тони́, беру́—бери́. Въ прошедшемъ времени удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. мы́лъ—мы́ла—мы́ло—мы́ли, или же постояннымъ на окончаніи (за исключеніемъ муж. рода ед. ч., гдѣ удареніе передвигается по необходимости на основу), напр. нёсъ—несла́—несло́—несли́, а въ нѣкоторыхъ глаголахъ перенесеніе ударенія на окончаніе имѣется только въ жен. р., напр.—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли. Удареніе неопр. накл. находится въ соотношеніи съ прош. вр. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ разсматривать типы ударенія отдѣльно для каждаго изъ указанныхъ выше семи разрядовъ.

А. Первое спряженіе.

Первый разрядъ: *несу—нести.* Глаголы даннаго разряда всѣ—первообразные или коренные (т. е. образованы непосред-

ственно отъ корня), [1]) при чемъ корень или основа этихъ глаголовъ оканчивается какимъ-либо согласнымъ. [2]) Въ зависимости отъ характера окончаній послѣдній согласный основы подвергается измѣненіямъ, которыя въ наст. вр. зависятъ отъ твердости или же мягкости слѣдующаго гласнаго (срв. пек-у || печешь), а въ прош. вр. и неопр. накл. отъ согласныхъ, начинающихъ окончанія этихъ формъ (срв. пекъ вм. пеклъ печь). Такъ какъ согласные разныхъ категорій измѣняются, неодинаково, то будетъ цѣлесообразно глаголы даннаго разряда расположить въ физіологическомъ порядкѣ согласныхъ, оканчивающихъ корень или основу:

а) гре*бу́*, скре*бу́*;
б) ве*зу́*, гры*зу́*, по*лзу*, лѣ*зу*; не*су́*, тря*су́*, па*су́*;
в) *тру́*, у*кру́*, за*пру́*;
г) пе*ку́*, те*ку́*, сѣ*ку́*, то*лку́*, вле*ку́*; стри*гу́*, *жгу́*, бере*гу́*, стере*гу́*, запря*гу́*, *лягу*, мо*гу́*;
д) ве*ду́*, бре*ду́*, *сяду*, кла*ду́*, кра*ду́*, па*ду́*; пле*ту́*, ме*ту́*, рас*ту́*, цвѣ*ту́*, прочту́;
е) *жму́*, возь*му́*; *мну́*, *жну́*, нач*ну́*;
ж) пы*ву́*, слы*ву́*, жи*ву́*;
з) по*ю́*.

Удареніе въ *настоящемъ времени* почти всѣхъ глаголовъ перваго разряда постоянное на окончаніи (на первоначальномъ тематическомъ гласномъ). [3]) Только глаголъ „лѣзу“

---

[1]) Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется и характеръ корневаго вокализма глаголовъ перваго разряда: между ними нѣтъ ни одного глагола съ т. наз. вторымъ полнымъ видомъ корня.

[2]) Но въ этомъ разрядѣ имѣются глаголы, корень которыхъ оканчивался дифтонгомъ: пою́, плыву́ и слыву́.

[3]) Соотвѣтствующіе же глаголы въ греческомъ языкѣ всѣ имѣютъ удареніе на основѣ, и нѣтъ ни одного, гдѣ бы удареніе имѣлось на тематиче-

спрягается съ постояннымъ удареніемъ на основѣ, а глаголъ „могу́“ имѣетъ переходное удареніе. Нужно еще указать на глаголы „ля́гу“ и ся́ду“ съ постояннымъ удареніемъ на основѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаголы представляютъ особенность въ семазіологическомъ отношеніи какъ имѣющіе значеніе будущаго времени, независимо отъ присутствія предлога.

Въ *прошедшемъ времени* глаголы перваго разряда имѣютъ всѣ три типа ударенія, указанные нами въ предварительныхъ замѣчаніяхъ; поэтому намъ нужно установить здѣсь соотношеніе между удареніемъ настоящаго и прошедшаго времени. Изъ немногихъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. постоянное удареніе на основѣ, глаголъ „лѣзу“ имѣетъ постоянное удареніе на основѣ и въ прош. вр; сюда же надо отнести глаголъ „ся́ду“, при чемъ въ прош. вр. (сѣлъ—сѣла—сѣло—сѣли) видимъ особый видъ корня—съ долгимъ первоначальнымъ гласнымъ, т. е. К. *sēd; глаголъ же „ля́гу“ по ударенію прош. вр. принадлежитъ къ группѣ съ постояннымъ удареніемъ на окончаніи. Если же въ настоящемъ времени имѣется постоянное удареніе на окончаніи, то и въ прошедшемъ времени большинство глаголовъ имѣетъ постоянное удареніе на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. р. ед. ч.), напр. несу́—не́съ—несла́—несло́—несли́, меньшая же часть глаголовъ имѣетъ въ прошедшемъ времени постоянное удареніе на основѣ. Глаголы послѣдней группы представляютъ нѣкоторую особенность въ своемъ корневомъ вокализмѣ, именно—они имѣютъ въ корнѣ или первоначальный долгій гласный (кл*а*ду́, кр*а*ду́, п*а*ду́, с*ѣ*ку́, стр*и*гу́, гр*ы*зу́), или же въ прош. времени имѣютъ гласный *я* (*а*)=ст.-сл. ѧ (мну—мялъ, жму—жалъ, жну—жалъ [1]).

скомъ гласномъ. Это различіе нужно объяснить разнымъ направленіемъ аналогіи по отношенію къ удареніи въ этихъ языкахъ.

[1]) Два глагола—возьму и начну, принадлежащіе сюда по корневому составу, но не употребляющіеся въ простомъ видѣ, безъ префиксовъ, имѣетъ въ

Наконецъ, глаголы на *ву́*, содержащіе первоначальный долгій гласный въ корнѣ и имѣющіе въ настоящемъ времени удареніе постоянное на окончаніи, въ прош. вр. переносятъ удареніе на основу за исключеніемъ формы женскаго рода ед. ч. (напр. живу́—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли). Глаголъ „могу́", съ переходнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, въ прош. вр. имѣетъ удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. родѣ ед. ч.).

Удареніе *неопредѣленнаго наклоненія* находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ прошедшаго времени: если въ прош. вр. имѣется удареніе постоянное на основѣ, то и въ неопредѣленномъ наклоненіи на основѣ (напр. лѣзу—*лѣзла*—*лѣзть*, грызу́—*грызла*—*грызть*); если въ прош. вр. удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. ед.), то и въ неопр. накл. будетъ на окончаніи, напр. „грести́"; если же удареніе въ прош. вр. переходное, то въ неопр. накл. оно одинаково съ удареніемъ большинства формъ прош. вр., т. е. находится на основѣ. Глаголы на *-ку* и *-гу* представляютъ уклоненіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ неопред. наклоненіе всегда имѣетъ удареніе на основѣ независимо отъ того, гдѣ оно стоитъ въ прош. вр., а потому и окончаніе

прошедшемъ времени переходное удареніе (взялъ — взяла́ — взя́ло — взя́ли; на́чалъ—начала́—на́чало—на́чали), т. е. въ жен. родѣ единств. числа переносятъ удареніе на окончаніе, а въ прочихъ формахъ имѣютъ удареніе на основѣ, при чемъ префиксъ *на-* перетягиваетъ на себя удареніе. Аналогію глаголамъ на -му́ и -ну́ представляютъ глаголы на -ру́ сходнаго строенія основы: простой глаголъ «тру́» въ прош. вр. имѣетъ постоянное удареніе на основѣ, а глаголы, употребляющіеся только въ сложеніи съ префиксомъ (умру́, запру́) въ прош. вр. имѣютъ указанное выше переходное удареніе, которое въ основѣ перетягивается на префиксъ (у́меръ—умерла́—у́мерло—у́мерли). Въ глаголахъ на -ру́ неопр. накл., въ отличіи отъ прош. вр., имѣетъ не второе, а первое полногласіе, не сокращенный, а первый полный видъ корня съ удареніемъ на вторичномъ *е* (срв. умерла́—умере́ть).

неопр. накл. въ этихъ глаголахъ всегда является въ сокращенномъ видѣ (срв. „печь“ при „пекла́“, какъ „стричь“ при „стри́гла“); впрочемъ отъ глаголовъ „печь“ и „стеречь„ встрѣчаются формы неопр. накл. съ удареніемъ на окончаніи: „печи́“ и „стеречи́“ (въ басняхъ Крылова).

Второй разрядъ: *колю—колоть*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому: въ немъ наст. вр. образовано посредствомъ j; прош. вр. оканчивается на *-лъ*. Весьма характерною чертою этого разряда служитъ то, что въ немъ вовсе нѣтъ глаголовъ, въ которыхъ бы передъ *-jу* были другіе согласные кромѣ *л* и *р*. Такъ какъ въ родственныхъ языкахъ встрѣчаются и другіе согласные (срв. въ греч. кромѣ такихъ глаголовъ, какъ *φθείρω*, сюда принадлежатъ и такіе, какъ *φράζω*), то можно думать, что въ русскомъ языкѣ (и другихъ славянскихъ) часть глаголовъ этого разряда перешла въ другой разрядъ; для такого перехода должно было существовать сходство между этими разрядами, которое могло бы быть поводомъ къ переходу; можно думать, что такимъ другимъ разрядомъ былъ четвертый, въ которомъ наст. вр. образуется тоже посредствомъ j, прошедшее же время оканчивается на *-алъ*. Глаголы на *-лю* и *-рю* (прош. вр. на -ло́лъ и -ро́лъ и неопр. накл. на -ло́ть и -ро́ть, съ первымъ полногласіемъ) разсматриваемаго разряда, кромѣ „мелю“, содержатъ въ корнѣ гласный *о*, но они всѣ корневые, такъ какъ это *о* не является отраженіемъ втораго полнаго вида. Что же касается въ этомъ разрядѣ глаголовъ, основа которыхъ кончается гласнымъ (т. е. группы б, в, г), то они частію корневые и въ такомъ случаѣ имѣютъ односложную основу (напр. мо́ю, лью́, зна́ю, смѣю), большею же частію или отъименные (напр. играю, бѣлѣю), или же отглагольные (напр. помогаю, почитываю). Такъ какъ относящихся сюда глаголовъ, которые образованы отъ именъ и глаголовъ, очень много, то мы огра-

ничимся лишь приведеніемъ отдѣльныхъ примѣровъ, тогда какъ корневые глаголы исчислимъ возможно полнѣе:

а) полю́, колю́, мелю́; борю́, порю́;
б) мо́ю, ро́ю, кро́ю, во́ю, но́ю;
в) брѣ́ю; бью́, шью́; лью́, вью́, пью́;
г) зна́ю, даю́, узнаю́; чита́ю, хвата́ю, дѣ́лаю, вѣ́даю....; почи́тываю....; гуля́ю, мѣня́ю....; смѣ́ю, спѣ́ю, зрѣ́ю; умѣ́ю, бѣлѣ́ю....; ду́ю.

Что касается ударенія корневыхъ глаголовъ на *-лю́* и *-рю́*, то въ настоящемъ времени оно переходное, т. е. въ первомъ лицѣ единственнаго числа на окончаніи, въ прочихъ же лицахъ на основѣ; въ прошедшемъ времени этихъ глаголовъ удареніе постоянное на окончаніи (-о́лъ и пр.), при чемъ нужно замѣтить, что формы прош. вр. имѣютъ первое полногласіе и удареніе находится на вторичномъ *о*. Удареніе глаголовъ второй группы, тоже корневыхъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ времени постоянное на корнѣ. Удареніе глаголовъ третьей группы, также корневыхъ, въ одномъ глаголѣ (брѣ́ю), подобно предъидущей группѣ, постоянное на корнѣ; прочіе же глаголы той же группы имѣютъ въ настоящемъ времени постоянное удареніе на окончаніи, а въ прошедшемъ времени два глагола принимаютъ постоянное удареніе на корнѣ (бью, шью), а прочіе три (лаю, вью, пью) въ ж. р. ед. ч. переносятъ удареніе на окончаніе *-ла*.[1])

---

[1]) Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ данной группы j можетъ принадлежать корню, а не суффиксу (срв. напр. вью = литов. vej-ù), а въ такомъ случаѣ они собственно не относятся къ мягкому разряду по образованію настоящаго времени и, не смотря на присутствіе j, принадлежатъ къ первому разряду, т. е. подобно глаголу «пою́»; глаголъ «шью» безспорно относится ко второму разряду, такъ какъ здѣсь j не принадлежитъ корню (срв. литов. siūvù, скт. siv-yā-mi).

Всѣ глаголы послѣдней группы, корневые и производные, имѣютъ удареніе постоянное на одномъ и томъ же слогѣ основы въ настоящемъ и прошедшемъ времени; только глаголы „даю“ и „узнаю“ (послѣдній, надо думать, подъ вліяніемъ дифференціаціи къ буд. вр. „узна́ю“) имѣютъ въ настоящемъ времени удареніе на окончаніи, а въ прош. вр. первый имѣетъ переходное удареніе (т. е. удареніе на корнѣ во всѣхъ формахъ, кромѣ жен. рода ед. ч.), удареніе же втораго въ прош. вр. одинаково съ простымъ глаголомъ „знаю“, т. е. постоянное на корнѣ.

Третій разрядъ: *сосу—сосать*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, всѣ—корневые; по образованію настоящаго времени они могли бы быть зачислены въ первый разрядъ, но прошедшее время и неопр. наклоненіе отличаются отъ перваго разряда, такъ какъ оканчиваются на *-а́лъ* [1]) и *-а́ть*, тогда какъ въ первомъ разрядѣ тѣ же формы оканчиваются на *-лъ* и *-ть* (*-ти*). Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующіе глаголы:

сосу́; *тку́*; *лгу́*; *вру*, *жру́*, *беру́*, *деру́*, *ору́*; *ржу́*; *зову́*, *рву́*; *жду́*.

Удареніе во всѣхъ приведенныхъ глаголахъ въ *настоящемъ времени* постоянное на окончаніи. Что касается ударенія въ *неопредѣленномъ наклоненіи*, то оно всегда падаетъ на окончаніе *а́ть*. Въ *прошедшемъ времени* въ двухъ глаголахъ съ постояннымъ *о* въ корнѣ (*сосу́*, *ору́*) оно оказывается по-

---

[1]) Такое образованіе прош. вр. можно сопоставить съ образованіемъ въ греческомъ языкѣ отъ корневыхъ глаголовъ перфекта на -ηκα (дорич. -ᾱκα) въ такихъ случаяхъ какъ: μένω—μεμένηκα, τέμνω—τέτμηκα. Въ латинскомъ языкѣ сюда можно причислить такіе глаголы на -āre, какъ crepo—crepui—crepāre.

стоящимъ на окончаніи, падая на то *а*, которое стоитъ передъ *л*; въ прочихъ же глаголахъ, въ корнѣ которыхъ имѣется исчезающее *е* или же нѣкогда имѣлся гласный ъ (ŭ) и ь (ĭ), удареніе въ жен. родѣ ед. ч. переходитъ на конечный гласный (напр. брала́, ждала́); впрочемъ въ глаголахъ „тку“ и „лгу“ встрѣчается и на *а*, стоящемъ передъ *л*. Совершенно отдѣльно въ данномъ разрядѣ стоитъ глаголъ „стону́“, имѣющій одинъ во всемъ разрядѣ переходное удареніе въ настоящемъ времени; глаголъ этотъ, судя по гласному корня,— отъименной и, можно думать, сначала принадлежалъ къ глаголамъ на *-аю* предъидущаго разряда, а затѣмъ по аналогіи (черезъ посредство неопред. накл.) перешелъ въ данный разрядъ; въ словаряхъ даже и указывается глаголъ „стона́ю“.

Четвертый разрядъ: *пишу — писать*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому; въ настоящемъ времени встрѣчается такая же перемѣна согласныхъ (подъ вліяніемъ j), какъ въ сравнительной степени, оканчивающейся на -е. Всѣ эти глаголы—корневые [1]), какъ и глаголы съ односложною основою, оканчивающеюся гласнымъ; отъименными являются лишь многосложные глаголы, имѣющіе въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. окончанія *-ую* и *-юю*, а въ прошедшемъ времени *-овалъ* и *-евалъ* [2]). Въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ

---

[1]) Быть можетъ, отъименными нужно признать глаголы—колеблю, трепещу́, клевещу́, какъ имѣющіе двусложную основу (односложные глаголы—плещу́ и свищу́ могутъ быть и корневыми).

[2]) Если согласный, предшествующій окончанію—твердый, то прош. время оканчивается на -овалъ; если же окончанію предшествуетъ мягкій согласный, то прош. время оканчивается на -евалъ. Очевидно, здѣсь имѣемъ такое же чередованіе *о* || *е*, на какое мы указывали уже, говоря объ особенныхъ окончаніяхъ твердаго и мягкаго склоненія существительныхъ, тѣмъ болѣе, что глаголы на *-ую* происходятъ отъ существительныхъ твердаго склоненія, а глаголы на *-юю* отъ существительныхъ мягкаго скл., напр.

глаголовъ даннаго разряда приводятся всѣ корневые и лишь отдѣльные примѣры отъименныхъ:

а) коле́*блю*; тре*плю́*, кле*плю́*, щи*плю́*, сы*плю*; дре*млю́*; гло*жу*; пря́*чу*, ме*чу́*; сви*щу́*, хле*щу́*; клеве*щу́*, тре*пещу́*; рѣ*жу*, ма́*жу*, вя*жу́*, ли*жу́*, ка*жу́*, ни*жу́*; пи*шу́*, пля*шу́*, подпоя́*шу*, че*шу́*; дви́*жу*, бры́*жжу*; пла́*чу*, ска*чу́*; и*щу́*, пле*щу́*; сте*лю́*, шлю́; о*рю́*;

б) ца́рст*вую*, цѣл*у́ю*; *сую́*, *сплю́*; во*ю́ю*, горю́*ю*, плю*ю́*, клю*ю́*. [1])

в) *сью*, *смью́сь*; *ла́ю*, та́*ю*.

Удареніе въ *настоящемъ времени* можетъ представлять всѣ три типа. При этомъ оказывается, что въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на согласный, имѣются два типа: а) удареніе постоянное на основѣ (напр. ма́жу) и, чаще, б) удареніе переходное (напр. треплю́—тре́плешь); только въ одномъ глаголѣ (шлю́—шле́шь) [2]) удареніе по необходимости падаетъ на окончаніе. Въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на гласный, въ настоящемъ времени вовсе не встрѣчается переходнаго ударенія, а только два другіе типа: а)

пиръ<пирую, горе<горюю. Въ греческомъ языкѣ даннымъ глаголамъ соотвѣтствуютъ отъименные глаголы на -εύω, напр. πιστός<πιστεύω, βασιλεύς<βασιλεύω.

[1]) При заимствованіи глаголовъ изъ зап.-европейскихъ языковъ русскій языкъ обнаруживаетъ склонность къ отнесенію такихъ глаголовъ къ типу *-ую* || *-овать*, напр. нѣм. tanzen, werben ~~> танцу́ю, вербу́ю (неопр. *-ова́ть*), gruppieren ~~> группирую (*-ова́ть*); франц. attester ~~> аттесту́ю (*-ова́ть*). Нѣкоторые глаголы французскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ имѣютъ нѣмецкій суф. -ировать, свидѣтельствующій, что французское вліяніе шло къ намъ частію черезъ посредство нѣмецкое, срв. protéger ~~> протежировать.

[2]) Сюда же можно перенести изъ предъидущаго разряда глаголъ *ржу—ржешь*, такъ какъ согласный *ж* нѣкогда былъ мягкимъ. Если основа двусложная, то удареніе при переходѣ съ окончанія на основу приходится на второмъ слогѣ основы, т. е. ближайшемъ къ окончанію, напр. клевещу́—клеве́щешь.

удареніе постоянное на основѣ—въ нѣкоторыхъ корневыхъ глаголахъ на *-ѣю* и *-аю* (сѣ́ю, ла́ю, та́ю, ча́ю) и въ производныхъ на *-ую* и *-ю́ю*, при чемъ предпослѣдніе *у* и *ю* бываютъ ударенными или же стоятъ за удареніемъ (пиру́ю, па́рствую, горю́ю, цк.-сл. у́тренюю), б) удареніе постоянное на окончаніи—только въ корневыхъ глаголахъ (кую́, плюю́, смѣю́сь). Удареніе въ *прошедшемъ* времени всегда постоянное или на основѣ (пря́талъ), или на окончаніи (мета́лъ) и находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1 ед. наст.: если удареніе въ 1 ед. наст. приходится на окончаніи, то и въ прош. времени оно на окончаніи, если же въ 1 ед. наст. имѣется на основѣ, то и въ прош. времени тоже (исключая одинъ глаголъ съ двусложной основою: коле́блю—колеба́лъ). Выше мы высказали предположеніе, что нѣкоторые глаголы могли перейти въ данный разрядъ путемъ аналогіи изъ втораго разряда; и дѣйствительно, нѣкоторымъ русскимъ глаголамъ четвертаго разряда въ литовскомъ соотвѣтствуютъ глаголы втораго разряда, напр.: сую—совать || šáuju—šáuti, плюю—плевать || spiáuju—spiáuti.

Пятый разрядъ: *вяну—вянуть*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, частію имѣютъ значеніе настоящаго времени (напр. вяну, сохну, глохну и пр.), частію же будущаго времени (напр. прысну, топну, хлопну, толкну́ и пр.).

Первая группа глаголовъ на *-ну* имѣетъ удареніе на корнѣ и по своему значенію сближается съ глаголами на *-ѣю* (2-го разряда), произведенными отъ прилагательныхъ; срв.

красный<краснѣю	слѣпой ‖ слѣпну
черный<чернѣю	глухой ‖ глохну
толстый<толстѣю	сухой ‖ сохну
слабый<слабѣю	слабый ‖ слабну.

Такого рода глаголы на *-ѣю* и *-ну* обыкновенно называются

„начинательными“, но не вполнѣ точно, такъ какъ ими выражается не начало дѣйствія, но процессъ пріобрѣтенія качества, обозначеннаго прилагательнымъ.

Ко второй категоріи принадлежатъ многіе глаголы, обозначающіе звуковыя представленія, напр. хлóпну, свúстну, бóтну и др.; они имѣютъ удареніе на корнѣ, независимо отъ ударенія въ соотвѣтствующемъ глаголѣ наст. времени (срв. хлóпаю, свищу́). Кромѣ того, къ этой же группѣ относятся глаголы движенiй, могущихъ имѣть быстрый или разовый характеръ: грестú || гребну́ть, бодáть || бодну́ть, лягáть || лягну́ть и т. д.

Б. Второе спряженіе.

Шестой разрядъ: *солю—солить*. Къ этому разряду принадлежатъ отъименные глаголы на *-ить* (прош. вр. на *-илъ*):

солю́; *варю́*; *рáню*, *цѣню́*; *стóю*, *стрóю*; *клею́*; *люблю́*; *хожу́*, *сужу́*; *служу́*; *мучу́*; *учу́*, *му́чу*.

Удареніе въ *настоящемъ времени* глаголовъ даннаго разряда представляетъ всѣ три типа, удареніе же *прошедшаго времени* и *неопред. наклоненія* соотвѣтствуетъ первому лицу ед. ч. наст. времени (солю́—солúть—солúлъ, сужу́—су́дишь—судúлъ, рáню—рáнишь—рáнилъ); такимъ образомъ шестой разрядъ глаголовъ по ударенію представляетъ сходство съ четвертымъ разрядомъ, съ которымъ, быть можетъ, связанъ и родствомъ суффиксальнаго образованія.

Седьмой разрядъ: *вижу—видѣть*. Этотъ разрядъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ прошедшее время оканчивается на *-ѣлъ* или (послѣ шипящихъ и j) на *-алъ*. Глаголы, относящіеся къ этому разряду,—по преимуществу корневые. Отъименными глаголами можно признать довольно многочисленные непереходные глаголы, обозначающіе звуковыя представленія и происходящіе главнымъ образомъ отъ именъ

существительныхъ на *-пъ* и *-къ* (напр. храпъ<храпѣть, скрипъ <скрипѣть, шипъ<шипѣть....; стукъ<стучáть, пискъ<пищáть, крикъ<кричáть....); такъ какъ дѣйствіе этихъ глаголовъ по природѣ длительное, тянущееся, повторяющееся, то бóльшая часть ихъ образуетъ еще однократную форму на *-нуть* (т. е. по пятому разряду). Примѣры глаголовъ разсматриваемаго разряда:

а) ве*лю́*; го*рю́*; звен*ю́*; скор*блю́*; скри*плю́*; шу*млю́*; си*жу́*; *лечу́*; ви*шу́*;

б) ле*жу́*; слы*шу*; мол*чу́*; тре*щу́*; сто*ю́*; бо*ю́*сь.

Что касается ударенія, то оно въ *настоящемъ времени* бываетъ только постоянное и притомъ двоякое, т. е. или на основѣ, или же на окончаніи, а въ соотвѣтствіи съ этимъ находится удареніе *прошедшаго времени* и *неопредѣленнаго наклон.*

Глава XI.

О нарѣчіи и частицахъ.

Нарѣчіемъ называется знаменательная часть рѣчи, присоединяющаяся въ качествѣ опредѣленія къ глаголу. Уже названіе ея показываетъ, что она относится къ „рѣчи", т. е. „глаголу" (срв. лат. adverbium т. е. приглаголіе). По своему происхожденію нарѣчія представляютъ нѣсколько группъ. Наиболѣе обширную группу составляютъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ. Такія нарѣчія чаще всего представляютъ собою краткую форму качественныхъ прилагательныхъ средняго рода на *-о*, напр. хорошо, дурно, скоро и т. п. Подобныя формы, относясь къ существительнымъ средняго рода, представляютъ явленіе согласованія. При глаголѣ онѣ не могли исполнять такой функціи, обозначая признакъ дѣйствія; такимъ образомъ онѣ получили смыслъ нарѣчій и обособились отъ прилагательныхъ. [1]) При этомъ онѣ удержали характерное свойство качественныхъ прилагательныхъ, именно— способность къ степенямъ сравненія. Нарѣчныя образованія

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ какомъ отношеніи находится нарѣчіе къ своему прилагательному, въ такомъ же дѣепричастіе къ соотвѣтствующему причастію; такимъ образомъ, дѣепричастіе является какъ бы глагольнымъ нарѣчіемъ.

могутъ происходить также отъ числительныхъ (напр. однажды), мѣстоименій (напр. такъ), а также глаголовъ (напр. пожалуй). Наконецъ, очень много нарѣчій получилось вообще изъ падежныхъ формъ склоняемыхъ частей рѣчи какъ въ безпредложномъ употребленіи, такъ и въ соединеніи съ предлогами, напр. вчера, понемногу. Такимъ образомъ мы видимъ, что нарѣчія могутъ происходить отъ каждой знаменательной части рѣчи, благодаря тому, что извѣстная флексійная форма, часто употребляемая въ разныхъ оборотахъ рѣчи, получаетъ новое, болѣе общее значеніе. При этомъ она утеривается тотъ частный формальный смыслъ, который бываетъ ей присущъ въ отдѣльныхъ фразахъ и зависитъ отъ обычныхъ отношеній къ другимъ членамъ предложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней теряется принадлежность къ флексійной системѣ, такъ что она уже перестаетъ образовываться путемъ присоединенія къ основѣ требуемаго окончанія, но помнится и употребляется цѣликомъ, служа для соотвѣтствующей общей характеристики дѣйствія, напр. относительно мѣста, времени, способа и т. под. (напр. домой, зимой, по-немному и т. д.), а иногда обозначая и признаки качества (напр. *ужасно* великъ). Въ этомъ переходѣ флексійной формы въ нарѣчіе не слѣдуетъ видѣть уменьшенія знаменательности, а только измѣненіе значенія, которое, какъ мы указывали, принимаетъ болѣе общій характеръ (срв. *вверхъ, домой*); пониженіе же знаменательности можетъ наступить лишь въ дальнѣйшей жизни нарѣчія, какъ увидимъ ниже. Что касается формальной стороны нарѣчій, то обособившись отъ флексійной системы и какъ бы окостенѣвъ въ своемъ неизмѣнномъ видѣ, они тѣмъ самымъ лишили себя возможности слѣдовать по пути тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣвали родственныя имъ флексійныя формы. Благодаря такой окаменѣлости, нѣкоторыя изъ нарѣчій сохранили для насъ въ качествѣ пережитковъ древніе типы словообразованія и словоизмѣненія (напр. босикомъ, понемногу, долой).

Давъ общее понятіе о процессѣ возникновенія нарѣчій изъ флексійныхъ формъ, мы представимъ рядъ примѣровъ, распредѣливъ ихъ въ группы соотвѣтственно ихъ происхожденію.

А) Нарѣчія отъ существительныхъ могутъ происходить отъ всѣхъ падежныхъ формъ (кромѣ Имен. и Зват.), взятыхъ чаще всего въ ед. ч. и нерѣдко въ соединеніи съ предлогами:

1) Нарѣчіе произошло отъ существит. въ *Винит.* падежѣ [1]) безъ предлога, но въ соединеніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ или же указательно-мѣстоименною частичкою—*съ* [2]), и служитъ для обозначенія *времени*, напр.: сейча́съ, то́тчасъ, лѣ́тось, простонар.—зи́мусь. Къ данному виду принадлежатъ далѣе безпредложныя нарѣчія, обозначающія небольшое *количество*, при чемъ существительное взято въ уменьшительной формѣ, напр. крошечку, чуточку, капельку. Нарѣчія съ предлогами *въ* и *на* служатъ для обозначенія *направленія* (напр. наоборотъ, вверхъ, впередъ, на̀земь), *способа* дѣйствія или же *времени* (напр. натоща́къ, вскачь, вскользь, въявь, вновь, встарь; внѣ этихъ формъ почти всѣ соотвѣтствующія существительныя уже не употребляются).

2) Нарѣчіе возникло изъ существительнаго въ *Родит.* пад. безъ предлога, получивъ въ этомъ случаѣ *мѣстное* или *временное* значеніе—до́ма, вчера́, [3]) вчера́сь; нарѣчія данной

---

[1]) Мы отступаемъ здѣсь нѣсколько отъ обычной послѣдовательности въ перечнѣ падежей, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Вин. пад. относится къ одной группѣ съ падежами Им. и Зват., служащей для обозначенія предметовъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ глагольнымъ дѣйствіемъ въ предложеніи.

[2]) Частичка *-съ* вообще встрѣчается только въ нарѣчіяхъ, обыкновенно временнаго или мѣстнаго значенія, придавая слову опредѣленный указательный оттѣнокъ, напр. лѣтось=прошлымъ лѣтомъ.

[3]) Въ данномъ нарѣчіи, въ отличіе отъ соотвѣтствующей падежной

падежной категоріи въ соединеніи съ предлогомъ *изъ* обозначаютъ исходный пунктъ дѣйствія, *пространственный* или же *временной*, напр. издали, изстари (удареніе въ такихъ словахъ падаетъ на предлогъ); въ составъ нарѣчій можетъ входить также предлогъ *съ*, напр. сверху, сроду (въ подобныхъ нарѣчіяхъ обычнымъ является окончаніе -у, тогда какъ въ аналогичныхъ нарѣчіяхъ прилагательнаго происхожденія нерѣдко встрѣчается окончаніе -а), снаружи, сзади; въ соединеніи съ предлогомъ *до* нарѣчія этой категоріи указываютъ на предѣльный пунктъ дѣйствія, напр. до́верху, до́свѣту.

3) Безпредложныхъ нарѣчій, происходящихъ отъ *Дат.* пад. существительныхъ,—почти нѣтъ; сюда можно отнести развѣ слова—домой, долой ← домовь, доловь ← домови, долови (срв. „ити гостю домовь бес пакости"—грам. Новг. 1199 г.; соврем. курск.—доловь), представляющія собою отголоски исчезнувшихъ старинныхъ формъ. Обычно же нарѣчія, происходящія изъ Дат. пад., являются въ соединеніи съ предлогомъ *къ* или *по*, напр. кстати, некстати, по-мелочамъ (въ послѣднемъ примѣрѣ существ. уже во множ. числѣ).

4) Что касается *Творит.* пад., то происшедшія изъ него нарѣчія служатъ во-первыхъ для обозначенія *времени*, напр. ночью, лѣтомъ, постомъ, во-вторыхъ же *способа* и *образа дѣйствія*: шагомъ, шажкомъ, опрометью, босикомъ (это слово представляетъ собою единственную уцѣлѣвшую форму *босикъ, очевидно когда-то существовавшаго въ языкѣ), бѣго́мъ, верхо́мъ, круго́мъ (въ этихъ словахъ нарѣчное значеніе связано съ перемѣною мѣста ударенія, по сравненію съ соотвѣтствующими падежными формами). Случай Твор. пад. съ предлогомъ мы видимъ въ нарѣчіи „слишкомъ".

формы (ве́чера), мы видимъ не только переносъ ударенія на окончаніе, нерѣдко встрѣчающійся въ нарѣчіяхъ, но и потерю гласнаго въ начальномъ слогѣ, происшедшую конечно уже послѣ того, какъ удареніе съ этого слога перемѣстилось на конецъ.

5) Въ примѣры нарѣчій, получившихся изъ такъ называемаго *Предложн.* пад. укажемъ: вверху, впослѣдствіи; напослѣдяхъ, второпяхъ (послѣдніе два примѣра представляютъ собою предложную падежную форму мн. ч. отъ существительнаго иначе неупотребляемаго). Нѣкогда форма Предл. падежа существовала въ языкѣ и въ безпредложномъ видѣ, имѣя мѣстное значеніе, и отголоскомъ такого употребленія ея теперь являются немногія устарѣвшія нарѣчія, какъ *горѣ*, *долу*, встрѣчающіяся тамъ и сямъ въ стихотворной рѣчи. [1]) Простонародное выраженіе „намедни" представляетъ собою также пережитокъ сущ. мѣстнаго падежа безъ предлога (намедни ← *ономь-дьни).

Б) Нарѣчія отъ прилагательныхъ чаще всего происходятъ изъ простыхъ формъ:

1) Нарѣчія на *о* представляютъ собою форму *Вин.* пад. безпредложную или же съ предлогомъ, происшедшую отъ простыхъ прилагательныхъ средняго рода, частью существующихъ въ языкѣ, частью же вышедшихъ изъ употребленія. Напр.: близк*о*, скор*о*, ран*о* (очевидно, производящее прилагательное получило, уже по обособленіи отъ него даннаго нарѣчія, дальнѣйшее суффиксальное распространеніе посредствомъ втораго „*н*"—„ранній), словн*о* (это нарѣчіе уже уклонилось въ своемъ значеніи отъ производящаго прилагательнаго, которое теперь не встрѣчается въ простомъ видѣ, а только въ сложеніи—„условный", „многословный"), просто (нарѣчіе встрѣчается и съ измѣненнымъ значеніемъ, напр.: „просто бѣда", „просто замучился", въ смыслѣ—„совсѣмъ, совершенно"); можн*о*, нужн*о*, должн*о*, надобн*о* (эти нарѣчія получили уже значеніе глагольности вслѣдствіе того, что ихъ всегда сопровождаетъ или подразумѣвается при нихъ глаголъ „быть", напр. можно || можно было || можно будетъ; поэтому языковое чутье относитъ эти нарѣчія въ одну категорію съ безличными гла-

[1]) Срв. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого: «Среди садовъ деревья гнутся *долу*»; «Грустныя *долу* она опускала рѣсницы».

голами—надлежитъ, слѣдуетъ, подобаетъ), *на*чисто, *на*бѣло. Укажемъ еще на то, что многія изъ нарѣчій разсматриваемаго типа способны, подобно прилагательнымъ, къ образованію какъ степеней сравненія (напр. худо—хуже—всего хуже), такъ и уменьшительныхъ формъ (напр. немножко [1]), маленько); послѣднія особенно часты въ нѣкоторыхъ литературныхъ жанрахъ, какъ напр. въ басняхъ, а также въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, срв.:

На ту бѣду лиса *близехонько* бѣжала.
(Крыловъ)

А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку *ранехонько*,
Умывается онъ да *бѣлехонько*,
Снаряжается онъ *хорошохонько*
(Гильф. Онеж. былины, 1873 г., стр. 107).
Тяжелешенько тутъ царь да порасплакался.
(Тамъ же, стр. 109).

Кромѣ разсматриваемаго типа, существуютъ нарѣчія отъ прилагательныхъ въ Вин. же падежѣ, но въ сложной формѣ женск. р. и въ соединеніи съ предлогомъ, напр. вплотну́ю, зачасту́ю (удареніе по сравненію съ прилагательными оказывается перенесеннымъ на окончаніе), напропалу́ю.

2) Нарѣчія происходятъ изъ простыхъ прилагательныхъ въ Род. пад. съ предлогами *съ*, *изъ* и *до*, при чемъ окончаніемъ прилагательнаго является ударяемое или неударяемое *-а*, а иногда *-у* безъ ударенія, напр. слегка́, спроста́, сно́*ва*, со́-слѣп*у*, сду́р*у* (внѣ этой комбинаціи соотвѣтствующее прилагательное не встрѣчается, т. е. здѣсь имѣется пережи-

[1]) Для этой уменьшительной формы нѣтъ соотвѣтствующаго прилагательнаго; значитъ, уменьшительный суффиксъ прибавился уже на почвѣ нарѣчія.

токъ выраженія), до-бѣлá, дóсыта, издалекá, съизнова, съизмалá (два послѣдніе примѣра представляютъ соединеніе двухъ предлоговъ).

3) Нарѣчія представляютъ форму *Дат.* ед. простаго прилагательнаго съ предлогомъ *по*, напр. понапрасну, понемногу, понемножку, помалу, помаленьку, потихоньку. Въ случаѣ „повидимому" имѣемъ сложную форму глагольнаго прилагательнаго, употребляющуюся какъ вводное выраженіе.

4) Что касается нарѣчій, происшедшихъ изъ прилагательныхъ въ *Твор.* ед., то встрѣчаемъ ихъ въ выраженіяхъ, содержащихъ повтореніе слова и служащихъ для усиленія значенія, напр. *давнимъ*-давнò, *рáнымъ* рано. [1])

5) Примѣрами нарѣчій изъ прилагательныхъ въ *Предл.* ед. могутъ служить: вполнѣ, вдалекѣ, вкратцѣ (отмѣтимъ пережитокъ смягченія *к* въ *ц*), вскорѣ, вновѣ, впрочемъ.

Примѣчаніе 1. Имѣются также нарѣчія, происходящія изъ именъ числительныхъ, напр.: дважды, вдвойнѣ, наединѣ, вчетверомъ, во-первыхъ, теперь (срв. народн. топерь изъ*то-пьрьво).

Примѣчаніе 2. Что касается нарѣчій мѣстоименнаго происхожденія, то ихъ оказывается поразительное изобиліе, при чемъ многія изъ нихъ совершенно уже утратили для чутья ясность морфологическаго состава и приблизились къ частицамъ или даже перешли въ нихъ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ ограничиться простымъ приведеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ: только, авось, когда, туда, вездѣ, всюду, едва, такъ, нипочемъ, почему, гдѣ, здѣсь, нѣчего, по-моему, совсѣмъ, про-себя.

В) Нарѣчія глагольнаго происхожденія могутъ отражать собою слѣдующія формы:

---

[1]) Аналогичныя по смыслу выраженія образуются также изъ Вин. пад. прилагательныхъ въ соединеніи съ предлогомъ *на*, срв. просто-нáпросто, перво-нá-перво. Подобныя же нарѣчія образуются и изъ существительныхъ, при чемъ предлогъ можетъ и отсутствовать; напр. точь-въ-точь, чуть-чуть.

1) Настоящее время: видишь, значитъ, кажется.

2) Прошедшее время: было (вводное словечко, напр.: „онъ, было, пошелъ"), стало („Вы, стало, изъ тѣхъ, что опрóститься хотятъ"—*Новь* Тургенева).

3) Будущее время: буде, будетъ (=довольно).

4) Повелительное наклоненіе: пускай, пусть, почти, народн. „почитай", пожалуй, пожалуйста, небось, кажись, глядь, спасибо.

5) Неопредѣленное наклоненіе: знать.

6) Древнія причастныя формы: молча, спустя (напр. „земного спустя"), народн.—знамо, вѣстимо. Къ этой категоріи, собственно говоря, можетъ быть отнесенъ цѣлый отдѣлъ дѣепричастій.

Какъ мы уже упомянули, нарѣчія въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ понижаться въ своей знаменательности, постепенно переходя въ *частицы*—предлоги и союзы (напр. около, хотя). Что касается возникновенія *предлоговъ*, то въ этомъ случаѣ первоначальное нарѣчіе обычно служило для пространственнаго опредѣленія глагола и нерѣдко сопровождалось существительнымъ въ опредѣленномъ падежѣ; на этой стадіи мы различаемъ еще въ нарѣчіи довольно ясно матеріальную и формальную стороны, хотя оно, обособившись отъ своей флексійной системы, уже получило новый оттѣнокъ значенія. Вслѣдствіе частой повторяемости своей передъ существительными въ одной и той же формѣ нарѣчіе начинаетъ тѣснѣе примыкать къ существительному и обособляться отъ глагола; вмѣстѣ съ тѣмъ центръ тяжести значенія въ нарѣчіи переносится на формальный оттѣнокъ и оно легко становится формальною принадлежностью слѣдующаго слова—препозиціоннымъ нарѣчіемъ и затѣмъ предлогомъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой перемѣны служитъ утрата нарѣчіемъ самостоятельнаго ударенія и подчиненіе ударенію слѣдующаго слова. И такъ, предлоги обычно представляютъ дальнѣйшую ступень измѣненія нарѣчій и от-

носятся уже не къ глаголу, а къ имени (или мѣстоименію). Основное значеніе предлоговъ—выражать пространственное и временное отношеніе предметовъ. Соотвѣтственно этому и собственное значеніе нарѣчій, переходящихъ въ предлоги, принадлежитъ къ типу пространственно-временныхъ, срв. близь, около, вдоль и пр.; обычно при такихъ предлогахъ стоитъ Род. падежъ, какъ и при существительныхъ, отъ которыхъ произошли нарѣчія, обратившіяся затѣмъ въ предлоги. Предлоги могутъ еще входить въ качествѣ постояннаго элемента въ составъ слова для образованія его собственнаго значенія; въ такомъ случаѣ они становятся морфологическою частью слова, именуемою *префиксомъ*. Нѣкоторые предлоги извѣстны только въ видѣ префиксовъ: *воз-*, *низ-*, *раз-*, *вы-*, *па* , *пра-*, *су-*, *пере-*. Переходъ первоначальныхъ флексійныхъ формъ въ нарѣчія и предлоги принадлежитъ разнымъ эпохамъ. Къ древнѣйшимъ предлогамъ, имѣющимъ родичей въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ и потому восходящимъ къ эпохѣ аріо-европейскаго праязыка, принадлежатъ такіе простѣйшіе, какъ—*про*, *пра*, *въ*, *съ* и *су*, *къ*, *отъ*, *изъ* и пр.; они соединяются съ разными падежами, что̀ зависитъ отъ взаимнаго соотвѣтствія смысла предлога и смысла падежа. Чтобы убѣдиться въ родствѣ нѣкоторыхъ наиболѣе древнихъ предлоговъ русскаго языка съ предлогами другихъ языковъ нашего семейства, достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе примѣры: *про*=скт. pra, греч. *πρό*, литов. pra-; *пере*=лат. per, нѣм. ver-; *съ* (*сън) и *су-* (сж)=скт. sa и sam, прус. san, срв. также греч. *σύν* и лит. sù; *объ*=скт. abhí, греч. *ἀμφί*, нѣм. bei и англ. by—изъ bī, сюда же нѣм. и англ. be-; *до*=англ. to, нѣм. zu, греч. *-δε* напр. *οἰκόνδε*; *на*=греч. *ανά*, нѣм. an, англ. on; и др.

Древнѣйшіе *союзы* имѣютъ мѣстоименное происхожденіе (напр. а, и, что...), а это указываетъ на то, что первоначально это были мѣстоименныя словечки, служившія для указанія видовъ ассоціаціи между представленіями и мыслями,

напр. по *смежности* и *послѣдовательности* (и, когда), а въ дальнѣйшемъ развитіи они могутъ выражать и *причинность* (когда, такъ какъ), *подобіе*, *различіе* и *контрастъ* (какъ; но, а). Такимъ образомъ, союзы различаются по своему значенію отъ предлоговъ, представляя однако съ ними то сходство, что какъ тѣ, такъ и другіе не имѣютъ полнаго собственнаго значенія. [1])

Междометія по происхожденію представляютъ рефлекторные звуки, вызываемые тѣмъ или другимъ сильнымъ эмоціональнымъ состояніемъ, напр. чувствомъ боли, радости и т. п., а въ послѣдующемъ развитіи языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоціи. Вслѣдствіе частоты употребленія и привычки Зват. падежъ нѣкоторыхъ словъ пріобрѣтаетъ характеръ междометнаго восклицанія, напр.: ахъ, батюшки! матушки! Господи! Особый видъ междометій—звукоподражанія, первоначально родъ рефлекса со слуха на органъ произношенія.

Примѣчаніе. Такъ называемыя «глагольныя частицы» (звукоподражательныя), какъ напр. бацъ! тратъ! и т. п. должны считаться неизмѣняемыми глагольными образованіями. Глагольность ихъ подтверждается тѣмъ, что они по смыслу рѣчи получаютъ значеніе того или другаго времени и лица, а кромѣ того распространяются падежами одинаково съ родственными глаголами; напр. онъ бацъ (=бацнулъ) его по головѣ! тутъ онъ бацъ (=бацнулся) ему въ ноги! Срв. также у Крылова (Зеркало и Обезьяна): «...тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой».

---

[1]) Поэтому-то въ малограмотныхъ написаніяхъ часто нѣкоторые предлоги и союзы встрѣчаются написанными слитно съ слѣдующимъ словомъ, къ которому они примыкаютъ (напр. *анадругойжа*).

Глава XII.

Синтаксисъ.

Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи и его объемѣ. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы.

Въ морфологіи мы изучали отдѣльныя слова, при чемъ установили какъ наиболѣе крупные разряды словъ, именуемые частями рѣчи, такъ и различія смысловыя и формальныя въ области каждой части рѣчи. Теперь мы должны приступить къ разсмотрѣнію типовъ сочетанія словъ для выраженія нашихъ мыслей, что̀ и составляетъ предметъ синтаксиса. Наше изложеніе синтаксиса не будетъ особенно обширнымъ, такъ какъ многіе семазіологическіе вопросы, обычно разсматриваемые другими авторами въ синтаксисѣ, по нашему мнѣнію гораздо болѣе принадлежатъ морфологіи, куда мы и предпочли ихъ перенести. При такомъ расположеніи матеріала достигается бо́льшая систематичность въ изложеніи синтаксиса, гдѣ послѣдовательное разсмотрѣніе различныхъ типовъ предложенія уже не прерывается вставкою цѣлаго ряда подготовительныхъ и побочныхъ разсужденій, какъ напр. о частяхъ рѣчи, семазіологическихъ категоріяхъ имени существительнаго, или залогахъ и видахъ глагола.

Каждое сочетаніе словъ, служащее для выраженія мы-

сли и образующее одно цѣлое, называется *предложеніемъ*. Въ элементарной грамматикѣ предложеніе обыкновенно опредѣляется какъ „мысль (или по другимъ—отдѣльная мысль), выраженная словами". Это опредѣленіе содержитъ однако нѣкоторую неточность, ибо предложеніе есть фактъ рѣчи, а не мысли. Поэтому нужно признать болѣе точнымъ то опредѣленіе предложенія, которое дано нами выше: „предложеніе есть сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли (или—отдѣльной мысли)".

Все-таки и то, и другое опредѣленіе страдаетъ еще нѣкоторою неполнотою, такъ какъ не указываетъ, что считать отдѣльной мыслью. Но съ этимъ недочетомъ можно примириться въ виду того, что грамматика не ограничивается однимъ опредѣленіемъ, а вслѣдъ за нимъ переходитъ къ указанію состава предложеній, чѣмъ какъ бы опредѣляетъ и составъ отдѣльной мысли. Кромѣ того, хотя обычное опредѣленіе предложенія и не имѣетъ желательной полноты, но является весьма удобнымъ въ цѣляхъ педагогическихъ, именно благодаря своей краткости.

Примѣчаніе. Всякое предложеніе служитъ для выраженія мысли, а потому не мѣшаетъ остановиться на слѣдующемъ вопросѣ: совпадаетъ ли невысказанная мысль съ мыслью выраженной словами? Наши мысли начинаютъ складываться и развиваться съ самаго дѣтства и съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ значительное богатство и сложность содержанія, хотя благодаря привычкѣ могутъ казаться намъ весьма простыми. Но если мы попробуемъ одну такую по-видимому простую мысль передать другимъ словами, то увидимъ, что нерѣдко для этого требуется не одно, а цѣлый рядъ предложеній [1]), все-таки не исчерпывающихъ всего содержанія мысли.[2])

---

[1]) Дѣйствительно, желая выразить словами свою мысль, мы должны будемъ сказать и о томъ, что для насъ подразумѣвалось само собою, но безъ чего наша мысль при передачѣ другимъ показалась бы непонятной.

[2]) Достоевскій о томъ, какъ далеко наша рѣчь не исчерпываетъ мысли, мѣтко высказался словами Подростка: «Можетъ, я очень худо сдѣлалъ, что сѣлъ писать: *внутри безмѣрно больше остается чѣмъ то, что выходитъ въ словахъ*» (Подрост., гл. III, 1).

При этомъ послѣднія какъ бы расчленяется и укладывается въ привычныя рамки предложеній соотвѣтствующихъ типовъ. Къ сказанному нужно прибавить, что слова, при помощи которыхъ выражается мысль, возбуждаютъ въ слушателѣ или читателѣ болѣе или менѣе сходную мысль, но не тожественную, соотвѣтственно большему или меньшему сходству въ развитіи ума автора выраженной мысли и лица, воспринимающаго послѣднюю.

Какъ извѣстно изъ элементарной грамматики, предложенія представляютъ большое разнообразіе по степени своей сложности, начиная отъ простаго нераспространеннаго предложенія, состоящаго только изъ двухъ членовъ—подлежащаго и сказуемаго, и кончая распространеннымъ сложнымъ предложеніемъ. Цѣль расширенія предложенія—полнѣе выразить мысль въ одномъ словесномъ цѣломъ. Не трудно однакожъ убѣдиться въ томъ, что это расширеніе должно имѣть надлежащія границы, что долженъ быть хотя бы приблизительно *нормальный объемъ предложенія*. Такъ какъ предложеніе представляетъ сторону смысловую и сторону произносимую или словесную, то вполнѣ естественно думать, что и ограниченіе объема предложенія должно обусловливаться двумя моментами —внутреннимъ или семазіологическимъ и внѣшнимъ или фонаціоннымъ:

1) Въ отношеніи семазіологическомъ необходимо, чтобы въ умѣ самого говорящаго единство мысли не утратилось въ теченіе выраженія ея словами, въ противномъ случаѣ не получится цѣльнаго предложенія. Что касается слушающаго, то необходимо, чтобы предложеніе, выражающее мысль говорящаго, содержало такое количество членовъ или частей, чтобы послѣдніе могли быть схвачены слушающимъ въ ихъ совокупности однимъ актомъ мысли, иначе предложеніе не будетъ воспринято въ своей цѣлости и не вызоветъ въ умѣ слушателя надлежащей мысли.

2) Въ отношеніи фонаціонномъ нужно, чтобы говорящій произносилъ предложеніе возможно однимъ объемомъ выдыханія, правильно расчлененнаго между членами предложенія,

чѣмъ достигается внѣшняя связность и цѣльность предложенія, необходимая для легкаго воспріятія его слушателемъ.

Нужно еще сказать, что съ развитіемъ письменности получилась возможность образованія болѣе обширныхъ сложныхъ предложеній, такъ какъ зрѣніе даетъ возможность охватить предложеніе съ болѣе обширнымъ объемомъ. Это должно было вызывать и развитіе соотвѣтствующихъ фонаціонныхъ пріемовъ для произнесенія такихъ предложеній, къ числу которыхъ относятся и такъ называемые періоды.

Давъ понятіе о предложеніи и его объемѣ, мы, слѣдуя способу начинать изученіе явленій съ наиболѣе простаго ихъ типа, обратимся къ разсмотрѣнію предложеній, которыя служатъ для выраженія самыхъ простыхъ нашихъ мыслей и прежде всего постараемся взглянуть съ *психологической* точки зрѣнія на самое содержаніе такихъ мыслей. Не трудно видѣть, что каждая простѣйшая мысль до воплощенія ея въ предложеніе является въ нашемъ умѣ въ видѣ одного цѣльнаго представленія; напр., если мы видимъ или вспоминаемъ цвѣтущую липу, то въ нашемъ умѣ является одинъ цѣльный образъ дерева съ нѣкоторыми признаками; если мы захотимъ въ умѣ другаго вызвать подобное же представленіе, то говоримъ: „липа цвѣтетъ". Такимъ образомъ, самая простая мысль, когда мы ее выражаемъ словами, естественно разлагается на двѣ части соотвѣтственно тому, что, думая о какомъ-нибудь предметѣ, мы непремѣнно думаемъ о немъ что-нибудь. Отсюда происходятъ двѣ основныя категоріи въ предложеніи: *подлежащее*, обозначающее предметъ, о которомъ мы думаемъ, и *сказуемое*, выражающее, что́ думаемъ объ этомъ предметѣ. Постараемся теперь разъяснить психологически самый путь, который могъ и долженъ былъ повести къ указанному расчлененію мысли при выраженіи ея словами. Уже напередъ можно предположить, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ тѣми же основными психологическими силами и процессами ум-

ственной дѣятельности, каковые мы уже знаемъ изъ предшествующаго изученія явленій морфологіи, это—ассоціаціи смежности и сходства и творческая дѣятельность. Всѣ предметы міра наблюдаются нами не въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ: каждый изъ нихъ случается наблюдать въ разныхъ видахъ движенія или состоянія (напр. лошадь идетъ, лошадь ѣстъ, лошадь ржетъ и т. д.); съ другой стороны одно и то же дѣйствіе или состояніе можетъ принадлежать разнымъ предметамъ (напр. лошадь идетъ, человѣкъ идетъ и т. п.). Въ томъ и другомъ случаѣ представленія частію сходны (такъ какъ относятся къ одному и тому же предмету или же дѣйствію), частію же различны (вслѣдствіе различія дѣйствій даннаго предмета или предметовъ при одномъ и томъ же дѣйствіи),—и въ этомъ-то частичномъ сходствѣ и различіи заключается толчокъ къ разложенію при посредствѣ рѣчи цѣлостнаго впечатлѣнія на два члена—подлежащее и сказуемое, при чемъ согласованіе послѣднихъ знаменуетъ въ нашей рѣчи цѣлостность мысли. Какъ ни простъ разсмотрѣнный способъ выраженія мысли, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не сразу дошелъ до него, такъ какъ для этого требуется какъ навыкъ въ опредѣленномъ разложеніи цѣлостнаго впечатлѣнія, такъ и наличность соотвѣтствующихъ словесныхъ формъ. Надо думать, что въ самомъ началѣ человѣчество выражало свои мысли одиночными словами, которыя и были первоначальной формой предложенія. Эту стадію рѣчи мы можемъ наблюдать и теперь у дѣтей, начинающихъ говорить, которыя въ одномъ словѣ умѣщаютъ всю свою мысль; такъ ребенокъ, говоря „t'u“ или „t'uj“ (т. е. стулъ), не просто называетъ предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ включаетъ сюда свою мысль или желаніе относительно этого предмета, какъ это доказываютъ мимика и жесты, сопровождающіе данное слово, которое можетъ обозначать напр. „придвинь стулъ“, „посади меня на

стулъ" и т. п. [1]) Въ дальнѣйшемъ наши дѣти, перенимая родную рѣчь отъ взрослыхъ, усваиваютъ и вышеуказанный готовый способъ расчлененія цѣлостныхъ впечатлѣній, т. е. всѣ съ дѣтства уже такъ привыкаютъ къ выработаннымъ типамъ словесныхъ выраженій, что болѣе не замѣчаютъ творческаго процесса расчлененія мысли посредствомъ предложенія. [2]) А между тѣмъ человѣчеству нужно было самому дойти до такого способа расчлененія и создать тѣ или другія языковыя средства для его выраженія, и мы невольно приходимъ теперь въ глубокое удивленіе передъ рѣшенною столь успѣшно человѣкомъ задачею—выработать соотношеніе между своимъ міромъ мысли и міромъ реальнымъ при посредствѣ звуковыхъ символовъ, благодаря чему и сталъ возможенъ болѣе легкій обмѣнъ мыслей между людьми. Что касается руководящаго фактора, направлявшаго всю эту работу мысли и рѣчи, то имъ несомнѣнно являлась та естественно-логическая способность ума, которая, классифицируя всѣ наши представленія, тѣмъ самымъ даетъ толчокъ ходу мысли, а кромѣ того контролируетъ и соотвѣтствіе послѣдней съ міромъ дѣй-

---

[1]) Основываясь на этихъ данныхъ дѣтской рѣчи, мы не можемъ согласиться съ тѣми лингвистами, которые развитіе человѣческой рѣчи выводятъ изъ *корней-словъ*. Мы думаемъ, что основною формою рѣчи является и всегда являлось предложеніе, а не отдѣльныя слова, почему и правильнѣе было бы говорить о первоначальныхъ не корняхъ-словахъ, а *корняхъ-предложеніяхъ*.

[2]) Нѣкоторые изслѣдователи видятъ сущность предложенія въ высказываніи (предицированіи) о подлежащемъ, но намъ кажется такое воззрѣніе неправильнымъ, такъ какъ мы не можемъ вообще сказать, который изъ этихъ двухъ членовъ предложенія возникаетъ въ мысли раньше, и можно думать, что въ дѣйствительности относительно этого нѣтъ постояннаго однообразія, явленія же нашего повседневнаго разговора на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ томъ, что предложеніе можетъ состоять не только въ предицированіи, но и субъектированіи, отвѣчая какъ на вопросъ «что дѣлаетъ какой-либо предметъ?» такъ и на вопросъ «кто дѣлаетъ что-либо?».

ствительности, по скольку онъ запечатлѣлся уже въ памяти на основаніи всего предъидущаго опыта. [1])

Приступая теперь къ главному предмету настоящей главы—къ анализу простаго нераспространеннаго предложенія, и припомнивъ, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ членовъ, обозначающихъ предметъ, о которомъ мы думаемъ, и то, что думаемъ о предметѣ, мы теперь обратимъ вниманіе на одно существенное различіе въ самомъ характерѣ нашей мысли: мы можемъ думать о предметѣ или какъ наблюдаемомъ (напр. лошадь идетъ), или же абстрактно, стараясь отнести предметъ къ его родовому классу (напр. лошадь—животное). Соотвѣтственно этому различію мысли, простыя предложенія представляютъ два главные типа: А) предложенія, изображающія фактъ, и Б) предложенія, опредѣляющія предметъ относительно его родоваго понятія. Кромѣ того нужно указать еще В) переходный типъ между этими двумя главными, который, принадлежа по формѣ ко второму типу, по характеру мысли нерѣдко приближается къ первому типу; это—предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. „лошадь мала", „лошадь пуглива". Не трудно видѣть, что разница между указанными типами предложенія сводится внѣшнимъ образомъ къ различному составу сказуемаго, т. е. въ первомъ типѣ сказуемымъ служитъ одинъ глаголъ, тогда какъ во второмъ и третьемъ типѣ сказуемое состоитъ изъ глагола „быть" съ существительнымъ или прилагательнымъ.

Примѣчаніе Каковъ бы ни былъ составъ предложенія, его можно разсматривать двояко: съ точки зрѣнія синтаксической—по членамъ предложенія, и съ точки зрѣнія морфологической—по частямъ рѣчи. Нельзя однакожъ не признать, что такое рѣзкое отдѣленіе сторонъ морфологической и синтаксической, допускаемое ради удобства изложенія, страдаетъ нѣкоторою искусственностію, такъ какъ въ дѣйствительности та и другая сторона тѣсно связаны и даже слиты между собою, ибо морфологія представляетъ такъ

---

[1]) Указываемую здѣсь естественно-логическую способность ума не слѣдуетъ смѣшивать съ наукою логики, представляющею собою чисто теорети-

сказать инвентарь отдѣльныхъ категорій словъ и ихъ формъ, а синтаксисъ показываетъ всѣ эти слова и формы въ ихъ движеніи и жизни—въ предложеніи.

А. Предложенія, изображающія фактъ.

Когда мы выражаемъ простую мысль о предметѣ наблюдаемомъ и совершающемъ дѣйствіе, то пользуемся для этого частями рѣчи слѣдующимъ образомъ: въ роли подлежащаго употребляется Именительный падежъ предметной части рѣчи: имени существительнаго, а также—прилагательнаго, числительнаго и мѣстоименія въ смыслѣ существит. (напр. „богатый", „трое", „онъ", и т. п.); въ роли сказуемаго употребляется личный глаголъ, который всегда согласуется съ подлежащимъ. При этомъ различаются случаи: если подлежащее выражено личнымъ мѣстоименіемъ перваго или втораго лица, то оно соединяется съ соотвѣтствующими личными формами глагола; если же подлежащее выражено предметнымъ названіемъ, то оно сочетается съ формою третьяго лица сказуемаго глагола. [1]) Личный глаголъ при этомъ можетъ измѣнять-

---

ческое построеніе опредѣленныхъ типовъ сужденій и выводовъ. Различіе между естественною логикою ума и наукою логики выступаетъ съ особенною ясностью, если обратить вниманіе на то, что первая сопровождаетъ все наше мышленіе, тогда какъ вторая имѣетъ цѣлью лишь указать условія полученія правильныхъ выводовъ и предохранить отъ обычно встрѣчающихся заблужденій. Въ своихъ формальныхъ построеніяхъ наука логики не затрагиваетъ живой рѣчи во всемъ ея разнообразіи, но ограничивается искусственнымъ составленіемъ схематическихъ предложеній упрощеннаго типа и комбинацій ихъ для полученія опредѣленныхъ логическихъ выводовъ. А такъ какъ грамматика имѣетъ въ виду изученіе фактовъ живой рѣчи въ ихъ конкретности, а не упрощенныя логическія формы, то въ виду рѣшительнаго различія въ цѣляхъ обѣихъ становится очевидною необходимость полнаго отдѣленія научно-грамматическаго изученія языка отъ научной логики.

[1]) Объ особенностяхъ согласованія сказуемаго съ существительными собирательными въ древне-русскомъ языкѣ говорилось въ морфологіи (стр. 135).

ся по временамъ и наклоненіямъ. Припомнимъ также, что глаголы по самому характеру дѣйствія распадаются на переходные и непереходные. Такъ какъ *переходные* глаголы непремѣнно предполагаютъ объектъ дѣйствія и послѣдній можетъ быть указанъ (въ Вин. пад.), то такимъ образомъ сказуемое простаго нераспространеннаго предложенія можетъ дополняться названіемъ объекта дѣйствія. Мысль, выражаемая такимъ предложеніемъ, можетъ быть еще представлена въ *обратной* или *страдательной* формѣ, напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ.

Разъяснивъ составъ простаго нераспространеннаго предложенія, изображающаго фактъ, укажемъ еще тотъ частный случай, когда *личная* форма такого предложенія замѣняется *безличною*, болѣе или менѣе равносильною по значенію съ первою формою, напр. я хочу, братъ не спитъ || мнѣ хочется, брату не спится и т. п. Послѣднія предложенія тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что дѣйствія въ нихъ представляются не какъ производимыя субъектомъ, а какъ бы происходящія независимо отъ его воли и лишь къ нему относимыя (срв. стр. 195). А потому въ этихъ предложеніяхъ названіе предмета, которому приписывается дѣйствіе, стоитъ не въ Именит., а уже въ Дательномъ падежѣ, соотвѣтственно основному смыслу этого послѣдняго падежа. [1]) О другихъ безлич-

---

[1]) Логика, имѣющая въ виду изучать не столько словесную сторону выраженій, сколько основные типы сужденій, пренебрегаетъ подобными варіаціями предложеній, ограничиваясь лишь случаями личныхъ предложеній. Старая, такъ называемая философская грамматика, опираясь на упрощенныя логическія нормы, старалась и въ этихъ, собственно безличныхъ, предложеніяхъ открыть нормальныя подлежащее и сказуемое. Отсюда получались странные выводы, напр. что подлежащее кромѣ Именительнаго падежа можетъ иногда стоять въ Дат. (напр. *мнѣ* хочется—подлежащее *мнѣ*) и т. п., къ сожалѣнію и доселѣ нерѣдко повторяющіеся въ грамматическихъ руководствахъ.

ныхъ предложеніяхъ мы будемъ говорить въ концѣ настоящей главы.

Б. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родоваго понятія.

Этотъ типъ предложеній употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется опредѣлить, что́ такое называемый предметъ (напр. „лошадь—животное"). Въ этомъ случаѣ подлежащее представляетъ собою видовое понятіе, сказуемое же указываетъ то или другое родовое понятіе, къ которому говорящій относитъ видовое. Въ такихъ предложеніяхъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое выражаются предметнымъ именемъ въ Именительномъ падежѣ, при чемъ въ составъ сказуемаго предметное имя входитъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, при извѣстныхъ условіяхъ опускаемыхъ (напр. лошадь—животное вм. лошадь есть животное). Въ русскомъ языкѣ, какъ видно изъ только что приведеннаго примѣра, глаголъ „быть" обычно опускается въ формѣ настоящаго времени. Этотъ пропускъ возможенъ потому, что чрезъ это не происходитъ затрудненій для пониманія подобныхъ выраженій, такъ какъ въ живой рѣчи въ такихъ предложеніяхъ названіе родоваго понятія обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и отдѣляется паузой отъ названія опредѣляемаго предмета. Такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ. Но, спрашивается, самый пропускъ глагола не свидѣтельствуетъ ли о потерѣ сказуемымъ глагольнаго значенія? Конечно—нѣтъ, подобно тому какъ не теряется субстантивность черезъ пропускъ существительнаго въ такихъ случаяхъ, какъ—*столовая*, *прихожая* и проч. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголъ „быть" считается „связкою", чѣмъ какъ бы лишается полной знаменательности глагола и даже какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ.

На самомъ же дѣлѣ глаголъ „быть“ въ разсматриваемыхъ случаяхъ несомнѣнно глаголъ съ глагольною флексіей и не имѣетъ такого признака, который могъ бы заставить видѣть въ немъ слово особой категоріи; онъ выражаетъ собою *актъ* нашей классификаціи, посредствомъ котораго предметъ зачисляется въ ту или другую родовую категорію. Такимъ образомъ глаголомъ *быть* въ этомъ случаѣ выражается извѣстное движеніе мысли, подобно нѣкоторымъ другимъ глаголамъ, напр. *считаться*, *становиться*, *казаться* и др. Родовое названіе въ разсматриваемомъ типѣ предложеній не всегда ставится въ Имен. падежѣ, но при употребленіи глагола *быть* въ другихъ временахъ, а также при повелительномъ наклоненіи того же глагола, можетъ стоять и въ Творительномъ (N былъ учитель || N былъ учителемъ; будь учителемъ), правда—при особомъ оттѣнкѣ значенія. [1]) Упомянемъ еще, что могутъ встрѣчаться такія предложенія, въ которыхъ повидимому подлежащее выражается любымъ словомъ въ любой формѣ, но въ этомъ случаѣ послѣднее непремѣнно мыслится какъ опредмеченное представленіе, почему на письмѣ нерѣдко заключается въ кавычки, напр. (при грамматическомъ разборѣ): „читаетъ“—глаголъ. [2]) Наконецъ, къ разсматриваемому типу можно отнести еще тѣ элементарныя предложенія, въ которыхъ на мѣстѣ сказуемаго стоитъ названіе самого предмета, а на мѣстѣ подлежащаго—указательное слово, которое при непосредственномъ указаніи предмета нерѣдко опускается, напр. „это—лошадь“. Данная разновидность предложенія отличает-

---

[1]) Творительный падежъ ставится также въ томъ случаѣ, когда мѣсто глагола *быть* занимаетъ одинъ изъ упомянутыхъ выше глаголовъ: *становиться*, *называться*, *казаться* и проч. Нѣкоторые лингвисты признаютъ и эти глаголы въ подобныхъ выраженіяхъ связкою, но опять безъ достаточнаго основанія.

[2]) Въ языкахъ, имѣющихъ членъ, при опредѣляемомъ словѣ будетъ поставленъ членъ, напр. по-нѣмецки: das «liest» ist Verbum.

ся отъ предъидущихъ того же типа большею конкретностью, такъ какъ тамъ предложенія служатъ для отнесенія названнаго предмета къ тому или другому родовому понятію и, слѣдовательно, представляютъ собою уже продуктъ отвлеченной мысли, тогда какъ здѣсь имѣющійся на лицо предметъ только еще получаетъ свое наименованіе. [1])

В. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно качества.

Предложенія этого типа употребляются въ томъ случаѣ, когда требуется указаніе того или другаго качества предмета, напр. волкъ—сѣръ. Въ этихъ предложеніяхъ подлежащимъ служитъ предметное имя въ Именительномъ падежѣ, а сказуемымъ прилагательное въ простой формѣ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ; при этомъ отмѣтимъ то отличіе отъ предъидущаго типа, что здѣсь сказуемое необходимо согласуется съ подлежащимъ не только въ числѣ и падежѣ, но также и родѣ. При произношеніи такихъ предложеній уже не наблюдается столь замѣтной паузы и кромѣ того часто на сказуемое прилагательное здѣсь не падаетъ столь сильнаго логическаго ударенія, какъ въ разсмотрѣнномъ выше типѣ предложеній.

Предложенія, опредѣляющія качество подлежащаго, по внѣшнему своему составу сходны съ предъидущимъ типомъ, а по внутреннему сходству нерѣдко съ первымъ или изобра-

---

[1]) Всѣ заглавія книгъ въ сущности представляютъ собою эту же разновидность предложеній, т. е. самое заглавіе является сказуемымъ, а указательное слово опущено. Что это дѣйствительно такъ, мы убѣждаемся изъ случаевъ, гдѣ въ заглавіи еще сохранилось указательное слово; напр. Лѣтопись Нестора озаглавлена такъ: «*Се* повѣсти временьныхъ лѣтъ»; также и въ санскритѣ встрѣчаются подобныя заглавія, напр.: «*atha* Nalōpakhyānam» (т. е. *вотъ* разсказъ о Налѣ).

щающимъ фактъ типомъ особенно когда сказуемое выражено или отглагольнымъ прилагательнымъ или причастіемъ въ соединеніи съ глаголомъ „быть“ (онъ хвастливъ; онъ любимъ). Такія выраженія, какъ послѣднее (онъ любимъ), привели къ тому, что въ языкѣ возникли сложныя временныя формы, напр. онъ пришелъ (ст.-слав. пришьлъ ѥсть; срв. франц. je suis venu, нѣм. ich bin gekommen и т. п.). Какъ въ предложеніяхъ перваго типа, такъ и въ разсматриваемомъ типѣ кромѣ *личнаго* оборота встрѣчается *безличный* способъ выраженія и съ такимъ же различіемъ въ оттѣнкѣ значенія, напр. я веселъ || мнѣ весело. Первое выраженіе прямо указываетъ, каковъ самъ субъектъ (самъ по себѣ субъектъ веселъ), тогда какъ второе выраженіе показываетъ только, что качество или признакъ веселости присутствуетъ у даннаго лица, независимо отъ него самаго. Нерѣдко безличныя выраженія съ прилагательнымъ имѣютъ параллельные обороты съ личнымъ глаголомъ (что опять свидѣтельствуетъ о внутренней связи данныхъ типовъ предложеній), напр. мнѣ грустно || я грустенъ или я грущу; при этомъ личное глагольное выраженіе показываетъ, что субъектъ самъ проявляетъ свое душевное состояніе, тогда какъ безличное выраженіе лишь констатируетъ, что у субъекта существуетъ такое состояніе. Какъ мы видимъ, въ безличныхъ оборотахъ прилагательное-сказуемое является съ окончаніемъ средняго рода, но уже не по согласованію съ подлежащимъ, а самостоятельно, какъ бы указывая на безличность. [1])

---

[1]) Разсмотрѣнные нами три основныхъ типа простыхъ предложеній, благодаря элементарности, усваиваются дѣтьми раньше вступленія ихъ въ обычную рѣчь, т. е. до трехлѣтняго возраста; впрочемъ, что касается втораго типа, то въ дѣтской рѣчи чаще всего примѣняется послѣдняя изъ указанныхъ нами разновидностей его. Соотвѣтствующіе примѣры предложеній изъ дѣтской рѣчи читатель найдетъ въ статьяхъ проф. Александрова и свящ. Благовѣщенскаго въ Рус. Фил. Вѣстн. 1881 и 1886 г.

Установивъ основные типы простыхъ нераспространенныхъ предложеній, мы должны замѣтить, что какое бы изъ нихъ мы ни взяли, оно представляетъ собою фактъ мысли, могущій относиться не только къ дѣйствительному бытію, но также къ желаемому и требуемому. Что касается перваго случая, т. е. предложеній, относящихся къ дѣйствительности или такъ называемыхъ *повѣствовательныхъ*, то мы уже разсмотрѣли ихъ въ ихъ главныхъ типахъ. Теперь мы должны прибавить, что эти предложенія могутъ служить не только для указанія на дѣйствительное явленіе (*утвердительныя* предложенія), но и для выраженія отсутствія его (*отрицательныя* предложенія), что̀ достигается присоединеніемъ къ утвердительной формѣ отрицательной частички *не*. Кромѣ обыкновенной или повѣствовательной формы можетъ быть еще *вопросительная*. Эта послѣдняя вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или другой членъ мысли-предложенія можетъ быть неизвѣстенъ; чтобы спросить о немъ и употребляется особая вопросительная форма. Вопросъ можетъ касаться того или другаго члена въ предложеніи; при этомъ будетъ естественно разница въ способѣ обозначенія вопроса смотря по тому, долженъ ли относиться послѣдній къ подлежащему или же къ сказуемому; напр. для повѣствовательнаго предложенія „лошадь идетъ“ могутъ быть вопросительныя предложенія: 1) „*кто* идетъ?“ (вопросъ для подлежащаго) и 2) „*что̀ дѣлаетъ* лошадь“ (вопросъ для сказуемаго). Кромѣ того могутъ быть вопросы другаго рода, такъ сказать—для удостовѣренія: 1) лошадь ли идетъ? 2) идетъ ли лошадь? Мы видимъ, что въ послѣднемъ случаѣ порядокъ словъ въ предложеніи имѣетъ существенное значеніе: слово, относительно котораго желаемъ удостовѣриться, занимаетъ первое мѣсто и сопровождается частицею *ли*; кромѣ того здѣсь соотвѣтственно видоизмѣняется и интонація. Даже одной послѣдней иногда бываетъ достаточно, чтобы повѣствовательное предложеніе превратилось въ удостовѣрительно-вопросительное, напр. „лошадь идетъ“? при чемъ усилен-

ная интонація можетъ приходиться или на подлежащее или на сказуемое, смотря по тому, относительно котораго изъ этихъ членовъ предложенія желаемъ удостовѣриться. Говоря о вопросительной формѣ, нужно указать на *отвѣтную*, въ которой могутъ быть опущены всѣ слова кромѣ того, которое собственно относится къ отвѣту, независимо отъ синтаксической роли этого слова. [1])

Предложенія, передающія не фактъ дѣйствительности, а желаніе или требованіе, нуждаются (какъ мы уже указывали на стр. 209—210) для своего выраженія въ другомъ наклоненіи глагола-сказуемаго: въ случаѣ желанія употребляется *сослагательное* наклоненіе (напр. поигралъ бы я!), [2]) а въ случаѣ требованія или просьбы—*повелительное* (напр. читай!). Типы эти по самой своей природѣ не способны къ вопросительной формѣ. [3]) Что касается повелительнаго типа предложеній, то при глаголѣ-сказуемомъ во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія подлежащее (соотвѣтствующее личное мѣстоименіе) обычно подразумѣвается, иногда же выражается именемъ предмета въ формѣ Зват. падежа; въ послѣднемъ случаѣ такое подлежащее называется въ грамматикахъ обращеніемъ и отдѣляется отъ сказуемаго паузою въ произношеніи и запятою (иногда знакомъ восклицанія)—на письмѣ. Раз-

---

[1]) Въ виду того, что живая рѣчь изобилуетъ такими отвѣтными недосказываемыми предложеніями, я не могу согласиться съ тѣми педагогами, которые съ величайшею педантичностью требуютъ отъ дѣтей полныхъ отвѣтовъ, не допуская какихъ-либо сокращеній; этимъ, думается мнѣ, они отучаютъ ребенка отъ естественнаго языковаго чутья.

[2]) Въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ прибавлялась не безразличная частица *бы*, но глагольная форма соотвѣтствующаго лица, напр. «рѣша отче братьи умножаются а *хотѣли быхомъ* поставити манастырь» (Лавр. лѣтоп. подъ 1051 г.).

[3]) Въ такихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, имѣющихъ смыслъ рѣшительнаго повелѣнія, какъ «уйдешь ли ты отсюда?» и т. п., сказуемое выражено въ формѣ не повелительнаго, а изъявительнаго наклоненія; съ присоединеніемъ отрицанія такія выраженія получаютъ вѣжливо-просительный характеръ, напр. «не подвинитесь ли немного?».

сматриваемый типъ предложенія кромѣ повелѣнія служитъ также для выраженія просьбы какъ обыкновенной, такъ и ласковой; въ случаѣ ласковой просьбы нерѣдко обращеніе выражается уменьшительнымъ или ласкательнымъ именемъ, а къ глагольной формѣ можетъ присоединиться частица *-ка*, самое же выраженіе сопровождается соотвѣтствующей интонаціей. Повелительное наклоненіе съ присоединеніемъ къ глаголу отрицанія получаетъ смыслъ запрещенія (напр. „не шуми!"), [1]) а сослагательное съ присоединеніемъ отрицанія выражаетъ отговариваніе отъ предполагаемаго дѣйствія, напр. „не ходилъ бы ты лучше!"

Примѣчаніе. Къ какому бы изъ разсмотрѣнныхъ типу или виду ни относилось предложеніе, оно при томъ же сочетаніи словъ можетъ путемъ измѣненія интонаціи получать разнообразные оттѣнки, напр. восклицанія, удивленія, угрозы, сожалѣнія и т. д. Подъ вліяніемъ эмоцій измѣняется также и темпъ рѣчи. Такимъ образомъ живая рѣчь пользуется для передачи оттѣнковъ настроенія говорящаго не только опредѣленными сочетаніями словъ (какъ въ нераспространенныхъ, такъ и распространенныхъ предложеніяхъ), но также соотвѣтствующимъ измѣненіемъ тембра и тона голоса, усиленіемъ или ослабленіемъ его, а также замедленіемъ или ускореніемъ темпа рѣчи и наконецъ удлиненіемъ ударяемаго гласнаго въ подчеркиваемомъ словѣ. Къ сожалѣнію, все разнообразіе оттѣнковъ, получаемыхъ такимъ образомъ въ нашей рѣчи, пока еще—можно сказать—совершенно не изучено; для иллюстраціи же этой стороны произношенія мы укажемъ на нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій. Въ предложеніи повѣствовательномъ обыкновенно средняя высота тона держится приблизительно на одномъ уровнѣ, понижаясь въ самомъ концѣ предложенія. [2]) Въ предложеніи вопросительномъ мѣс-

---

[1]) Существуетъ особый видъ повелительныхъ предложеній, въ которыхъ повелѣніе выражено одною «общею формою» глагола (т. наз. неопредѣленнымъ наклоненіемъ), напр. «молчать!» «не смѣть!» и т. п., для выраженія категорическаго требованія. По всей вѣроятности, такія выраженія явились результатомъ сокращенія цѣлаго предложенія, въ родѣ: «приказываю молчать», «ты долженъ молчать» и т. п. Такія сокращенія мы встрѣчаемъ еще въ старомъ русскомъ языкѣ, напр. въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича и еще раньше въ грамотахъ. Аналогичныя выраженія встрѣчаются въ нѣмецкомъ, напр. «still schweigen!» (=молчать!), «nicht hinausbeugen!» (=не высовываться!) и т. п.

[2]) Въ малорусскомъ нарѣчіи тоническое различіе оказывается болѣе замѣтнымъ; тамъ обычно повѣствовательная фраза начинается относительно высоко, но затѣмъ тонъ падаетъ на среднюю ступень и еще разъ пони-

то наибольшаго повышенія голоса опредѣляется тѣмъ словомъ, на которомъ сосредоточена сила вопроса; отвѣтныя же предложенія по движенію тона подходятъ вообще къ повѣствовательнымъ. Предложенія восклицательныя представляютъ большое разнообразіе въ повышеніи и пониженіи тона въ зависимости отъ мѣста логическаго ударенія (напр. въ фразѣ «ахъ, какъ я усталъ!» тонъ можетъ постепенно понижаться отъ начала къ концу, или же приходиться на томъ или другомъ словѣ этого предложенія). [1]) Что касается варіацій въ темпѣ рѣчи, то въ качествѣ примѣра можно указать на быстро-энергичную гнѣвную рѣчь и на торопливую радостную; при рѣшительныхъ требованіяхъ или выговорахъ рѣчь можетъ принимать медленно-размѣренный характеръ. Иллюстраціей удлиненій въ словахъ могутъ служить слѣдующіе примѣры, представляющіе варіаціи одного и того же предложенія: «а на горахъ—тум*аа*нъ!»; «а туманъ как*оо*й, тум*аа*нъ, просто дышать нельзя». При переспрашиваніи же слово «туманъ?» было произнесено уже совершенно иначе: ударенный слогъ, кромѣ значительнаго повышенія тона, былъ выговоренъ энергично и кратко; именно такое энергичное stoccato и придало характеръ вопроса нашему слову, хотя при немъ и не было употреблено никакихъ вопросительныхъ словечекъ. Въ заключеніе прибавимъ, что общеупотребительное письмо лишь въ слабой степени (напр. при помощи знаковъ препинанія) можетъ намекать на особенности живой рѣчи въ ея разнообразныхъ пюансахъ и модуляціяхъ; этотъ недостатокъ письменной передачи заставляетъ писателей прибѣгать при воспроизведеніи разговоровъ къ указаніямъ характера произнесенія и эмоціональнаго состоянія говорящаго.

Въ заключеніе мы остановимся на проявленіяхъ экономическаго фактора въ жизни простаго нераспространеннаго предложенія, именно на случаяхъ *подразумѣваемости*. Здѣсь нужно различать случаи временнаго и постояннаго опущенія того или другаго члена въ предложеніи.

Что касается временнаго подразумѣванія въ живой рѣчи, то сюда принадлежатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда тотъ или другой членъ предложенія опускается, если онъ самъ собою ясенъ по условіямъ разговора, напр. пропускъ подлежащаго-обращенія въ повелительномъ предложеніи. Возьмемъ еще другой примѣръ: если кто-нибудь пришелъ, то обыкновенно

жается въ концѣ фразы, такъ что интервалъ между началомъ и концомъ фразы равняется приблизительно квинтѣ.

[1]) Въ своихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1901) стр. 146—147 я представилъ въ нотномъ обозначеніи нѣсколько примѣровъ тоническихъ варіацій одного и того же предложенія подъ вліяніемъ логическаго ударенія и эмоцій.

докладывающій объ этомъ называетъ одно только подлежащее, напр. „полковникъ Скалозубъ!“ („Горе отъ ума“).

Въ рядѣ случаевъ подразумѣваніе имѣетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ: 1) подразумѣваніе подлежащаго—*личнаго мѣстоименія*, напр. пишу Вамъ эти строки и т. д. 2) подразумѣваніе сказуемаго—*глагола „быть“ въ наст. врем.*, напр. „время—деньги, знаніе—богатство“. Тире указываетъ на пропускъ и паузу.

На почвѣ подразумѣваемости возникли и одночленныя безличныя предложенія, которыя могутъ соотвѣтствовать всѣмъ тремъ типамъ простыхъ нераспространенныхъ предложеній, напр. „морозитъ“, „морозъ!“ „морозно!“ Эти предложенія содержатъ въ себѣ только одно сказуемое, подлежащее же остается по той или другой причинѣ не названнымъ и какъ бы мыслится въ самомъ сказуемомъ. Что это такъ, видно изъ другихъ языковъ, гдѣ въ этихъ случаяхъ необходима двучленная форма предложенія, напр. въ нѣм. es schneet, франц. il pleut; впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что въ этихъ выраженіяхъ подлежащее-мѣстоименіе понизилось въ своей знаменательности, ставши формальнымъ элементомъ. То особое значеніе, какое имѣетъ сказуемое въ русскомъ одночленномъ безличномъ предложеніи, могло выработаться такъ же, какъ напр. прилаг. „богатый“ стало равняться выраженію „богатый человѣкъ“ и перешло въ этомъ значеніи въ категорію существительныхъ, оставаясь по формѣ прилагательнымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что подразумѣваемость легко ведетъ къ *видоизмѣненію значенія*, къ перемѣнѣ чутья формы. Это особенно ясно видно на такихъ безличныхъ выраженіяхъ именнаго происхожденія, какъ „жаль“ (собственно—сущ.), „можно“, „нужно“ (прил.), которыя теперь являются для чутья глаголами или глагольными частицами, благодаря подразумѣваемому глаголу „есть“ (срв. прош. вр. „жаль было“, „нужно было“), почему въ нѣкоторыхъ грамматикахъ даже и зачисляются прямо въ отдѣлъ безличныхъ глаголовъ.

Что касается *собственно глагольныхъ* безличныхъ выраженій, то въ нихъ выдѣляются три случая: 1) дѣйствіе относится къ людямъ, при чемъ по-русски ставится глаголъ въ 3 л. множ. числа (по-франц. *on*, по-нѣм. *man*), напр. „читаютъ", „ходятъ"; срв. въ Лавр. лѣт. (стр. 7)—„якоже *сказаютъ*"; 2) дѣйствіе относится къ неодушевленной природѣ, причемъ глаголъ ставится въ 3 л. един. числа (франц. *il*, нѣм. *es*), а въ прош. вр. въ неродовой формѣ, напр. „морозитъ", „морозило"; срв. Лавр. лѣт. подъ 946 г.: „и повелѣ ольга яко *смерчеся* (=какъ смерклось) пустити голуби... и не бѣ двора идеже не *горяше*"; 3) безличныя глагольныя выраженія въ 3 л. ед. ч. съ *-ся*, обыкновенно служащія для обозначенія настроенія, какъ напр. „мнѣ хочется", о которыхъ уже говорилось выше.

Примѣчаніе. Синтаксическій строй языка, подобно морфологическому и фонетическому, тоже измѣняется въ теченіи времени. Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось на усиленіе глагольности и сказуемости въ предложеніи на счетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется совершенно неосновательнымъ; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаемъ случаи расширенія глагольности и сказуемости, напр. при образованіи безличныхъ выраженій (срв. «жаль» и т. п.), неопредѣленнаго наклоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именнаго названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.). Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, что конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Замѣчу еще, что защитники перевѣса глагольности и сказуемости ошибочно толкуютъ о какой-то энергіи сказуемаго: энергія можетъ принадлежать дѣйствіямъ въ объективномъ мірѣ, но не членамъ предложенія, остающимся все-таки символами представленій нашей мысли. Увлеченіе идетъ еще дальше, когда кажущееся возрастаніе мнимой энергіи сказуемаго сопоставляютъ и связываютъ съ развитіемъ естественно-научнаго ученія объ «энергіи». Вѣдь въ этомъ случаѣ сходство только въ одинаковости словъ, и ужъ если естественно-научное ученіе объ энергіи разсматривать съ точки зрѣнія субстантивности или же глагольности, то скорѣе нужно признать, что это ученіе имѣетъ характеръ субстантивный.

Глава XIII.

Распространеніе простаго предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что простѣйшее предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, выражаетъ собою расчлененіе одного цѣлостнаго представленія. При этомъ одно и то же представленіе можетъ быть расчленено весьма различнымъ образомъ въ зависимости отъ того, на какой особенности предмета или явленія фиксировалось наше вниманіе, напр. созерцаніе одной и той же липы можетъ дать поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда простѣйшихъ предложеній, напр. „липа цвѣтетъ", „липа высока", „липа—дерево" и т. п. Такъ какъ каждое наше представленіе связывается со сходными элементами всего предшествующаго опыта, то это обстоятельство можетъ безгранично расширять область выраженій мысли посредствомъ отдѣльныхъ предложеній. При этомъ каждое такое расчлененіе мысли можетъ въ свою очередь распадаться на новые болѣе частные элементы, а это ведетъ къ тому, что подлежащее и сказуемое, соотвѣтствующія главнымъ расчлененіямъ и потому называемыя *главными* членами предложенія, могутъ получать, въ зависимости отъ усложненія мысли, разнаго рода опредѣленія, которыя уже будутъ представлять собою *второстепенные члены предложенія*. Эти послѣдніе распадаются на двѣ группы: 1) собственно *опредѣле*

нія, указывающія признаки, существующіе въ предметныхъ представленіяхъ и въ представленіяхъ дѣйствій, напр. „*эта большая* лошадь *быстро* бѣгаетъ“, 2) *дополненія*, указывающія новыя предметныя, а также глагольныя представленія, которыми распространяется предложеніе, при чемъ первыя выражаются тѣмъ или другимъ косвеннымъ падежомъ, а вторыя неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что опредѣленіями могутъ быть части рѣчи съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющія самостоятельности, а дополненіями являются склоняемыя самостоятельныя части рѣчи съ полнымъ собственнымъ значеніемъ, а также неопредѣленное наклоненіе глагола. Опредѣлительныя слова, относящіяся къ предметному представленію, согласуются съ его названіемъ. Опредѣлительнымъ словомъ можетъ быть и имя существительное, напр. „*городъ* Казань“, при чемъ, смотря по ходу представленій, оно или предшествуетъ опредѣляемому, или же слѣдуетъ за нимъ (въ послѣднемъ случаѣ оно называется *приложеніемъ*). [1]) Опредѣлительными словами дѣйствій служатъ нарѣчія прилагательнаго происхожденія, обыкновенно оканчивающіяся на *-о*. Что касается дополненій, то они представляютъ два случая, смотря по тому, выражаются ли склоняемымъ словомъ или же неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Иногда склоняемое слово, будучи дополненіемъ, пріобрѣтаетъ смыслъ нарѣчія, особенно при обозначеніяхъ мѣста, времени и способа дѣйствія, и тогда его отличаютъ названіемъ *обстоятельственнаго слова* (напр. *сегодня вечеромъ* я пойду *домой*). Теперь мы перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію вто-

---

[1]) Обыкновенно въ рѣчи приложеніе ставятъ лишь для перваго поясненія того или другаго новаго только-что названнаго предмета, въ дальнѣйшемъ же оно употребляется уже не въ формѣ приложенія, но опредѣленія; срв. у Карамзина: «При Василіѣ II, Темнымъ, *сынѣ и наслѣдникѣ Василія I*, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ»; «Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый: таковъ былъ Іоаннъ III, *сынъ и наслѣдникъ Василія II, Темнаго*.

ростепенныхъ членовъ предложенія, выражаемыхъ какъ падежными формами, такъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Разсматривая употребленіе падежныхъ формъ, нужно различать употребленіе падежей безпредложное и съ предлогомъ. Мы уже знаемъ, что если падежная форма состоитъ изъ слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою* частью формы, кака и окончаніе; поэтому когда имѣется падежная форма безъ предлога и та же форма съ предлогомъ, то семазіологически это будутъ особые падежи. Такъ, напр., въ выраженіяхъ—видъ *города* || идти *отъ города*—семазіологически имѣются разные падежи: въ первомъ случаѣ—*Родит.* падежъ, во второмъ—*Исходный*, при чемъ предлогъ считается формальнымъ элементомъ падежа. [1]) Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію семазіологическихъ оттѣнковъ падежныхъ формъ, употребляющихся въ качествѣ второстепенныхъ членовъ предложенія.

Какъ мы уже знаемъ, *Винит.* падежъ въ предложеніи является дополненіемъ къ переходному глаголу, указывая на непосредственный обьектъ глагольнаго дѣйствія; такое дополненіе называется прямымъ. Съ перемѣною же дѣйствительнаго оборота на страдательный Винит. падежъ мѣняется на Именит. (срв. отецъ далъ *книгу* || *книга* дана отцомъ). При такомъ превращеніи прямаго или дѣйствительнаго типа предложенія въ обратный или страдательный измѣненіе, касаясь Имен. и Винит. падежа, не касается другихъ косвенныхъ падежей, которые могутъ остаться по-прежнему (срв. отецъ далъ книгу *сыну* || книга дана отцомъ *сыну*). Кромѣ того, Вин. падежъ можетъ служить дополненіемъ при глаголахъ какъ пе-

---

[1]) Школьная грамматика ошибочно видитъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же Родит. падежъ; это происходитъ отъ того, что она искусственно отрываетъ падежную форму отъ предлога и толкуетъ послѣднюю какъ бы безпредложную.

реходныхъ, такъ и непереходныхъ, для показанія *времени*, въ продолженіе котораго совершается дѣйствіе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.; очевидно, въ этомъ случаѣ время и пространство представляются какъ непосредственный объектъ дѣйствія (напр. я шелъ *версту* пѣшкомъ; я читалъ цѣлый *часъ*). Подобнымъ же процессомъ, какъ мы указывали при разсмотрѣніи залоговъ глагола, нѣкоторые предложные глаголы, происходящіе отъ среднихъ, получаютъ дѣйствительное значеніе и сочиняются съ Вин. падежомъ, напр. „проходить площадь". Форма Винит. падежа въ соединеніи съ разными предлогами, получаетъ рядъ другихъ оттѣнковъ значенія; такъ, напр., находясь при глаголахъ движенія (переходныхъ или непереходныхъ) данная форма, смотря по предлогу, будетъ указывать или на то, что движеніе субъекта направлено во внутренность предмета („ѣду *въ* деревню"), или на переходъ дѣйствія субъекта за предметъ („ѣду *за*-городъ") и пр.; при глаголахъ мышленія и рѣчи форма Вин. падежа въ соединеніи съ предлогомъ *про* получаетъ значеніе объяснительное, т. е. указываетъ тотъ объектъ, которымъ занята мысль подлежащаго (напр. думаю *про* урокъ).

Подобно тому какъ глагольное представленіе переходнаго дѣйствія распространяется Винительнымъ падежомъ, такъ наиболѣе обычнымъ распространеніемъ именнаго представленія служитъ *Родительный* падежъ другаго существительнаго въ смыслѣ опредѣленія или дополненія; чрезъ прибавленіе Род. падежа именное понятіе становится болѣе опредѣленнымъ, напр. „домъ *отца*" (исключаются возможности—домъ брата, друга и т. п.). [1]) При этомъ Родит. падежъ можетъ получать

[1]) Въ выраженіяхъ такого рода Родит. падежъ существительнаго можетъ по смыслу замѣняться соотвѣтствующимъ прилагательнымъ притяжательнымъ, напр. «*отцовъ* домъ»; однако въ первомъ выраженіи именное понятіе можетъ быть опредѣлено еще точнѣе чрезъ прибавленіе прилагатель-

разнообразные оттѣнки значенія, въ зависимости отъ характера сочетающихся именныхъ представленій; такъ, напр., онъ можетъ служить для опредѣленія принадлежности („домъ *отца*"), возраста („человѣкъ *пожилыхъ лѣтъ*"), матеріала („свѣча *воску яраго*"), класса предметовъ („стадо *свиней*") и т. д.

Примѣчаніе. Иногда приходится предложеніе измѣнять такимъ образомъ, что вмѣсто глагола подставляется отглагольное существительное, напр. «братъ *читаетъ*» ‖ «*чтеніе* брата мнѣ нравится»; въ этомъ случаѣ Родит. падежъ существительнаго обозначаетъ субъекта дѣйствія. Но если глаголъ имѣетъ при себѣ прямое дополненіе, напр. «читаетъ *книгу*», то при упомянутой замѣнѣ глагола названіе объекта дѣйствія ставится также въ Родит. падежѣ—«чтеніе *книги*». Если же при глаголѣ указаны и субъектъ, и объектъ дѣйствія, напр. «*братъ* читаетъ *книгу*», то въ именномъ оборотѣ не могутъ быть допущены два Родительныхъ въ различномъ значеніи (субъектномъ и объектномъ), а только одинъ—для названія объекта, при чемъ названіе субъекта ставится въ Творит. падежѣ по образцу страдательной конструкціи, напр. «чтеніе *книги братомъ* идетъ успѣшно». Срв. сноску на стр. 172.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переходные глаголы могутъ распространяться дополненіемъ въ Родит. падежѣ, напр. „я принесъ *воды*" и т. п. Здѣсь примѣненіе Родит. падежа нужно объяснить аналогіей къ такимъ выраженіямъ, въ которыхъ онъ зависитъ отъ слова, обозначающаго количество (срв. ведро воды, много воды и т. д.). То, что во взятомъ нами примѣрѣ Род. падежъ дѣйствительно зависитъ отъ подразумѣваемой идеи количества, слѣдуетъ изъ того, что при отсутствіи ея употребляется уже не Род., а Вин. падежъ, срв. „я принесъ *воду*". [1])

наго или мѣстоименія къ Родит. падежу существительнаго, напр. «домъ моего добраго отца», тогда какъ второй случай не допускаетъ такихъ болѣе опредѣленныхъ указаній, благодаря наличности лишь одного существительнаго.

[1]) Такой Родит. количества встрѣчается также въ литовскомъ языкѣ, напр. atnèšk mán vandens=принеси мнѣ воды.

При глаголахъ *лишать*, *лишаться*, *остерегаться* и т. п. форма Род. падежа можетъ разсматриваться не какъ Род., но какъ Исходный (отдалительный) падежъ, служащій для обозначенія того предмета, котораго лишаются, отъ котораго удаляются; напр. „лишаю *наслѣдства*", „остерегаюсь *простуды*" и т. п. Теперь не трудно понять употребленіе Род. падежа послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, напр.: „я даю *деньги*" || „я не даю *денегъ*"; во второмъ случаѣ Род. падежъ сталъ употребляться по аналогіи съ такими случаями, какъ „лишаюсь наслѣдства", такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія.

Въ томъ случаѣ, когда сказуемымъ является прилагательное въ *сравнит. степени*, то оно можетъ быть распространено Родит. падежомъ предметной части рѣчи, напр. „онъ сильнѣе брата"; однакожъ и здѣсь, быть можетъ, правильнѣе будетъ видѣть не Родит. падежъ, а Исходный, формы которыхъ въ славянскихъ языкахъ смѣшались; высказанное предположеніе подтверждается между прочимъ сравненіемъ съ латинскимъ языкомъ, гдѣ послѣ сравнит. степени ставится именно Исходный падежъ (Ablativus). Что касается *превосходной степени*, то—къ какому бы члену предложенія ни относилась она—указаніе при ней родоваго представленія или класса предметовъ выражается въ русскомъ языкѣ посредствомъ формы Родит.-Исходнаго падежа съ предлогомъ *изъ*, напр. „храбрѣйшій изъ людей".

Когда въ предложеніи требуется въ качествѣ дополненія указать тотъ предметъ, для котораго совершается дѣйствіе, то въ этомъ случаѣ глагольныя и частію именныя названія распространяются *Дательнымъ* падежомъ, напр.: „даю книгу *тебѣ*". Въ случаѣ замѣны глагола отглагольнымъ существительнымъ Винит. падежъ, какъ мы знаемъ, долженъ замѣниться Родит. падежомъ, а Дат. падежъ остается безъ измѣненія: „даваніе книги *тебѣ*". Дополненіе въ Дат. падежѣ встрѣчает-

ся еще при сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ нѣкоторыя существительныя, а также и при нѣкоторыхъ прилагательныхъ, напр. „онъ другъ моему отцу“, [1]) „это извѣстно мнѣ“, „это понятно намъ“ и т. д.

Дополненіе къ глаголу или къ отглагольному существительному полагается въ *Творит.* падежѣ, когда требуется обозначить дѣйствующій предметъ въ страдательныхъ оборотахъ, напр. „сынъ наказывается *отцомъ*“, „наказываніе сына *отцомъ*“. Дополненіе въ Творительномъ падежѣ можетъ служить также для обозначенія орудія, которымъ совершается дѣйствіе, напр. „пишу *перомъ*“. Въ иныхъ случаяхъ Творит. падежъ пріобрѣтаетъ обстоятельственное значеніе, напр. „малина растетъ кустами“, „иду полемъ“ и т. п.

Особаго вниманія заслуживаетъ примѣненіе въ Творит. падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ въ сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ такіе глаголы, какъ —*звать*, *называть*, *считать*, *объявлять*.... *являться*, *казаться*, *называться*, *считаться*, *становиться*.... *быть*, *жить*, *рости*, *ходить*, *умереть*...; напр.: онъ называется Петромъ; я считаю тебя добрымъ; быть битымъ; [2]) сидѣть сиднемъ; и т. д. Не трудно видѣть, что въ предложеніяхъ такого рода составное сказуемое выражаетъ не только дѣйствіе, но и спо-

---

[1]) Въ этомъ случаѣ можетъ быть употребленъ также Род. падежъ: «онъ другъ моего отца». Въ послѣднемъ случаѣ чрезъ прибавленіе Род. падежа становится болѣе ограниченнымъ (опредѣляется) представленіе «другъ»; въ первомъ же случаѣ Дат. падежъ относится не только къ слову «другъ», но вмѣстѣ и къ подразумѣваемому глаголу «есть», въ чемъ и заключается разница между сравниваемыми выраженіями.

[2]) Вмѣсто Творит. падежа при неопред. наклоненіи глагола «быть» можетъ стоять также и Дат. падежъ, напр. «быть биту». Это встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Сборн. 1076 г. въ безличныхъ выраженіяхъ: «послушливу быти до съмьрти» (подразум. подобаетъ); «паче (т. е. лучше) похулену быти неже хулити: обидиму быти а не обидѣти».

собъ его проявленія въ признакахъ, указываемыхъ Творит. падежомъ существительнаго или прилагательнаго. Въ другихъ языкахъ въ такихъ предложеніяхъ вмѣсто Творит. падежа ставится Именит. или же Винит., т. е. въ согласованіи съ падежомъ подлежащаго или прямаго дополненія (двойной Именит. можно встрѣтить и въ современномъ русскомъ языкѣ, тогда какъ двойной Винит.—только въ старомъ языкѣ, срв. Лавр. лѣтоп. подъ 945 г. „и повелѣ засыпати *я* (т. е. ихъ) *живы*").[1]) Нужно однако замѣтить, что при этомъ вторые Именительный или Винительный, входя въ составъ сказуемаго, получаютъ нѣсколько особый оттѣнокъ значенія по сравненію съ соотвѣтствующими падежами подлежащаго или дополненія; эта разница въ греческомъ языкѣ выражается отсутствіемъ члена при второмъ падежѣ; въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ, какъ мы только что видѣли вмѣсто Именительнаго или Винительнаго сталъ примѣняться падежъ способа или Творительный. [2]) Что касается прилагательныхъ, то въ нихъ указанная разница оттѣнка значенія находитъ себѣ выраженіе въ встрѣчающейся иногда въ русскомъ языкѣ замѣнѣ втораго падежа соотвѣтствующимъ нарѣчіемъ, которое относясь уже непосредственно къ глаголу, еще нагляднѣе, чѣмъ Творит. па-

---

[1]) Въ поэзіи XVIII в. также можно встрѣтить примѣненіе такихъ устарѣвшихъ оборотовъ, напр. у В. И. Майкова въ баснѣ «Роза и Змѣя»: «Натура насъ съ тобой *подобныхъ* (т. е. подобными) сотворила» (Сочин., изд. 1867, стр 190). Примѣненіе втораго Именит., особенно отъ прилагательныхъ, какъ упомянуто,—встрѣчается и въ новомъ языкѣ, срв. у Пушкина «Къ морю»:

«Какъ часто по берегамъ твоимъ
Бродилъ я *тихій* и *туманный*,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ».

Или также у Лермонтова въ «Пророкѣ»: «Изъ городовъ бѣжалъ я *нищій*».

[2]) Употребленіе въ подобныхъ оборотахъ Творит. падежа встрѣчаемъ также и въ ближайшемъ родичѣ славянскихъ языковъ—въ языкѣ литовскомъ, напр. ką karāliumi išsaukti «объявить кого-либо *королемъ*».

дежъ, обозначаетъ способъ дѣйствія. [1]) **Вообще же говоря, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ здѣсь случаяхъ измѣняется синтаксическая зависимость: то, что раньше относилось къ подлежащему или дополненію, теперь приходитъ въ ближайшую связь съ сказуемымъ-глаголомъ.**

Примѣчаніе: **Усвоеніе падежныхъ оттѣнковъ дѣтьми происходитъ весьма неравномѣрно. Такъ, легче всего кромѣ Им. и Зват. усваиваются Винительный прямаго дополненія, Родит. вещественный, Дательный лица и изрѣдка Творит. орудія; изъ предложныхъ выраженій раньше всего усваиваются выраженія съ предлогами *въ* и *на*, отвѣчающія на вопросы: куда? гдѣ?**

Не касаясь случаевъ распространенія членовъ предложенія посредствомъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ разными предлогами, остановимся на распространеніи личныхъ глаголовъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* въ качествѣ дополненія. Глаголы, распространяемые въ русскомъ языкѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, представляютъ въ отношеніи смысла два типа, изъ которыхъ одинъ можетъ быть названъ субъективнымъ (напр. *хочу*, *желаю*), другой—объективнымъ (напр. *заставляю*, *прошу*). Личные глаголы перваго типа естественно обусловливаютъ отнесеніе глагольнаго дополненія въ неопр. накл. къ тому же субъекту, личные же глаголы втораго типа—къ объекту; напр. срв. „*я* хочу *читать*“ (=чтобы *я* читалъ) || „я заставляю *тебя читать*“ (=чтобы *ты* читалъ). Такъ какъ предложеніе можетъ заключаться въ безличномъ глаголѣ и вообще безличномъ выраженіи, то тогда конечно оттѣнокъ безличности распространяется и на форму неопредѣленнаго наклоненія, напр.: „*слѣдуетъ* молиться“ „*хочется* играть“, „*полезно* читать“, „*жаль* разстаться“ и т. п. Глаголы непереходнаго дѣйствія не могутъ распространять-

---

[1]) Срв. санскритское предложеніе—yatnam akarōt susamāhitah (=онъ совершалъ покаяніе очень *старательный*), которое по-русски должно быть передано: «онъ совершалъ покаяніе очень *старательно*».

ся неопред. наклоненіемъ (напр. играю, торгую и т. п.), кромѣ глаголовъ движенія, при которыхъ неопред. наклоненіе служитъ для выраженія цѣли дѣйствія. [1]) Въ этихъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ употреблялась особая глагольная форма, именуемая *супиномъ* и оканчивавшаяся на *-тъ* (напр. иде учитъ), затѣмъ вышедшая изъ употребленія и замѣнившаяся обыкновеннымъ неопр. наклоненіемъ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о *сложныхъ предложеніяхъ*. Сложныя предложенія могутъ состоять во 1) изъ равноправныхъ предложеній (т. наз. *составныя*), напр. я читаю, а ты играешь; при этомъ если имѣются общіе члены въ томъ и другомъ, то они—согласно принципу экономіи—могутъ не повторяться, напр. братъ сидитъ и читаетъ (такія предложенія получили наименованіе *слитныхъ*); 2) изъ неравноправныхъ предложеній—главнаго съ зависимымъ отъ него придаточнымъ, напр. „Несется онъ къ Франціи милой, *гдѣ* славу оставилъ и тронъ“ (Лермонтовъ). Сущность разницы между этими двумя типами сложныхъ предложеній сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ, при *сочиненіи*, сохраняется самостоятельность и полнота смысла каждаго изъ сочетаемыхъ предложеній, тогда какъ во второмъ, при *подчиненіи*, вниманіе фиксируется преимущественно на главномъ предложеніи, которому тѣмъ или другимъ способомъ подчиняется придаточное.

Придаточныя предложенія бываютъ въ такъ называемомъ *полномъ* и *краткомъ* видѣ. Связь полнаго придаточнаго предложенія съ главнымъ можетъ обозначаться: 1) посредствомъ мѣстоименій относительныхъ, 2) посредствомъ мѣстоименныхъ нарѣчій, 3) посредствомъ союзовъ (временныхъ, условныхъ, уступительныхъ, причинныхъ и пр.). Первый родъ связи употребляется

---

[1]) О неопред. наклоненіи см. еще выше сноску на стр. 209—210.

тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному или второстепенному члену предложенія, выраженному посредствомъ склоняемаго слова; второй родъ связи примѣняется въ томъ случаѣ, когда придаточное предложеніе относится къ обстоятельственному слову главнаго предложенія, почему иногда можетъ употребляться также и въ первомъ случаѣ какъ параллельный оборотъ; третій родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному въ его цѣломъ, а не къ отдѣльному его члену.

Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ *полныхъ придаточныхъ предложеній* въ связи съ главнымъ предложеніемъ, классифицируя ихъ уже не по способу формальнаго присоединенія къ главному предложенію, а на основаніи смысловыхъ различій, при чемъ оговоримся, что факты живой рѣчи не всегда укладываются въ тотъ или другой опредѣленный типъ, но могутъ занимать переходное положеніе, относясь одновременно къ тому и другому.

а) *Типъ опредѣлительно-описательный* употребляется въ томъ случаѣ, когда тотъ или другой предметный членъ предложенія не можетъ быть выраженъ однимъ словомъ, а требуетъ описанія. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ или относительнымъ нарѣчіемъ, которымъ въ главномъ предложеніи соотвѣтствуютъ указательныя мѣстоименіе или нарѣчіе, нерѣдко опускаемыя. Если придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ, то послѣднее полагается въ томъ падежѣ, какой обусловливается требованіями присоединяемаго придаточнаго предложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи даннаго типа:

Кто много посмѣетъ, *тотъ* у нихъ и правъ... (Достоев. „Прест. и Наказ.“ ч. 5, гл. IV).

Что пройдетъ, *то* будетъ мило (Пушк. „Если жизнь тебя обманетъ“, 1825 г.).

Тому, кого караетъ явно,

Онъ втайнѣ милости творитъ. (Пушк. „Друзьямъ", 1828 г.).

Она видѣла въ немъ что-то новое, *съ чѣмъ* ей не случалось встрѣчаться. (Тург. „Отцы и дѣти" гл. XVI).

У васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, *изъ которыхъ* вы мнѣ ни одной не повѣрите. (Тург. „Наканунѣ" гл. IX).

Такой тонъ былъ общій у всѣхъ прикащиковъ, *сколько* ихъ у него ни перебывало. (Л. Толстой „Анна Кар.", ч. 2, гл. XIII).

...онъ вошелъ въ маленькую гостинную, *гдѣ* всегда пилъ чай... (Тамъ же, ч. 1, гл. XXVII).

б) *Типъ уподобительно-сравнительный* употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется сравнить однородные предметы или явленія въ смыслѣ сходства, или же показать разницу между ними въ смыслѣ степени качества. Формальное отличіе такого типа состоитъ въ томъ, что придаточное предложеніе начинается съ относительнаго мѣстоименія или мѣстоименнаго нарѣчія, выражающихъ уподобленіе (напр. *какой*, *какъ*), или же со слова „чѣмъ"; въ первомъ случаѣ главное предложеніе содержитъ указательное мѣстоименіе (нерѣдко опускаемое), а въ послѣднемъ—сравнительную степень прилагательнаго или нарѣчія. Примѣры:

Каковъ попъ, *таковъ* и приходъ. (Народ. поговорка).

...*какъ* всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ. (Тург. „Наканунѣ" гл. V).

Вы не стѣсняйтесь, *какъ бы* наединѣ самъ себѣ! (Достоев. „Прест. и Нак." ч. 6, гл. VIII).

Какъ невозвратная струя блеститъ, бѣжитъ и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ... (Пушк. 1825 г.).

...произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною

отчетливостью, *словно* она его наизусть выучила. (Тург. „Отцы и Дѣти“ гл. XVI).

Счастливѣй былъ, *чѣмъ* вы и я. (Лерм. „Казначейша“ XVII).

в) *Типъ временной* выражаетъ одновременность или же послѣдовательность дѣйствій главнаго и придаточнаго предложенія частію союзами, частію же видами глагола несовершеннымъ и совершеннымъ. Срв.:

Когда онъ увидалъ все это, на него на минуту напало сомнѣніе (Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 1, гл. XXVI).

Въ то время, какъ она выходила изъ гостинной, въ передней послышался звонокъ. (Тамъ же, глава XXI).

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока. (Лерм. „Пророкъ“).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ. (Пушк. „Поэтъ“).

Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ какъ тутъ. (Лерм. „Бородино“).

И *только* небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось (Тамъ же).

г) *Типъ изъяснительный* служитъ для распространенія главнаго предложенія, сказуемое котораго выражено глаголомъ изъяснительнымъ (напр. *думаю*, *говорю*, *знаю* и мн. др.). Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается союзомъ „что“ (иногда „какъ“). [1]) Къ этому типу подойдутъ и

[1]) Если придаточное предложеніе зависитъ тъ главнаго, содержащаго

зависимыя вопросительныя предложенія, начинающіяся вопросительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ. Напримѣръ:

И *знать*, *что* никогда не проникнешь въ эту душу, не будешь *вѣдать*, *отчего* она груститъ, отчего радуется?... (Тург. „Наканунѣ" гл. IX).

Спой мнѣ *пѣсню*, *какъ* синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла. (Пушк. „Зимній вечеръ").

Кѣмъ убитъ и *отчего*,
Знаетъ соколъ лишь его. (Пушк. „Шотландск. пѣсня" 1828).

Жаль, *что* ты не разобралъ Устрялова. (Письма Пушк., № 482, ред. Морозова).

д) *Типъ условный* употребляется тогда, когда осуществленіе положенія, высказываемаго главнымъ предложеніемъ, зависитъ отъ того или другаго условія, заключающагося въ придаточномъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе обычно присоединяется къ главному посредствомъ союза „если", происшедшаго изъ глагольной формы „есть" съ прибавленіемъ вопросительной частицы „ли". Въ послѣднемъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ связь условныхъ придаточныхъ предложеній съ вопросительными. Что это дѣйствительно такъ, подтверждаютъ случаи изъ живой рѣчи, когда условіе выражено не сложнымъ предложеніемъ, а двумя равноправными, изъ которыхъ первое оказывается вопросительнымъ. Очень нагляднымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ писемъ Пушкина (1837 г.): „Не согласитесь *ли* вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? *Въ такомъ случаѣ* буду имѣть честь препроводить

глаголъ *недостовѣрнаго знанія*, то въ придаточномъ предложеніи къ изъяснительному союзу прибавляются частицы *де* или *дескать*, а также *будто бы*.

къ вамъ его книгу". [1]) Когда въ условномъ предложеніи высказывается сужденіе не какъ фактъ дѣйствительности, а лишь возможности или желанія, то въ этомъ случаѣ примѣняется частица *бы*, придающая оттѣнокъ сослагательнаго наклоненія; иногда для той же цѣли въ придаточномъ предложеніи употребляется повелительное наклоненіе, которое, какъ мы видѣли (стр. 210, сноска) въ такихъ оборотахъ является пережиткомъ желательнаго наклоненія. Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ сложныхъ предложеній условнаго типа:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! (Пушк. 1825 г.).

Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ... (Тург. „Отцы и Дѣти", гл. XV).

Русскій человѣкъ любитъ подчивать—*коли* не чѣмъ инымъ, *такъ* своими знакомыми. (Тург. „Наканунѣ" гл. VII).

Посади я его слишкомъ рано (т. е. въ тюрьму), *такъ* вѣдь я ему пожалуй нравственную опору придамъ... (Достоев.. „Прест. и Нак," гл. V).

Брожу *ли* я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу *ль* во многолюдный храмъ,
Сижу *ль* межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ. (Пушк. Стансы, 1829 г.)

Не будь на то Господня воля,—
Не отдали бъ Москвы! (Лерм. „Бородино").

е) Къ условному близко подходитъ по смыслу *типъ уступительный*, употребляющійся тогда, когда осуществленіе положенія высказываемаго главнымъ предложеніемъ, происходитъ

---

[1]) Анализируя съ этой точки зрѣнія и другіе типы сложныхъ предложеній, въ которыхъ придаточныя предложенія присоединяются съ помощью вопросительно-относительныхъ мѣстоименій, нарѣчій или союзовъ, можно допустить, что всѣ они вырабатывались подъ вліяніемъ вопросительнаго типа.